

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Научно-
публицистический
журнал

Учредитель и издатель:
федеральное
государственное
бюджетное
образовательное
учреждение высшего
профессионального
образования
«Мордовский
государственный
университет
им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

1/2016
(№ 94)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона

- 6 **О. В. Цветкова.** Формальные правила и технологии изменения субнациональных границ России
- 17 **А. В. Логинов.** Функциональная роль обратной связи в условиях политической унификации
- 25 **И. В. Михалёва.** Конституционные основы демократизации Республики Корея
- 33 **З. В. Вердиханова.** «Цветные революции»: теории и технологии
- 41 **С. П. Савкин.** Комплексный подход к формированию внутренней региональной политики в сфере государственно-частного партнерства
- 56 **В. И. Патрушев, Ю. В. Астахов.** Кадровое обеспечение устойчивого социально-экономического развития региона и муниципальных образований

Экономика региона

- 64 **Н. А. Филиппова, Т. А. Ефремова, Г. В. Морозова.** Совершенствование системы государственной регистрации налогоплательщиков в регионе
- 77 **Е. Г. Саранцева.** Повышение результативности предпринимательской деятельности машиностроительных предприятий региона на основе операционного анализа прибыли
- 84 **К. А. Кудрявцев.** Выбор потребителей и влияние недобросовестной конкуренции на хозяйствующие субъекты-конкуренты

Социология региона

Главный редактор:
С. М. ВДОВИН

Журнал
входит в
Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых
должны быть
опубликованы
основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

- 89 **В. А. Писачкин.** Теория жизненного пространства в социологии
- 101 **Г. Г. Евстифеева.** Демографическая ситуация в регионе
- 112 **С. В. Ситникова.** Аксиологические основы религиозности студенческой молодежи
- 120 **Н. Ю. Егорова, И. Л. Сизова.** Насилие над детьми: от проблем семьи к проблемам школы
- 133 **Л. С. Киселева.** Социальные детерминанты здоровья россиян
- 143 **Ю. Ю. Белова, М. А. Галибина.** Алкоголе-зависимые в условиях психиатрического стационара: опыт социальной диагностики
- 152 **Н. А. Галактионова.** Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов)

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Scientific
and Socio-Political
Journal

Founder and Publisher:
Federal State-Funded
Educational
Institution of Higher
Professional Education
“N.P. Ogarev Mordovia State
University”

The journal has been
published since October 1992

The journal is
published quarterly

1/2016
(№ 94)

CONTENTS

Political Space of a Region

- 6 **O. V. Tsvetkova.** Formal Rules and Methods of Changing Russia's Subnational Boundaries
- 17 **A. V. Loginov.** Functional Role of Feedback in the Process of Political Unification
- 25 **I. V. Mikhaleva.** The Constitutional Basis for Democratization of the Republic of Korea
- 33 **Z. V. Verdikhanova.** “Color Revolutions”: Theories and Techniques
- 41 **S. P. Savkin.** Integrated Approach to Formation of Domestic Regional Policy in the Sphere of Public-Private Partnership
- 56 **V. I. Patrushev, Yu. V. Astakhov.** Staffing Sustainable Socio-Economic Development in a Region and in Municipalities

Economy of a Region

- 64 **N. A. Filippova, T. A. Efremova, G. V. Morozova.** Improving the System of State Registration of Taxpayers in a Region
- 77 **E. G. Sarantseva.** Increasing Effectiveness of Business Activity of Machine-Building Enterprises in a Region on the Basis of the Operational Analysis of Profits
- 84 **K. A. Kudryavtsev.** Consumer Choice and the Impact of Unfair Competition on the Competing Business Entities

Sociology of a Region

- 89 **V. A. Pisachkin.** Theory of Life Space in Sociology
- 101 **G. G. Evstifeeva.** Demographic Situation in a Region

Editor-in-Chief:
S. M. VDOVIN

The journal
is included
into the
List of the
peer-reviewed
scientific
publications
where the basic
scientific results
of candidate's
and doctoral
theses must be
published

- 112 **S. V. Sitnikova.** Axiological Foundations of Religiosity of the Student Youth
- 120 **N. Yu. Egorova, I. L. Sizova.** Child Abuse: from Family Problems to Problems at School
- 133 **L. S. Kiseleva.** Social Determinants of Russians' Health
- 143 **Yu. Yu. Belova, M. A. Galibina.** Alcohol Addicted People in a Mental Hospital: Experience of Social Diagnostics
- 152 **N. A. Galaktionova.** Socio-Cultural Image of a Region in Terms of Toponymic Policy (the Case Study of Tyumen and Naberezhnye Chelny)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- С. М. Вдовин** — главный редактор, канд. экон. наук (г. Саранск, Россия)
- И. В. Бахлов** — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
- В. И. Гришин** — д-р экон. наук, проф. (г. Москва, Россия)
- А. В. Дахин** — д-р филос. наук, проф. (г. Нижний Новгород, Россия)
- П. В. Дружинин** — д-р экон. наук, доц. (г. Петрозаводск, Россия)
- А. Н. Ершов** — д-р социол. наук, проф. (г. Казань, Россия)
- Т. Н. Иванова** — д-р социол. наук, доц. (г. Тольятти, Россия)
- Л. В. Калачина** — отв. секретарь, канд. культурологии (г. Саранск, Россия)
- В. А. Ковалев** — д-р полит. наук, доц. (г. Сыктывкар, Россия)
- В. В. Козин** — зам. главного редактора, канд. социол. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
- А. Е. Лапин** — д-р экон. наук, проф. (г. Ульяновск, Россия)
- В. В. Маркин** — д-р социол. наук, проф. (г. Москва, Россия)
- В. И. Патрушев** — д-р социол. наук, проф. (г. Москва, Россия)
- Г. А. Резник** — д-р экон. наук, проф. (г. Пенза, Россия)
- Ж. Симанавичене** — д-р экон. наук, проф. (г. Каунас, Литва)
- В. П. Шалаев** — д-р филос. наук, проф. (г. Йошкар-Ола, Россия)

EDITORIAL BOARD

- S. M. Vdovin** — Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences (Saransk, Russian Federation)
- I. V. Bakhlov** — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
- V. I. Grishin** — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
- A. V. Dakhin** — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
- P. V. Druzhinin** — Doctor of Economic Sciences, Docent (Petrozavodsk, Russian Federation)
- A. N. Ershov** — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Kazan, Russian Federation)
- T. N. Ivanova** — Doctor of Sociological Sciences, Docent (Togliatti, Russian Federation)
- L. V. Kalachina** — Executive Secretary, Candidate of Culturology (Saransk, Russian Federation)
- V. A. Kovalev** — Doctor of Political Sciences, Docent (Syktyvkar, Russian Federation)
- V. V. Kozin** — Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Sociological Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)
- A. E. Lapin** — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Ulyanovsk, Russian Federation)
- V. V. Markin** — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
- V. I. Patrushev** — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation)
- G. A. Reznik** — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Penza, Russian Federation)
- Zh. Simanavichene** — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Kaunas, Lithuania)
- V. P. Shalaev** — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

О. В. ЦВЕТКОВА

ФОРМАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА И ТЕХНОЛОГИИ ИЗМЕНЕНИЯ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦ РОССИИ

Ключевые слова: субнациональные границы, уточнение границы, внутристрановое измерение, формальные правила, технологии изменения границы

Key words: subnational boundaries, clarification of boundaries, domestic dimension, formal rules, technology changes boundaries

В статье рассматриваются формальные правовые правила изменения субнациональных границ на внутристрановой территории. Особое внимание уделено сложившимся технологиям в политической практике по вопросам уточнения и изменения границ между субъектами Российской Федерации.

The paper examines formal legal rules of changing subnational boundaries within the territory of the country. Special attention is paid to the methods existing in political practice on clarification of and changes in boundaries between the subjects of the Russian Federation.

Во внутристрановом измерении субнациональные границы упорядочивают территориальную организацию жизни общества. Для выяснения проблем и методов урегулирования многих территориальных претензий требуется тщательное изучение карты спорных вопросов по границам, так как в механизме изменения субнациональных границ существует ряд проблем. По разным источникам, политическая карта Российской Федерации (РФ) включает от 36 до 62 спорных участков, связанных с установкой субнациональных границ РФ. Рассмотрение случаев изменения последних носит

ЦВЕТКОВА Ольга Викторовна, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета, кандидат политических наук.

TSVETKOVA Olga Viktorovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation).

© Цветкова О. В., 2016

эмпирический характер. Анализ ситуации на внутристрановом уровне показывает, что в настоящее время практика изменения субнациональных границ демонстрируется на реальных примерах.

Процесс создания государственной границы проходит три стадии: размещение, делимитацию, демаркацию¹. По сути, эти процедуры идентичны и для субнациональных границ. Проведение линии границы субъекта проходит операцию подробного описания границы региона в официальных документах в связи с юрисдикцией и землепользованием региона, а демаркация не осуществляется в связи с прозрачностью границ на внутристрановой территории. Порядок установления границы субъектов РФ Конституцией не определен. Вопросы территориального устройства субъектов РФ Конституцией РФ не отнесены к ведению РФ и совместному ведению РФ и субъектов РФ. Следовательно, эти вопросы могут регулироваться законодательством субъекта РФ.

В правовом отношении ч. 3 ст. 67 Конституции РФ устанавливает, что границы между субъектами Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия. Такой порядок изменения границ между субъектами Федерации является гарантией целостности государственной территории России. Но это не означает, что субъекты изменяют свои границы без участия федеральных органов. В этом процессе участвуют три стороны: органы государственной власти двух субъектов (границы которых изменяются) и Совет Федерации. Изменение административных границ между субъектами подлежит, как установлено ст. 102 Конституции РФ, утверждению Советом Федерации.

Правовая база по изменению границ регионов в России слаборазвита. В марте 2002 г. начата разработка проекта закона «Об изменении административных границ субъектов Российской Федерации». Первоначально идея заключалась в создании законопроекта об административных границах субъектов Федерации. После согласования с профильным комитетом Совета Федерации было внесено уточнение, что этот законопроект не о границах, а об изменении границ между субъектами РФ.

Законопроект прошел серьезную экспертизу и подготовку. По состоянию на 12 ноября 2002 г. от 36 субъектов Федерации были получены отзывы: 32 субъекта Федерации

высказались за принятие, 4 — против. 14 ноября 2002 г. Комитет по делам Федерации и региональной политике провел парламентские слушания на тему «Проблемы законодательного обеспечения административно-территориального устройства Российской Федерации», в ходе которых большинство выступавших высказались за принятие законопроекта. Основное внимание при его разработке было уделено процедурным вопросам механизма исполнения положений указанных статей. Законопроект состоял из восьми глав и содержал 21 статью.

Основные направления, которым было уделено особое внимание в законопроекте, следующие: разграничить полномочия органов государственной власти РФ, государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления в области осуществления деятельности по изменению административных границ субъектов РФ; ввести межевые знаки и проработать механизмы их установки; изменение границ проводить только с согласия населения обоих субъектов Федерации (путем проведения референдума).

В сентябре 2003 г. законопроект был рассмотрен и отклонен в первом чтении. Положения этого закона не нашли поддержки у руководства страны, которое выступило против его принятия. Концептуально данный законопроект не стыковался с Конституцией РФ.

Однако возвращение к закону неизбежно, так как неформальная практика показала, что границы между субъектами РФ изменяются, причем при явном воздействии федерального центра на регионы путем разнообразных технологий. В связи с отсутствием федерального закона в России остается неопределенным механизм изменения субнациональных границ (делимитация и демаркация).

Неформальная практика, а именно частные случаи изменения субнациональных границ на внутристрановой территории России, весьма показательна. Каждый прецедент изменения границ субъектов РФ зависит от некоего фактора, оказывающего влияние на передел территории и границ.

Первая группа случаев изменения субнациональных границ связана с географическим фактором, а именно с расположением региона в сетке административно-территориального деления как зависимого от определенных качеств прилегающей приграничной территории.

Первый прецедент произошел в 1993 г. Нижегородской области был передан Сокольский район, ранее входивший в состав Ивановской области. Проблема носила территориально-хозяйственный характер в связи с тем, что Сокольский район расположен на другом берегу Волги по отношению к остальной территории Ивановской области (своеобразный анклав, транспортного и водного сообщения между ними не было). Поэтому взаимодействие населения осуществлялось с Нижегородской областью, территория которой окружала данный район. По формальным правилам в соответствии с Конституцией РФ (ст. 67, п. 3) изменение границы должно быть основано на взаимном согласии регионов. В этом случае в апреле 1993 г. на территории Сокольского района проведен референдум с участием местного населения по вопросу присоединения района к Нижегородской области. В результате Советом Федерации было вынесено постановление об утверждении изменения границы между Ивановской и Нижегородской областями в соответствии с согласованными между ними картой и описанием новой линии границы². В случае изменения границ Ивановской и Нижегородской областей принципы взаимного согласия субъектов Федерации были соблюдены и построены на демократической основе через волеизъявление граждан этих субъектов.

Похожая ситуация возникла в 2007 г. на границе Еврейской автономной и Амурской областей по территориальному участку с. Заречье. Это поселение официально принадлежало территории Еврейской автономной области (вследствие некорректного проведения границы в советское время), а по местному расположению оказалось в окружении территории Амурской области. В результате всем социальным обеспечением поселения занималась Амурская область. Таким образом, изменение границы между Амурской и Еврейской автономными областями произошло на основании мнений жителей данного поселения³, которые высказались за изменение границ субъектов РФ на местном собрании. Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 2 февраля 2007 г. № 30-СФ было решено утвердить изменение границы между Еврейской автономной областью и Амурской областью в соответствии с согласованными между ними картой и описанием новой линии границы.

В 1994 г. в соответствии с ч. 3 ст. 67 и п. «а» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ с учетом решений органов государственной власти Костромской и Вологодской областей изменена субнациональная граница в связи с передачей пос. Гремячий и прилегающих к нему территорий из состава Солигаличского района Костромской области в состав Грязовецкого района Вологодской области. Советом Федерации было вынесено постановление утвердить изменение границы между Костромской и Вологодской областями в соответствии с согласованными между ними картой и описанием новой линии границы⁴.

Вторая группа случаев изменения субнациональных границ связана с экономическим фактором. Получение прибыли от спорных участков территории заставляет субъекты РФ выдвигать инициативы по территориальным притязаниям.

Относительно границы между Костромской и Ивановской областями на протяжении десятилетий длится территориальный спор по урегулированию прохождения межрегиональной границы в районе р. Немда. Территория берегов реки принадлежит Костромской области, а река — Ивановской (это решение было принято в советское время при строительстве Горьковского водохранилища).

С 1957 г. по настоящее время по причине условности (прозрачности) проведения субнациональных границ возник спор между Республикой Калмыкия и Астраханской областью. Предметом конфликта стал нефтепровод Каспийского трубопроводного консорциума, проложенный по территории спорного участка (протяженность 87 км), именуемого Черными землями, расположенного в Лименском районе Астраханской области (общая площадь 390 тыс. га). Спорная территория до ликвидации Калмыкии входила в ее состав, но затем была передана Астраханской области. Субъектом выдвижения инициативы выступили региональные власти Республики Калмыкия, настаивающие на передаче спорного участка и пересмотре границ между двумя субъектами, аргументируя свое мнение тем, что исторически эти земли принадлежат республике. До настоящего времени сложные территориальные отношения не урегулированы.

В 1993 г. город федерального значения Санкт-Петербург и Ленинградская область начали работу по уточнению субнациональных границ. Субъектом выдвижения инициативы

выступили власти г. Санкт-Петербурга, в результате чего на территории четырех населенных пунктов Ленинградской области (Ильичево, Решетниково, Сертолово, Черная Речка) был проведен референдум о вхождении этих поселений в территорию города Санкт-Петербурга. Изменение границ не было утверждено по причине несогласия Ленинградской области, хотя жители данных поселков высказались за вхождение в городскую черту. С согласия Ленинградской области пос. Сертолово был преобразован в город областного подчинения, но участок остался в составе Ленинградской области.

В 1995 г. начался второй этап по уточнению границ между названными субъектами. Мэр г. Санкт-Петербурга А. А. Собчак и губернатор Ленинградской области А. С. Беляков подписали распоряжение по изменению границы между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью. Третий этап уточнения границ относится к 27 января 2010 г., когда Ленинградская область и Санкт-Петербург внесли изменения в границу между своими территориями. Основной причиной было то, что проживание жителей поселка. Песочный регистрировалось на территории Ленинградской области, а объекты недвижимости являлись государственной собственностью г. Санкт-Петербурга.

Отметим, что границы между Ленинградской областью и другими субъектами РФ могут быть изменены по взаимному согласию на основании итогов соответствующих референдумов. Соглашение об изменении границ Ленинградской области утверждается постановлением Законодательного собрания Ленинградской области и представляется на утверждение Совета Федерации Федерального Собрания РФ в соответствии с федеральным законом.

В августе 2010 г. губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко и губернатор Ленинградской области В. П. Сердюков подписали соглашение, по условиям которого городу отошел земельный участок на границе пос. Горелово. Неформальная практика впервые показала, что механизм изменения субнациональных границ может быть оспорен в обратном порядке. Верховный суд России принял в производство вопрос о возврате Ленинградской области ранее принадлежащей территории (24 га земли). Генеральная прокуратура РФ сочла, что передача земли г. Санкт-Петербургу в 2010 г. была проведена с нарушением законов. Причиной выступило то,

что решение об изменении субнациональных границ было принято на уровне региональных властей без проведения референдума и утверждения Советом Федерации.

Третья группа случаев изменения субнациональных границ связана с управленческим фактором. Управление границами, принципы их проведения и корректировка связаны с властными полномочиями федеральных властей. Укрупнение территорий происходит за счет поглощения сильным центром (административные центры и крупнейшие города округов) более слабой периферийной территории (территория областей вокруг городов федерального значения и административных центров). Проекты конгломерации разрабатываются сильным центром для увеличения территории больших городов.

Особой проблемой является территориальное размежевание между городами федерального значения и окружающими их областями. После получения статуса полноправных субъектов РФ эти города, заручившись поддержкой федеральных властей, стали претендовать на передачу земель в рамках расширения территории за счет окружающих их областей.

Первый прецедент касался передачи земель в рамках расширения территории г. Москвы за счет Московской области. С 1 июля 2011 г. по соглашению к территории г. Москвы было присоединено 148 тыс. га и площадь территории федерального города увеличилась более чем в два раза. В результате расширения на юго-запад субнациональные границы г. Москвы пролегают у Калужской области, к г. Москве присоединилось 21 муниципальное образование Московской области, в том числе два городских округа (Троицк и Щербинка), а также инновационный центр в Сколково, финансовый центр в Рублево-Архангельском, Троицкий научный центр и административно-деловой центр на калужском направлении; 19 городских и сельских поселений, входивших в Подольский, Ленинский и Наро-Фоминский районы, а также часть Одинцовского и Красногорского районов. Изменение границ столицы утвердили Мосгордума, Мособлдума и Совет Федерации.

Как показывает анализ сложившейся практики, технология изменения субнациональных границ включает ряд стадий: возникновение проблемы, выдвижение субъекта инициативы, создание согласительных и межведомственных

комиссий из представителей спорных субъектов, подготовку проекта соглашения, учет мнения населения (референдум), процедуру подготовки, подписания и ратификации соответствующими регионами соглашения об изменении границ, принятие решения Советом Федерации, реализацию решения соответствующих субъектов, обжалование или опротестование принимаемых на разных этапах решений (факультативная стадия).

На первоначальной стадии возникает проблема спорного участка территории. Особую роль здесь играет субъект выдвижения инициативы. Им могут выступать как представители федеральной и региональной властей (идея о целесообразности объединения Москвы и Московской области озвучена Президентом РФ Д. А. Медведевым в 2011 г. на Петербургском международном экономическом форуме), так и само население.

На второй стадии создаются рабочие группы, согласительные и межведомственные комиссии из представителей спорных субъектов. Деятельность консультативных органов, совместных комиссий включает обсуждение вопросов взаимодействия по вопросам изменения границ. Согласительные комиссии готовят проект соглашения изменения границы и ведут учет мнения населения (после проведения референдума на спорной территории региона). Проект соглашения готовится с учетом достигнутых договоренностей, подписывается губернаторами (высшими должностными лицами субъектов РФ). Утверждение соглашений находится в исключительной компетенции законодательных органов государственной власти субъектов РФ.

Далее следует процедура подготовки, подписания и ратификации соответствующими регионами соглашения об изменении границ, причем в проекте соглашения учитываются договоренности сторон, документ заверяется подписями высших должностных лиц субъектов РФ. На основании решения Совета Федерации вносятся необходимые изменения в действующие нормативные правовые акты, разрабатываются и принимаются новые (все это отражается в документах территориального планирования, государственного кадастра недвижимости). Например, реализация решения о последнем изменении границ Москвы и Московской области требует принятия пакета различных решений на федераль-

ном, региональном и муниципальном уровнях, связанных с обустройством новых территорий, внесением изменений в бюджетное, земельное законодательство и др., а также с обжалованием или опротестованием принимаемых на разных этапах решений. Однако на практике этот порядок почти не применяется и касается больше решений, принимаемых на уровне субъектов РФ.

Таким образом, спорность участка территории зависит от географического положения, так как наблюдается процесс тяготения не к тому региону, который владеет территорией, а к региону, который окружает данный участок. Простая историческая принадлежность территории влияет на вероятность возникновения спорного вопроса в отношении ее субъекта владения. В случае принадлежности спорного участка к сфере влияния другого субъекта РФ возникает неудовлетворенность местного населения в связи с социальными проблемами.

Изменения субнациональных границ наиболее вероятны между городами федерального значения и окружающими их областями. Трансформация городов федерального значения в полноправные субъекты Федерации сделала актуальной проблему их размежевания с окружающими территориями. В ряде случаев ситуация оказалась запутанной в связи с частыми изменениями границ между этими городами и прилегающими областями в советский период.

По формальным правилам, при согласии субъектов РФ референдум вовсе не обязателен, но в любом случае изменение границ должен утвердить Совет Федерации. По неформальной практике, именно это правило было нарушено в случае передачи земли Ленинградской области в 2010 г.

На внутрисубъектном уровне неформальные практики указывают на две технологии изменения границы: договорную и силовую⁵. При этом субнациональные границы не проводятся на договорной основе между регионами, но имеют договорной характер с местными жителями спорных участков территории и региональной властью. Силовой способ здесь подразумевается не в буквальном смысле, так как изменение субнациональных границ почти всегда связано с неформальной ролью федерального центра. Федеральный центр, обладая более широкими полномочиями по сравнению с региональными властями, принимает решения по измене-

нию границы субъектов, поэтому в полной мере характер проведения границ носит силовой характер. Следует указать, что изменение не происходит насильственным путем, так как федеральный центр учитывает объективные факторы и интересы населения региона, чтобы не вызвать протеста.

Современные технологии изменения границ осуществляются разными путями, и каждый случай уникален. Анализ формальных практик, включая правовое регулирование, показал существенное отставание общественных отношений и технологий изменения субнациональных границ от правовой базы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Цветкова О.В. Теоретико-методологические основы исследований государственных границ // Регионология. 2014. № 2. С. 40—47.

² См.: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Об утверждении изменения границы между Ивановской и Нижегородской областями» от 3 февраля 1994 г. № 38-1 СФ. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/6768> (дата обращения: 17.11.2015).

³ См.: Стенограмма 194-го заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 2 февраля 2007 г. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/page/7> (дата обращения: 17.11.2015).

⁴ См.: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Об утверждении изменения границы между Костромской и Вологодской областями» от 25 октября 1994 г. № 236-1 СФ. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/6563> (дата обращения: 17.11.2015).

⁵ В западной науке концепцию силовых и договорных границ развивает С. Джонс (Jones S. Boundary Concepts in the Setting of Place and Time // *Annals of the Association of American Geographers*. 1959. Vol. 49. Iss. 3. P. 241—255).

Поступила 23.11.2015.

O. V. Tsvetkova. Formal Rules and Methods of Changing Russia's Subnational Boundaries

Subnational boundaries regulate the territorial organization of society. To reveal the problems and means to settle many territorial claims, a careful study of the map of disputed issues concerning boundaries is required, as there are a number of problems connected with the mechanism of changing subnational boundaries. In legal terms and according to the formal rules, section 3 of article 67 of the Constitution of the Russian Federation establishes that the subjects of the Federation can be change the boundaries between them in case of mutual consent. Such an order of changing boundaries

between subjects of the Federation is a guarantee of integrity of Russia's state territory. But this does not mean that subjects of the Federation change their boundaries without participation of the Federal authorities. Changes in administrative borders between the subjects shall be made as defined in article 102 of the Constitution of the Russian Federation and shall be approved by the Federation Council.

As the analysis of current practices shows, methods of changing subnational boundaries include the following stages: emergence of a problem, nomination of the subject of the initiative; establishment of a conciliation and inter-ministerial committees with representatives from the subjects in question; preparation of a draft agreement taking into account the opinions of the people (the referendum procedure); the procedure of preparation, signing and ratification of the agreement on changing boundaries by the relevant regions; adoption of a decision by the Federation Council; implementation of the decisions by the relevant subjects; appeal or protest against decisions taken at different phases (optional stage).

А. В. ЛОГИНОВ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ УНИФИКАЦИИ

Ключевые слова: обратная связь, спаянность, политический цикл, унификация, консолидация, политическая система, политические реформы, социальный контракт

Key words: feedback, cohesion, political cycle, unification, consolidation, political system, political reform, social contract

В статье раскрывается функциональная роль обратной связи в условиях унификации как отдельного этапа политического цикла. На примере современной российской политики анализируются внутрисистемные ресурсы и ограничения с точки зрения усиления (ослабления) функциональной роли обратной связи.

The paper reveals the functional role of feedback in the process of unification, as a separate stage of the policy cycle. The case study of modern Russian policy exemplifies the analysis of the internal resources and constraints in terms of strengthening (weakening) of the functional role of feedback.

Функциональная роль обратной связи правящей элиты и народа на каждом этапе развития политической системы представляет собой важный результирующий фактор органичности проводимых реформ и автономности функционирования политических механизмов. Значимость обратной связи и опасность ее утраты подчеркивались политическими мыслителями с глубокой древности до наших дней.

Наиболее интересен подход арабского мыслителя Средневековья Ибн-Хальдуна. В трактате «Мукаддима» («Введение»)

ЛОГИНОВ Александр Валерьевич, доцент кафедры всеобщей истории, регионоведения и политологии Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

LOGINOV Alexander Valerievich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Regional Science and Political Science, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

он изложил весьма реалистичную концепцию циклического развития государств, отдельно выделив при этом функциональную роль обратной связи¹. В трактовке мыслителя она находит выражение в категории «спаянность», которая является центральной в его концепции. Спаянность — это качество, которое консолидирует власть и подвластных. Процесс развития государства связан с постепенным «ослаблением спаянности и отваги», которые в полной мере были выражены на стадии возникновения государств на «открытом пространстве». Эгоизм сыновей и потомков первых правителей, насаждение роскоши приводят к исчерпанию «спаянности»: «в следующих поколениях спаянность и отвага уменьшаются все более, пока спаянность не исчезнет вовсе — а они сами позволяют ей исчезнуть. Насколько они благоденствуют и роскошествуют, настолько же приближаются к гибели, не говоря уже о [невозможности обрести] владение. Ведь то, что сопутствует роскоши и благоденствию, выхолащивает спаянность, благодаря которой они пользуются преобладанием. Когда исчезнет спаянность, племя не сможет охранять и защищаться, не говоря уже о том, чтобы преследовать свои цели, — и тогда его проглотят другие народы»².

В приведенном отрывке Ибн-Хальдун подчеркивает значимость консолидации общества и власти вокруг всеми разделяемых социально-политических ценностей, выделяет стабилизирующие и легитимирующие функции состояния «спаянности», ибо «одолевать другого и давать отпор можно только в силу спаянности, поскольку благодаря ей люди переживают, встают на защиту и готовы умереть друг за друга»³. Мыслитель делает вывод о том, что «государство начинает клониться к дряхлости, как только войдет в свои права природа владения, заключающаяся в установлении единоличной славы, [привычке к] роскоши и отдохновению от забот». Тем самым «владение — естественный предел спаянности»⁴. Ибн-Хальдун констатировал наличие высокого риска утраты обратной связи на более поздних этапах функционирования государства в рамках политического цикла.

Следует согласиться с представленным мнением, так как, согласно разработанной нами синергетической модели политического цикла⁵, в рамках этапа унификации (в современной России переход к этой фазе политического цикла обозначился осенью 2004 г.)⁶ наиболее уязвимым

можно считать механизм обратной связи правящей элиты и общества. Мы обращали внимание на тот факт, что в России с 2004 г. начали складываться более отчетливые политические предпосылки, характерные для перехода политической системы с этапа стабилизации к этапу унификации⁷. Приблизительно с этого времени в стране стали заметнее процессы более сильной консолидации внутри политической системы. Отдельные признаки унификации мы обнаружили на начальных этапах рассматриваемого периода в реформах избирательной системы в сторону ее большей предсказуемости и управляемости, в реформе системы федеративных отношений (изменение порядка формирования Совета Федерации, укрупнение субъектов Федерации и др.), в экономической политике (создание многочисленных государственных корпораций, расширение государственного регулирования экономики и др.), в социальной политике (внедрение в средних школах процедуры ЕГЭ, реформы по укрупнению вузов и объединению академий наук и пр.), в системе судопроизводства (слияние Верховного и Высшего арбитражного судов)⁸.

К ресурсам рассматриваемого этапа мы относим более высокую четкость и определенность социальных предписаний, социальных ролей и правил. Эту общую тенденцию этапа унификации в условиях российского общества с его ориентацией на этатизм и политический порядок можно рассматривать как благо. Однако, несмотря на позитивную направленность такого ресурса в реалиях российского общества, он может быть использован как во благо, так и во вред обществу.

Следует отметить, что унификация, помимо всего прочего, ведет к существенному упрощению и примитивизации системы. Мы предполагаем, что процессы унификации внутри социально-политической системы России, возможно, являются резонансным воздействием (отголоском) нынешней волны унификации в объединенной Европе. Исследователи отмечают, что «такая унификация неизбежно означает уменьшение культурного разнообразия социума, без которого невозможна эволюция, а также успешное развитие и усложнение человека и общества. В мировом масштабе есть реальная опасность, что в результате глобализации и связанной с ней унификации человечество в итоге дегради-

рует, так как у него не будет разнообразия идей, средств, технологий и человеческих ресурсов, необходимых для успешного противостояния многочисленным природным и социальным вызовам. Причем это может произойти довольно скоро, буквально через несколько десятилетий, если уже сейчас активно не противодействовать процессам унификации и насаждения единообразия»⁹. Для этого необходимо самому систему перевести в противоположный режим, который снимет внутрисистемное «напряжение» через усиление ее разнообразия и установление многих точек политического развития (как вариант, через установление режима полиархии, т. е. политической системы, основанной на открытой политической конкуренции различных групп в борьбе за поддержку избирателей).

В современных условиях, помимо риска примитивизации политической системы и политических механизмов, процесс унификации содержит риск утраты обратной связи правящей элиты и общества, поскольку в данных условиях более гибкие и деликатные демократические механизмы учета общественного мнения подменяются авторитарными практиками, в условиях которых группировки правящей элиты все меньше интересуются общественной реакцией на проводимые реформы. У элиты возникает непреодолимое желание их «продать», невзирая даже на очевидный общественный протест (как, например, это было в процессе монетизации социальных льгот или введения налога с большегрузных автомобилей).

В. Я. Гельман описывает статус-кво современной политической системы следующим образом: «Вертикаль власти» выступает главным, если не единственным инструментом проведения реформ. Реформаторы и их патроны в лице высшего политического руководства по умолчанию полагают, что без надзора «сверху» нижние этажи «вертикали власти» не имеют стимулов для выполнения даже своих рутинных обязанностей. Поскольку бенефициариями реформ выступает лишь небольшое число соискателей ренты, у реформаторов возникают проблемы с принуждением к реформам всех остальных, выгоды для которых как минимум неочевидны. Результатом такого подхода становится ужесточение регулирования: каждый шаг на пути реформ влечет за собой увеличение плотности и масштаба регулирования чуть ли не

всех аспектов работы нижних этажей «вертикали власти». Это приводит к лавинообразному росту документооборота и связанных с ним издержек... В результате происходит и подмена целей, поскольку для исполнителей достижение требуемых показателей отчетности становится главным и единственным критерием оценки их работы»¹⁰.

Мелочная регламентация управленческой и иной деятельности не только снижает ее эффективность, но и полностью выхолащивает мотивацию к творческой деятельности. Исполнительская дисциплина на нижних этажах социальной иерархии становится определяющим критерием профессиональной пригодности.

В силу объективных и субъективных причин процесс автономного ресурсонакопления в России так и не был отлажен. Это связано не только с имитацией демократических процедур, но и с не проведенными своевременно экономическими и политическими реформами. В результате становится все более реалистичным инерционный сценарий. Степень неорганичности принимаемых решений потребностям общества неуклонно нарастает. Это прямое свидетельство «соскальзывания» и движения современной политической системы по инерционному пути. В настоящее время в России принимается большое количество резких нерезонансных политических решений, которые нарушают метастабильный режим функционирования политической системы и могут привести к ее распаду. Например, одной из точек разрыва «спаянности» могут стать реформы, проводимые в социальной сфере. Опасность состоит в том, что эти реформы, выражаясь словами Б. Кагарлицкого, «пытаются добить остатки комплексной социальной политики и сократить ее сферу именно в тот момент, когда их надо последовательно расширять и увязывать между собой ее элементы»¹¹, чтобы уменьшить бремя, лежащее на плечах отдельно взятой российской семьи.

В условиях политической унификации происходит вполне закономерная трансформация действующей модели социального контракта власти и общества. Так, в условиях фазы стабилизации (с 1999 по 2004 г.) экономическим субъектам, которые приобрели крупные активы в процессе приватизации, необходимы были гарантии их собственности со стороны государства. В результате правящая элита пошла

на заключение такого соглашения. В обмен на гарантии неприкосновенности объектов собственности хозяйствующие субъекты предоставили власти политическую поддержку инициатив и гарантии личного невмешательства в прерогативы власти.

В условиях фазы унификации (с 2005 г. по настоящее время) трансформация модели социального контракта продолжилась, но уже в логике самой унификации. В процессе накопления кризисных явлений в экономике и политической системе в период избирательного цикла 2007—2008 гг. контракт периода стабилизации, основанный на равноудаленности бизнеса и власти, обрел новое содержание — социальные гарантии и гарантии неприкосновенности хозяйствующим субъектам в обмен на политическую лояльность.

В таком варианте становятся все более значимыми механизмы поддержания обратной связи. В условиях модернизационного сценария если сохраняется взаимосвязь и целостность народа и власти, то законы будут органичны, лояльность народа к власти сохранится. Тогда оппозиция, инициирующая альтернативные проекты реформ, органично вписывается в политическую и партийную систему, принимает непосредственное участие в социальном реформировании. Если взаимосвязь и целостность нарушены, то принимаются «искусственные» законы и лояльность поддерживается искусственно с использованием механизмов вертикали власти. В условиях инерционного сценария социальный контракт жестко навязан государством. В результате поддержка режима со стороны общества заметно ослабевает.

Осознавая имеющиеся риски инерционного сценария, правящая элита в 2014 г. внесла в действующий социальный контракт ряд корректив. Внешним катализатором для новой расстановки социальных приоритетов стали революционные события на Украине. К весне 2014 г. на смену прежней версии социального контракта — «социальные гарантии в обмен на лояльность к власти» — оформилась новая — великодержавный патриотизм, который, помимо лояльности к власти, требует готовности к заметному самоограничению, прежде всего в социальной сфере. Следует отметить, что эта версия социального контракта хотя и находит свое подтверждение в ментальных архетипах российского общества, но в условиях отсутствия «железного занавеса» в инструментальном аспекте демонстрирует очевидную неэффективность.

Внешняя изоляция и наметившаяся в последнее время внутренняя изоляция правящей элиты уже сейчас приводят к формированию предпосылок для нарушения «спаянности» и обратной связи между правящей элитой и российским обществом. Ресурс идеологической консолидации в ситуации «осажденной крепости», на что в условиях сжимания бюджетных возможностей, очевидно, будет сделана главная ставка (если учесть, что информационно-идеологические механизмы менее затратны, чем механизмы социальной политики), может проиграть эпическую битву пустому холлодильнику. К тому же исторический опыт показывает, что подобные идеологические механизмы эффективно работают в условиях общества с весьма ограниченным комплексом жизненных потребностей. В условиях потребительского общества, вкусившего свое от «пирога» развитых экономик, переход к идеологической мобилизации будет затруднен.

На наш взгляд, главной задачей власти на данном этапе является не внешнеполитический и военно-оборонный тренд, а проведение политики экономической диверсификации и перенос акцентов с внешней политики на социальную, так как именно игнорирование проблем в социальной сфере в перспективе может привести к каскадному расширению внутренних угроз, поводом к возникновению которых станут существенный рост бедности населения, социальной дифференциации и повышение протестной активности. В результате идеальное совпадение кризисности вектора внешней политики и кризиса утраты обратной связи внутри политической системы может привести к ее распаду. Чтобы предотвратить развитие процесса по катастрофическому сценарию, уже сейчас следует обратить на эти вызовы самое пристальное внимание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ибн-Хальдун. Введение (Мукаддима) / сост., пер. с араб. и прим. А.В. Смирнова. URL: http://smirnov.iph.ras.ru/win/publicatn/texts_2/ikh_t.pdf (дата обращения: 13.10.2015).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Логинов А.В., Шестов Н.И. Применение концепции политического цикла с использованием синергетического подхода // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 43—49.

⁶ См.: Логинов А.В. Методологические и прикладные основы политической циклистки и систематики. Саранск, 2014. С. 233.

⁷ См.: Логинов А.В., Петухов А.В. Социально-политический аспект применения концепции политического цикла в прогнозировании // Регионология. 2012. № 2. С. 4—16.

⁸ См.: Логинов А.В., Зайцева Л.А., Изергина Н.И. Политический процесс в рамках этапа унификации политической системы современной России // Наука и современность — 2014: сб. материалов XXXII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосиб., 2014. Ч. 1. С. 126—136.

⁹ Пантин В.И., Лапкин В.В. Историческое прогнозирование в XXI веке: циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна, 2014. С. 9—10.

¹⁰ Гельман В. Почему в России не работают реформы? URL: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949998805041> (дата обращения: 19.11.2015).

¹¹ Кагарлицкий Б. Россия вновь на пороге больших перемен. URL: <http://svpressa.ru/society/article/128512> (дата обращения: 13.10.2015).

Поступила 10.12.2015.

A. V. Loginov. Functional Role of Feedback in the Process of Political Unification

The importance of feedback and the risk to lose it has been emphasized by individual political thinkers since ancient times. The most interesting approach is that of medieval Arab thinker Ibn-Khaldun. In his interpretation, it finds its expression in the category of integrity, which is the central one in his conception.

In the framework of the unification stage (in modern Russia the transition to this phase of the political cycle emerged in the autumn of 2004), the feedback mechanism of the ruling elite and the society can be considered the most vulnerable political mechanism. In modern conditions, in addition to the risk of primitivization of the political system and political mechanisms, the unification process entails the risk of losing the feedback of the ruling elite and the society.

In the process of political unification, quite logical transformation of the current model of social contract between the power and the society takes place. In times of accumulating crisis phenomena in the economy and the political system during the election cycle of 2007—2008, the contract gained a new content: social and safety guarantees to businesses in exchange for political loyalty. By the spring of 2014, the previous version of the social contract, “social security in exchange for loyalty to the authorities”, was changed by a new one, that of great-power patriotism, which, in addition to allegiance to the government, requires voluntary restraint, especially in the social sphere. The main task of the government at this stage is to conduct a policy of economic diversification and to shift the emphasis from foreign policy to the social one.

I. V. MIKHALEVA CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF DEMOCRATIZATION OF THE REPUBLIC OF KOREA

Ключевые слова: трансформация, демократия, политические институты, Республика Корея, конституционный строй

Key words: transformation, democracy, political institutions, Republic of Korea, constitutional order

В статье рассмотрены процессы демократизации и их конституционные основы в Республике Корея — государстве, прошедшем путь становления демократических институтов от истоков авторитаризма.

The paper examines the process of democratization and its constitutional grounds in the Republic of Korea — the state that went all the way of formation of democratic institutions from the beginnings of authoritarianism.

Сегодня Республика Корея переживает очередную волну демократизации, которая началась с прихода к власти женщины-президента Пак Кын Хе¹. Целесообразно рассмотреть становление современных южнокорейских трансформационных процессов в исторической ретроспективе становления конституционных, а позже и демократических основ.

Необходимо обратить внимание на то, что процесс возникновения и дальнейшего становления институтов демократии был не только сложным, но и противоречивым. Так, образование I и IV республик проходило в авторитарных реалиях, и ни о какой демократии речи быть не могло. Робкая предпосылка перехода от авторитарного к демократическому режиму возникла лишь в конце 80-х гг. XX в. В это время Южная Корея «созрела» для проведения всесторонних реформ и административного, и конституционного толка². Основоположником этого процесса стал президент Ро Дэ У, взявший на себя ответственность за претворение

МИХАЛЁВА Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры менеджмента и экономики филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находке.

MIKHALEVA Irina Vladimirovna, Senior Lecturer at the Department of Management and Economics, Branch of Vladivostok State University of Economics and Service in Nakhodka (Nakhodka, Russian Federation).

© Михалёва И. В., 2016

в жизнь новых конституционных реформ, которые при правильной адаптации и понимании обеспечили бы впоследствии президентскую власть и возможность передачи полномочных президентских начал от одного президента к другому. Таким образом, в основе Конституции VI Республики были заложены не только особенности принципа разделения властей, но и базовые идеи гражданского общества и правового государства.

Демократизация корейского общества, правовые основы нового корейского государства были заложены президентом Ким Ен Самом, который, помимо поддержания всеобщей южнокорейской стабильности, изложил еще и концептуальные положения о новом корейском государстве, назвав это «доктриной синхангук». Следующим этапом в развитии общества Республики Корея стало правление президента Ким Тэ Джуна, который укрепил основы парламентской демократии и сохранил статус президента, способного принимать политические решения, которые не противоречили бы ни конституционным основам, ни демократическим постулатам.

Далее были действия, направленные на борьбу с остаточными явлениями авторитаризма путем политических преобразований внутри государственной системы Республики Корея. Этим реформатором стал президент VI Республики Но Му Хен, считающий, что все реформы должны базироваться на конституции. Традиция реформирования и продвижения региональных интересов сохранилась вплоть до 2007 г. В это время Но Му Хен ушел в отставку. Но на фоне появившегося демократизма возросла проблема коррупции.

Опираясь на опыт своих коллег, используя в предвыборной кампании для убеждения южнокорейских граждан настрой администрации на демократические формации, в 2007 г. на президентских выборах победил Ли Мен Бак. Но как ни странно, администрация этого президента взяла курс на отсутствие внимания к так называемому корейскому регионализму³. Нынешний президент Пак Кын Хе (она вступила в должность президента 27 февраля 2013 г.) сразу обозначила направление государственной политики и решила, что для поддержания и развития демократизма в стране необходимо бороться с коррупционными течениями, которые почему-то стали, чуть ли не обязательной составляющей государственного аппарата Республики Корея.

На демократические процессы в Южной Корее влияет не только президент, но и его администрация. Именно поэтому возник вопрос о реформах исполнительной власти. В настоящее время реформы коснулись двух министерских управлений и пяти комитетов, как следствие более 90 государственных южнокорейских государственных служащих остались не у дел⁴. Чтобы избежать недовольства, был предложен компромиссный вариант, предусматривающий в составе правительства не более 15 министерств⁵. В целом партийная система Республики Корея отличается крайней неустойчивостью, так как партийные составляющие находятся в постоянном движении: трансформируются, не имеют явной идеологической базы, которая смогла бы найти поддержку большинства политически активного населения.

В подобных условиях идеология почти не играет никакой роли. Примером может служить тот факт, что в Республике Корея депутат совершенно свободно может перейти из оппозиционной партии, популярность которой ослабевает, в ту партию, которая набирает колоссальные обороты. Причем идеологическая платформа этих полярных по популярности партий может существенным образом различаться⁶. С такой же легкостью меняются предвыборная кампания, предвыборные обещания, направленные в сторону активного общественного мнения или симпатии общественности к тому или иному представителю политической партии. Поэтому после победы на выборах любая южнокорейская политическая партия не выполняет предвыборных обещаний⁷.

Ставится вопрос о конституционных полномочиях президента, которые были унаследованы им от авторитарных предшественников и отличаются широкими полномочиями. В итоге после вступления в должность он абсолютно неподотчетен, но в соответствии с Конституцией Республики Корея не избирается на второй срок⁸.

Многообразие партий и их идеологические платформы ставят под сомнение авторитет президента. В стране задействованы все южнокорейские ресурсы, которые так или иначе могут повлиять на внутри- и внешнеполитические реалии⁹. Однако, несмотря на кажущуюся внятность идеологий, формирование внутрипартийной базы в Южной Корее не завершено.

По Конституции, принятой в 1948 г., Южная Корея — это президентская республика. Следует отметить, что за прошедшие 60 лет в этот документ не раз вносились поправки, которые радикально меняли политическую систему государства, вплоть до смены президентской формы правления на парламентскую. Своеобразными вехами в изменении Конституции стали изменения нумерации республик.

Первая, президентская, республика датируется 1948—1960 гг. Она неразрывно связана с именем президента Ли Сынмана. Вторая республика, парламентская, существовала в 1960—1962 гг.; военный переворот 1961 г. привел к долгому периоду авторитарного правления. Третья (1963—1972 гг.) и Четвертая (1972—1980 гг.) республики — время, когда у власти находился кадровый военный генерал-майор Пак Чжонхи. 1980—1987 гг. — период Пятой республики, когда власть также концентрировалась в руках военных. Шестая республика, начало которой датируется 1987 г., связана с постепенной трансформацией южнокорейского политического режима от авторитаризма к демократии. Нынешняя Конституция Республики Корея принята 17 июля 1948 г., сегодня это день национального праздника. Следует отметить, что южнокорейское общество решило заимствовать американский опыт: не принимать Конституцию заново, дабы не менять политическую составляющую, а вносить в нее поправки¹⁰. Современная южнокорейская политическая система и конституция существуют чуть более 30 лет. Добавим, что влияние американской системы государственного управления на южнокорейскую достаточно сильное¹¹.

Согласно поправкам, внесенным в Конституцию в 1987 г., президент Республики Корея обладает широкими полномочиями, является главой государства и исполнительной власти. Он избирается всеобщим прямым тайным голосованием сроком на пять лет, переизбрание на второй срок Конституцией запрещено. Выборы проходят по мажоритарной системе в один тур. Президент назначает премьер-министра и министров (их кандидатуры утверждаются парламентом) и является верховным главнокомандующим вооруженных сил. Выборы президента осуществляются прямым всеобщим тайным голосованием¹².

Существуют государственные служащие, которые не входят в состав «кабинетных» министров, напрямую под-

чиняются президенту. Это Национальная служба разведки и Комиссия, заведующая вопросами южнокорейской государственной службы¹³.

Специфична южнокорейская судебная ветвь власти. В Республике Корея ее представляет Верховный суд, всех судей назначает президент. Только утверждение главы Верховного суда находится в компетенции парламента¹⁴. Фактически вся политическая жизнь в Южной Корее находится под контролем президента. Именно в так называемом Голубом доме (резиденция в центре Сеула) принимаются судьбоносные решения для всей страны.

С конца 2000-х гг. в Корее произошел раскол на два конфронтационных лагеря. Активнее стали именующие себя прогрессивными сторонники левой оппозиции, которым свойственно негативное отношение к проамериканским тенденциям в Республике Корея, включая экономически развитые концерны «чеболь», при поддержке западной модели демократии. Так называемые левые испытывают острую неприязнь к военной диктатуре, но симпатизируют военному диктату Кимов в соседней Северной Корее¹⁵. Кроме того, они не принимают американцев в Южной Корее, приписывая последним «окупационный характер» присутствия. Напрашивается вывод, что левые политические группы по своим действиям напоминают националистов¹⁶.

Право-левосторонняя тенденция расколотости современной политической системы ведет свою историю с 90-х гг. XX в. Выборы президента Ким Тэ Джуна в 1997 г. раскололи электорат по идеологическим и региональным интересам¹⁷. Результаты таких политических сдвигов не заставили себя ждать: чрезвычайно были обострены отношения между Сеулом и Вашингтоном, а сам Но Му Хен активно пропагандировал и лоббировал вопрос о выводе американских войск из Южной Кореи¹⁸.

Таким образом, южнокорейский национализм неоднороден: он может быть как левым, так и радикально правым, причем история этого противостояния базируется на отношениях президента и правительства при участии скрытой стороны, имеющей вес правящей партии. Вместе с тем обе ветви корейского национализма несколько похожи, отличны лишь стиль поведения, некоторые детали политической идеологии и используемые политические приемы. Внешние

кажущиеся разногласия между левыми, правыми или центристскими политическими группировками Южной Кореи неизбежно влекут за собой достаточно радикальные (даже по западным меркам) националистические тенденции. Также следует отметить, что для Республики Корея характерна клановость в бизнесе и органах государственной власти.

Общей в развитии демократических тенденций является борьба с коррупцией. От этого явления не застрахована ни одна страна. В Республике Корея активно проводятся социальные реформы, направленные на изменение и развитие общественных институтов.

Во многих демократических странах парламент является своеобразным олицетворением политических традиций, важным показателем политической культуры. Одновременно с этим он выступает как своего рода уравнивающая сила в отношениях конкурирующих политических сил, как представитель интересов тех из них, которые обладают меньшими возможностями воздействия на политическую жизнь страны¹⁹. Но южнокорейская модель президентства в большинстве случаев была и остается режимом личной власти. Президенты-диктаторы благодаря своим заслугам в национально-освободительной борьбе за независимость страны или под воздействием массивной официальной пропаганды приобретали статус «отцов нации» с полномочиями неограниченного монарха²⁰.

Стоящие перед строителями демократизации задачи существенно различаются. Для одних демократия — это продукт успешных экономических реформ, для других — поиск возможностей экономических реформ. Республика Корея в данном случае показала отсутствие самодостаточности и несостоятельность в применении раннебуржуазной модели к феномену классического рынка, проявила себя как «ночной сторож» при неструктурированном на тот период рынке.

Таким образом, для Республики Корея характерна черта, указывающая на феномен демократизации этого государства. Важной составной частью южнокорейского общества является всепоглощающий государственный контроль. Роль государства усматривается везде: и в частном бизнесе, и в личных отношениях. Можно сказать, что южнокорейское общество — одно из самых контролируемых обществ современного мира, но одновременно с этим внутри государства

«уживаются» современные демократические тенденции и институты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Пак Кын Хе стала первой женщиной-президентом в истории Южной Кореи. URL: <http://ria.ru/world/20121219/915491011.html> (дата обращения: 19.01.2015).

² См.: Чон Дже Мун. Россия далекая и близкая. Мои переговоры в Москве / пер. с корейского, отв. ред. Е.У. Ким. М.: ОГНИ, 2005. С. 91.

³ См.: Дробышев Е. Корейская политика России требует корректировки // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 12—19.

⁴ См.: Савельев Р.В. Перспективы объединения Кореи // Там же. 1997. № 2. С. 142—146.

⁵ См.: Дробышев Е. Корейская политика России ...

⁶ См.: Дак Ву Нам. Опыт экономического развития Республики Корея в условиях рыночной системы // Экономика и математические методы. 1991. Т. 27. № 4. С. 12.

⁷ См.: Ким Джонгвон. Политические процессы в Корею после освобождения. Переосмысление новейшей истории Кореи. Сеул: Тольберг, 1982. 156 с.

⁸ См.: Сон Гонхо. Корейский национализм после освобождения. О корейском национализме. Сеул, 1982. 79 с.

⁹ См.: Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1 000 лет в именах, датах, фактах: справ. Вып. 2 «Войны и мирные договоры». Кн. 3 «Европа в первой половине XX века». М.: Междунар. отношения, 1999. С. 45.

¹⁰ См.: Иванов А.М., Князев С.Д. Создание, развитие и современное состояние конституционного права Республики Корея // Материалы Междунар. науч. конф. «100 лет корееведения в ДВГУ»: тез. и докл. Владивосток, 2000. С. 77—88.

¹¹ См.: Ким Тэ Чжун. Путь в новое тысячелетие надежды и процветания // Сеул. вестн. 2003. № 37. С. 3—8.

¹² См.: Иванов А.М., Князев С.Д. Создание, развитие и современное состояние конституционного права ...

¹³ См.: Ким Тэ Чжун. Путь в новое тысячелетие ... С. 6.

¹⁴ См.: Choe Sang-hun. New South Korean Leader Cleared in Fraud Inquiry // The New York Times. 2008. № 2. P. 9.

¹⁵ См.: North Korea accuses South of deadly spy plots // Reuters. 2008. № 12. P. 7.

¹⁶ См.: A Brief Biography of President-Elect Lee Myung-bak // The Chosun Ilbo. 2007. P. 19.

¹⁷ См.: Herman Ex-Hyundai CEO wins SKorean presidency // The Assoc. Press. 2008. № 7. P. 32.

¹⁸ См.: Hyung-Jin Kim North. South Korea exchange fire; 2 marines killed // The Assoc. Press. 2010. № 11. P. 31.

¹⁹ См.: Хироясу Акутсу. Новая эра для Японии и РК отношений // Япон. ин-т междунар. отношений. 2008. № 7. С. 19—23.

²⁰ См.: Петров Л. 100 дней реформ президента Ли Мён Бака // Сеул. вестн. 2008. № 120. С. 6.

Поступила 16.09.2015.

**I. V. Mikhaleva. The Constitutional Basis
for Democratization of the Republic of Korea**

The issues of democratization in the constitutional republics have occupied minds of political scientists for quite a long time, so did the processes of democratization and their constitutional bases in the Republic of Korea. The interest in this state is due to the fact that it went all the way of formation of democratic institutions from the beginnings of authoritarianism. Against the background of these processes, the aspect of studying changes in the constitutional bases and in the republics is of particular interest.

It is expedient to consider the establishment of modern South Korean transformation processes in historical retrospective of formation of the constitutional and, later, democratic foundations.

The distinctive features identified in the process of analysis of the constitutions point to explanation of the performed political functions and political roles having certain differences from the modern European democracies. In the context of formation of the institution of President in the Republic of Korea, both states went through a difficult transformational path. In the Republic of Korea, the President and the presidential administration are subject to constant “tearing” by the right-wing and left-wing political factions. The Republic of Korea is also characterized by cronyism both in business processes and among public authorities.

The role of the state is seen everywhere, both in private business and in personal relationships. Without exaggeration, one can say that South Korean society is one of the most controlled societies in the modern world but modern democratic trends and institutions within the state go together with that.

**З. В. ВЕРДИХАНОВА «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»:
ТЕОРИИ И ТЕХНОЛОГИИ**

Ключевые слова: «цветная революция», ненасильственный конфликт, демократический транзит, политический конфликт

Key words: color revolution, non-violent conflict, democratic transit, political conflict

В статье дана попытка исторического анализа теоретических оснований формирования сценария «цветной революции». «Цветная революция» представлена как разновидность политического конфликта, дан краткий анализ технологического цикла «цветной революции».

The paper attempts to give a historical analysis of the theoretical grounds for constructing a scenario of a “color revolution”. A “color revolution” is presented as a kind of political conflict; a brief analysis of the technological cycle of a “color revolution” is also given.

Маркер «цветной революции» уверенно шагает по карте мира второе десятилетие XXI в. Стремительные темпы развертывания «цветных» процессов свидетельствуют об отлаженном механизме успешной деятельности не только жадной до денег и свободы молодежи, но и опытных политтехнологов. «Цветные революции» не являются технологией в чистом виде, ни *coup d'etat*, ни тем более революцией. Для свершения «цветной революции» необходимым образом должны сойтись определенные внутривнутриполитические, экономические и геополитические предпосылки, на которые можно наложить скоординированный набор операций и технологий, обреченных на кратковременный успех.

Наброски сценариев «цветных революций» придумали еще в конце 80-х гг. XX в., когда так называемые «бархатные» сезоны с особым успехом прошли в Европе на волне не-

ВЕРДИХАНОВА Залина Вердикхановна, главный консультант отдела по связям со СМИ и общественным коммуникациям Управления общественных связей и информации Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (г. Москва).

VERDIKHANOVA Zalina Verdikhanovna, Chief Consultant at the Department of Media Relations and Public Communications, Office of Public Relations and Information of the Central Election Commission of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

приятия СССР. Но в тот момент произошла кардинальная ломка целой политической системы, и мы можем говорить, что в этом была именно революционная составляющая. В «цветных революциях» нулевых годов она почти не просматривается. В результате предельного обострения противоречий одна политическая элита сменяет другую. Происходит столкновение субъектов политики по поводу политически значимых целей и перераспределения властных ресурсов. Имеются субъекты и объект конфликтного взаимодействия, есть объективно складывающаяся конфликтная ситуация, сформулированные позиции сторон, динамика развития конфликта, смена развития конфликта, т. е. присутствует весь набор характеристик, по которому мы можем обозначить феномен «цветной революции» как особое проявление политического конфликта.

Существует набор критериев, согласно которым можно рассматривать «цветные революции» как политический конфликт: публичный и открытый характер проявления противоборства сторон, всеобщая значимость (в конфликте затрагиваются интересы широких слоев и групп), институциональная организованность субъектов конфликта, символическая идентификация, общая политическая напряженность, наличие конфликтующих лидеров или групп. Конфликт разворачивается в определенной среде или конфликтном поле за достижение конкурентной цели, которую преследуют субъекты.

Мы можем говорить об осуществлении «цветной революции» как игры с нулевой суммой, где победитель получает столько, сколько проигрывает соперник. Функциональная направленность такого переворота — самый неоднозначный показатель, который вскрывает разрушающую силу этого процесса. «Цветная революция» сложна тем, что провозглашенные демократическое движение и обновление приводят к противоположным результатам. Процесс развивается неоднозначно. Казалось бы, идет борьба акторов за нарушенные в рамках избирательной кампании права, «цветная революция» приводит во власть новую элиту — следовательно, процесс должен носить конструктивный характер (преодоление застоя и снижение уровня политической напряженности). На деле оказывается, что «цветная революция» имеет деструктивную функциональную направленность, а именно: создает угрозу

социальной системе, подрывает взаимное доверие сторон и доверие населения к власти, тем самым усугубляя политический кризис, но не преодолевая его. Провозглашенный переход к демократическому переустройству не реализуется.

Т. Карл и П. Шмиттер в начале 90-х гг. XX в. описали детали подобного процесса: «Никогда не утверждалось, что во всех странах, где меняются лидеры, либерализуются отдельные аспекты политической жизни, принимаются новые конституции и начинают проводиться альтернативные выборы, происходит смена режима... Никто никогда не утверждал, что режимный транзит всегда означает переход к демократии. Напротив, в литературе, посвященной исследованию различных типов транзита, ясно говорится, что даже после начала режимных изменений траектории развития могут быть самыми разными: одни страны будут двигаться к консолидации демократии, другие — к некой новой форме авторитарного правления»¹.

Важным элементом «цветной революции» является так называемый внешний фактор, управляющий процессом. Многие такие революции произошли на самом большом материке (Евразии), и на то есть свои причины. Историческая борьба за контроль над ним ведется уже не первое столетие. Известная идея прорыва в Евразию, где сосредоточено подавляющее большинство энергетических ресурсов, состоит в том, что островная Великобритания и заокеанские США должны утвердиться на материке и не остаться в изоляции от мирового политического процесса. В XIX в. в контексте противостояния морских и континентальных держав проект распада Российской империи, которая была сильной континентальной державой Евразии, активно разрабатывался стратегами геополитики Британской империи. Наиболее уязвимым местом России был признан Кавказ. Туда начались поставки оружия, а после Крымской войны в 1856 г. созданы черкесские комитеты, активно поддерживаемые западными партнерами. В 1922 г. усилиями большевиков комитеты были устранены, идеологи бежали в Европу².

Британский географ и геополитик Х. Дж. Маккиндер в начале XX в. разработал концепцию так называемого центра мира, или Heartland («срединная земля»)». Он обозначил центром мира центр Евразии — зону между Кавказом и Сибирью. Его опасения вызывал тот факт, что эта зона мо-

жет самоорганизоваться и стать полностью суверенной, что даст возможность СССР оттеснить островные государства от управления мировыми ресурсами и участия в мировом политическом процессе. Тогда мир был на пороге Второй мировой войны, Х. Дж. Маккиндер выразил опасения по поводу возможного альянса сильнейших континентальных игроков — СССР и Германии. Идея состояла в создании фронта государств в Евразии, способных препятствовать образованию подобных коалиций. Последователем Х. Дж. Маккиндера в американской традиции стал Н. Дж. Спикмэн, который развил эту теорию и обратил особое внимание на прибрежный пояс Евразии. Он предложил создать союз государств, которые станут буферной зоной между СССР и Северным, Черным, Каспийским и Средиземным морями и оттеснят государство от Европы на восток⁴. На современном этапе истории США наглядно демонстрируют мировому сообществу, что идеи Х. Дж. Маккиндера и Н. Спайкмена не забыты и активно внедряются в современную политическую практику на примере «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Возник закономерный вопрос, как сформировать подконтрольные политические режимы таким образом, чтобы мировым сообществом этот проект воспринимался как реализация свободного народного волеизъявления? Нужна была управляемая и запрограммированная псевдореволюция, но революции всегда стихийны и малоуправляемы. Следовательно, необходимо создать технологический конструкт, помещенный на определенном этапе в конфликтное поле того или иного государства при обязательном условии формирования в этом политическом пространстве внутривнутриполитических, экономических и геополитических предпосылок для реализации проекта. Именно наличие этих предпосылок позволяет говорить о том, что «цветная революция» не является технологией в чистом виде, а зависит от некоторых объективно складывающихся предпосылок политического и экономического развития того или иного государства.

Главная цель «цветной революции» как минимум смена политической элиты в стране, как максимум — демонтаж старого политического режима и селекция новой системы управления, подконтрольной внешней силе в лице американского правительства. Для успешной реализации

этой цели ведется определенная подготовка: формируется конфликтное поле, рекрутируются участники процесса (в основном из среды молодежи). Процесс подготовки консолидируется вокруг неправительственных организаций, позиционирующих себя как общественные институты по изучению и развитию демократии.

В 80-е гг. XX в. правительство Р. Рейгана стало активно финансировать проекты по созданию и реализации ненасильственных переворотов через организованную сеть ассоциаций и организаций. Эта мера была направлена в первую очередь против СССР. Выступая проводниками демократии, сетевые структуры явились основными рычагами влияния США на переформирование недружественных политических режимов. Принцип сетевой организации ассоциаций был выбран неслучайно. Он обладает рядом преимуществ: снижаются транзакционные издержки, компоненты сетевой структуры легче поддаются распространению и внедрению новых навыков, знаний и технологий, происходит эффективный процесс коммуникации, отрабатывается механизм обратной связи.

Эти организации условно можно разделить на несколько групп: «кузница кадров» — структура рекрутинга и подготовки технических менеджеров «цветных революций»; «аналитический центр», который осуществляет выработку генеральной стратегии сопротивления и предварительный мониторинг политической ситуации в стране; «финансовый кластер» — фонд, основная задача которого состоит в аккумуляции капитала будущих революционеров. Среди наиболее известных организаций, основной задачей которых обозначена поддержка демократии в бедных странах мира, можно назвать USAID (United States Agency for International Development), USIP (The United States Institute of Peace), NED (National Endowment for Democracy), ICNC (International Center on Nonviolent Conflict), Freedom House, The Jamestown Foundation, Heritage Foundation, The Aspen Institute, The Albert Einstein Institution, сеть Дж. Сороса Open Society Foundations (OSF). Конечно, многие из этих ассоциаций берут на себя функции всех трех групп.

За несколько лет до ключевого события, которое должно стать формальным поводом «цветной революции», в стране формируются ячейки упомянутых организаций. Обычно

такое событие — президентские или парламентские выборы. Технические менеджеры осуществляют работу в среде студенческих групп и сообществ, создаются молодежные протестные движения, аккумулируется капитал будущего сопротивления. Американский исследователь и автор теории ненасильственного сопротивления Дж. Шарп называет этот предварительный этап «реалистичным планированием»: необходимо понять общественные настроения и выбрать время для выступления активистов и реализации механизмов сопротивления⁵. Одновременно с первыми акциями сопротивления формируется лояльный «революционерам» международный информационный фон, который работает как манипулятивная технология в условиях глобального информационного общества. Все протестные акции, как считает Дж. Шарп, должны носить не кратковременный, а долгосрочный характер.

Даже беглый анализ «цветных революций» XXI в. наглядно демонстрирует, что в сценариях всех этих протестных движений есть закономерности эскалации напряженности с участием масс, большую часть из которых составляет молодежь. Одним из первых примеров реализации технологии ненасильственного сопротивления с широким привлечением молодежи стала «бульдозерная революция» в Югославии в 2000 г. После ее успеха многие из лидеров молодежного протестного движения «Отпор» стали сотрудниками Freedom House, чтобы «перенести» накопленный опыт политической манипуляции на карты других государств и обеспечить им необходимую поддержку.

По аналогичному технологическому циклу прошла Грузия в 2003 г., где за два года до «революции роз» была создана молодежная организация «Кмара» («Хватит»), по своему характеру, программе, символике и методам сопротивления абсолютно копировавшая успешный сербский «Отпор». На Украине накануне «оранжевой революции» стало набирать популярность молодежное движение «Пора», в Киргизии — «Кел-Кел» («Возрождение»). Подобные студенческие организации-клоны создавались и создаются по сей день: движение «Оборона» в России, «Зубр» в Белоруссии, «Йок» в Азербайджане, «Больша» в Узбекистане, «Мьяфт» в Албании, «Гонг» в Хорватии, «Гахара» в Казахстане. Между организациями происходит постоянный контакт и обмен

опытом в рамках международного сотрудничества. Как показал опыт многих «цветных революций», подготовленный и спланированный технологический цикл ведет к достижению поставленных целей, происходит результативное противодействие источнику власти, влекущее за собой смену политических элит и дестабилизацию государственного строя. Избежать «цветной революции» можно, и такой опыт есть у России и Белоруссии. Необходимо создать механизмы, ломающие технологическую схему проекта с привлечением представителей активной студенческой молодежи к ее реализации.

Парад «цветных революций» на постсоветском пространстве наглядно демонстрирует стремление «атлантической цивилизации» утвердиться в Евразии и ослабить Россию. Однако ни одна «цветная революция» не выросла в долгосрочный успешный проект. Но попытка создать перманентную буферную зону нестабильности в регионе у границ России реализована полностью. Механизм работает, а это значит, что создан прецедент вскрытия национального суверенитета изнутри. «Цветная революция» запрограммирована, но технологический цикл ее всегда накладывается на определенные политические условия, поэтому есть возможность влиять на нее, выработав эффективные механизмы противодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Karl T., Schmitter P. Models of Transition in Latin America, Southern and Eastern Europe // Intern. Social Science J. 1991. № 43. P. 269—284.

² См.: Lasta A. Les révolutions de couleur en Eurasie. URL: <http://alexandrelatsa.ru/2015/04/nouvelles-revolutions-de-couleur-vers-plus-de-violence> (дата обращения: 24.10.2015).

³ См.: Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162—169.

⁴ См.: Spykman N.J. Geography and Foreign Policy // The Amer. Polit. Science Rev. 1938. Vol. 32. № 1. P. 28—39.

⁵ См.: Шарп Дж. От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения. М.: Ультра. Культура, 2005. 224 с.

Поступила 30.11.2015.

Z. V. Verdikhanova. “Color Revolutions”: Theories and Techniques

The paper is devoted to theoretical and technological aspects of the “color revolution” phenomenon in modern political practice. The topic’s urgency

is caused by necessity of scientific generalization of accumulated empirical material and theoretical understanding of the historical experience of the “color revolutions” in political science. Implementation of the set tasks was achieved by applying the methodology of the institutional approach to the study of this phenomenon to identify general trends and patterns in a variety of examples. A “color revolution” is presented as a kind of political conflict involving the masses. An analysis of the theoretical aspects of the scenario of “color revolutions” was carried out and the implementation stages of the technological cycle of a “color revolution” were outlined basing on the examples of various states.

A “color revolution” is not a pure technique, but it depends on some shape patterns of political and economic development of a particular state. It is not a successful long-term political project, but it creates a permanent buffer zone of instability in the region as well as a precedent of cutting national sovereignty from within. A “color revolution” is programmed, but its technological cycle is always superimposed on certain political conditions, therefore, it is possible to influence it creating effective mechanisms of counteraction.

С. П. САВКИН

**КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД
К ФОРМИРОВАНИЮ
ВНУТРЕННЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО
ПАРТНЕРСТВА**

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство, ГЧП-проекты, внебюджетные средства, частный инвестор, региональное законодательство, общественная инфраструктура, концессионное соглашение

Key words: public-private partnership, municipal-private partnership, PPP projects, extrabudgetary funds, private investor, regional legislation, public infrastructure, concession agreement

В статье дан анализ категориально-понятийного аппарата и принципов государственно-частных отношений, аспектов федерального и регионального законодательства в этой сфере. Внимание обращается на поиск нового формата взаимодействия региональных представителей политической и бизнес-элит с императивом выработки целостной концепции по основным позициям этой проблематики.

The paper gives an analysis of categorical and conceptual apparatus and principles of public-private relations, of aspects of the federal and regional legislation in this sphere. Attention is drawn to the search for a new format of interaction between regional representatives of political and business elites with the imperative to develop a coherent conception for the main issues in this field.

Современный вектор общемировых тенденций развития общественной инфраструктуры ориентирован на снижение расходов, совершенствование системы государственного

САВКИН Святослав Петрович, аспирант отдела региональных исследований и программ Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

SAVKIN Svyatoslav Petrovich, Postgraduate at the Department of Regional Studies and Programs, Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation).

планирования в направлении более реалистичного ценообразования и стимулирования рынка инфраструктурных проектов, в том числе с использованием различных моделей их реализации, предусматривающих привлечение внебюджетных средств, перекладывание расходов на потребителей и активизацию деятельности государственных и муниципальных органов в задействовании инвестиционных ресурсов с учетом долгосрочных целей и стоимости жизненного цикла объекта. Текущее состояние и перспективы развития этого сектора в России обусловлены, с одной стороны, колоссальным недофинансированием, несбалансированностью и низкой долей внебюджетных средств, с другой — ускоренным формированием рынка инфраструктурных компаний, главным императивом которых является пересмотр планов мегапроектов в сторону перехода от простых и капиталоемких к более технологичным и недорогим.

Рост производственной, транспортной, коммунальной и прочей инфраструктуры в регионах во многом обусловлен привлечением инструментария внебюджетных средств на основе совершенствования форм государственно-частного партнерства (ГЧП) и обеспечения конкурентных условий для ведения бизнеса. В сложившемся политическом и экономическом пространстве ГЧП актуализируется как механизм привлечения дополнительных ресурсов в инфраструктуру и инструмент стимулирования экономической активности.

Для стабилизации макроэкономической ситуации и достижения устойчивого экономического роста Правительство России поставило задачу реализации комплекса мероприятий, ориентированных на рост предпринимательской инициативы и существенное увеличение объемов частных инвестиций в экономике. Главным аспектом для применения механизмов ГЧП стал выбор сферы реализации таких проектов. В качестве наиболее перспективных федеральными экспертами обозначены жилищное строительство и ЖКХ, транспортная и коммунальная инфраструктура, здравоохранение¹.

Следует отметить, что современная система управления не учитывает сложившуюся в России специфику взаимоотношений политических и бизнес-структур. Регулирование этой области происходит на основе федеральных правовых актов, среди которых Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных

вложений» от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ, Федеральный закон «Об иностранных инвестициях» от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ, Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ, Федеральный закон «О Банке развития» от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ, Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ и др. Это обуславливает совершенствование федеральной и региональной законодательной базы, регламентирующей паритетные отношения между государством и частным сектором². Задавая подобную траекторию поведения экономических субъектов, ГЧП повышает конкурентоспособность и устойчивость экономики.

По оценкам федеральных аналитиков, идеология ГЧП широко охватывает российское политико-экономическое пространство. Два его основных субъекта — государство в лице аппарата управления субъектом и частный партнер (инвестор) — только приобретают опыт использования ГЧП-инструментария и «упаковки» инвестиционных проектов. В условиях кризиса, наряду с некомпетентным и безынициативным характером действий банковских институтов, специализирующихся на совместном проектировании, резко сократились объемы финансирования регионов.

Слабое использование обозначенных механизмов объясняет появление множества интерпретаций. Органы государственной власти и представители бизнес-сообщества дают всевозможные определения категории ГЧП, исходя из собственных интересов. В аналитическом отчете, подготовленном Центром развития государственно-частного партнерства и Институтом современного развития, указывается, что, не имея возможности и желания софинансировать проекты, представители управленческого аппарата стремятся переложить затраты по восстановлению изношенной инфраструктуры на частные лица или привлечь федеральные средства в региональные бюджеты. При этом бизнесмены основной целью ГЧП считают получение государственных послаблений и льгот или доступ к быстро окупаемым и прибыльным объектам общественной инфраструктуры, находящимся в собственности государства или муниципалитета³.

О. Н. Зубатых выделяет важные блоки проблем развития институциональной базы ГЧП на макро- и мезоуровнях. Первая группа проблем связана с нормативно-правовым полем ГЧП и предопределена необходимостью создания целостной системы законодательных актов федерального и регионального значения. Вторая носит общественно-политический характер и выражается в неготовности российского общества к реализации инвестиционных проектов. Отсутствие опыта эффективного взаимодействия между государством и частным сектором, предельная забюрократизированность всех процедур заключения соглашений, субъективность принятия решений участниками ГЧП и нескоординированность их действий, по мнению исследователя, создают некоторую степень недоверия бизнеса к государственным инициативам. В третью группу проблем входят недостатки информационного обеспечения, в равной степени присущие всем сторонам ГЧП: отсутствие знаний о возможностях и способах практической реализации принципов партнерства, неосведомленность о практике использования различных условий финансирования, реализуемых в рамках инвестиционных проектов, неспособность регионов проанализировать собственный инвестиционный потенциал, отсутствие у региональных органов власти методических рекомендаций по составлению инвестиционных договоров с длительными сроками окупаемости инвестиций. Четвертая группа проблем связана с уровнем компетентности и профессионализма кадрового состава, занимающегося инициацией и сопровождением ГЧП-проектов⁴.

Отсутствие единого понимания и концептуальной основы ГЧП не позволяет эффективно развивать этот вид взаимоотношений в едином ключе. Целенаправленная государственная поддержка (субсидирование, государственные гарантии, послабление обязательств по кредитам в приоритетных сферах, налоговые льготы), производимая в одностороннем порядке, не способна повысить инвестиционную привлекательность субъекта Федерации. Взаимодействие бизнес-элит и властных структур на выставках, форумах и межрегиональных оптово-розничных ярмарках также ошибочно соотносится с одной из форм ГЧП. Подобная практика общения не подразумевает правовых отношений в ходе реализации инфраструктурных проектов. Чиновники рассматривают ГЧП

как метод аккумулирования частных инвестиций и государственных средств, а не способ реализации ГЧП-проектов со смешанным финансированием.

Приближение к европейскому мировоззрению на существующую модель отношений позволяет провести дифференциацию имеющихся точек зрения и подходов (таблица).

Таблица

Анализ научного аппарата категории ГЧП

Подход	Трактовка понятия ГЧП в соответствии с подходом
Глобальный подход	ГЧП — инструмент национального, международного, регионального, городского и муниципального экономического и социального развития и преодоления экономического кризиса
Широкий подход	ГЧП — любые формы сотрудничества между государством и бизнесом (от создания совместного предприятия до государственных заказов), включая отраслевой лоббизм, деятельность бизнес-объединений, благотворительность, корпоративную социальную ответственность и т. д.)
Односторонний подход, или подход «одной правовой формы»	ГЧП — одна из правовых конструкций, например концессий (другие правовые формы исключаются)
Проектный, или «европейский», подход, принятый в консалтинговом сообществе	ГЧП — вид взаимодействия государственных и предпринимательских структур, закрепленный на договорной основе по созданию, модернизации или эксплуатации инфраструктурного объекта на ограниченный период времени, с разделением рисков и проектным финансированием
Институциональный подход	ГЧП — важный элемент институциональной среды современного рынка, институт, состоящий из норм права всех уровней, определяющих формы и механизмы реализации ГЧП и регулирующих полномочия ее участников (государство, органы местного самоуправления и предпринимательские структуры), правоприменительной практики, неформальных правил и процедур, формирующих ожидания заинтересованных сторон и снижающих риски в ходе реализации проектов в целях удовлетворения социальных и экономических интересов общества

Продолжение таблицы на стр. 46

Подход	Трактовка понятия ГЧП в соответствии с подходом
Экономический подход	ГЧП — форма части экономических отношений межотраслевого характера между государством и бизнесом, включающих стратегическое и тактическое управление объектами экономического хозяйствования на макро-, мезо- и микроуровнях
Управленческий подход	ГЧП — организационная структура, инструмент «нового государственного управления», используемый в качестве альтернативы приватизации объектов государственной собственности, в котором акцентируется поиск эффективных организационных схем и способов финансирования проектов с механизмами ГЧП
Критический подход	ГЧП — «игра слов», завуалированная форма приватизации объектов публичного сектора, имеющая свои недостатки и проблемы

Кроме того, существуют и узкие трактовки, которые могут быть интерпретированы как способ привлечения недостающих средств для реализации проекта со стороны государства и бизнеса. Несмотря на различия в подходах к пониманию сущности ГЧП, просматривается сходство в суждениях относительно того, что оно выступает механизмом привлечения инвестиций, соинвестирования, объединения государственных и частных ресурсов. Например, в законе г. Санкт-Петербурга введено юридическое определение ГЧП, основанного на взаимовыгодном сотрудничестве города с российским или иностранным инвестором по реализации социально значимых проектов (при заключении и исполнении соглашений, в том числе концессионных, с предоставлением земельных участков, иного недвижимого или движимого имущества и т. д.). Разработанный юридический аппарат признан экспертами образцом для законодательной практики в других регионах⁵.

Мы понимаем ГЧП в качестве инструмента привлечения финансовых средств в инвестиционные проекты посредством интеграции не только частных инвестиционных ресурсов, сконцентрированных на развитии определенных производств, но и государственных средств, вложенных в создание и поддержку различного рода аналогичных инфраструктур.

В более узком смысле М. В. Ткаченко, А. А. Долгов, Г. А. Борщевский и Р. Э. Шабаев видят в ГЧП диалог между публичным и частным партнерами, юридически оформленный на определенный срок при объединении ресурсов, распределении рисков и осуществляемый на условиях соглашения о ГЧП и иных гражданско-правовых договоров, предусматривающих такое сотрудничество⁶. Законодательно закрепленными его формами являются: концессионные соглашения и соглашения о ГЧП на основе регионального законодательства, контракты жизненного цикла (в рамках законодательства о закупках) и договоры аренды с инвестиционными обязательствами (рисунок)⁷.

В соответствии с Федеральным законом «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ понятия «государственно-частное партнерство» и «муниципально-частное партнерство» включают юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о ГЧП, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества⁸.

Таким образом, парадигма ГЧП базируется на шести ключевых принципах. Первый предусматривает открытость и доступность информации о ГЧП, муниципально-частном партнерстве, за исключением сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну. Второй принцип обеспечивает конкурентные условия. Третий устанавливает отсутствие дискриминации, равноправие сторон соглашения и равенство их перед законом. Четвертый принцип касается добросовестного исполнения сторонами соглашения обязательств. В пятом регламентируется справедливое распределение рисков и обязательств между сторонами соглашения. Шестой принцип гарантирует свободу заключения соглашения.

Концессионное соглашение	Договор, обязывающий концессионера за свой счет создать и (или) реконструировать недвижимое имущество, право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать концеденту, и осуществлять деятельность с использованием объекта в рамках соглашения
Соглашение о ГЧП	Договор между публичным и частным партнерами, по которому первый обязуется предоставить объекты имущества, имущественные права, результаты интеллектуальной деятельности создания, эксплуатации и (или) технического обслуживания объекта соглашения, а второй обязуется создать этот объект
Аренда с инвестиционными обязательствами	Договор, по которому арендодатель обязуется предоставить частному партнеру имущество за плату на временное пользование и (или) владение с обременением в виде капитальных инвестиций и функциональным назначением объекта
Контракт жизненного цикла по закупочному законодательству	Договор, по которому осуществляется покупка товаров, работ (услуг) на весь жизненный цикл объекта закупки для нужд государства за счет бюджетных средств
Соглашение о ГЧП в корпоративной системе закупок государственных компаний и предприятий	Комплексные долгосрочные договора, заключенные в подобной системе, имеющие признаки ГЧП

Рисунок. Формы ГЧП в Российской Федерации

В настоящее время под категорией ГЧП представители региональных органов власти понимают взаимодействие бизнеса и управления субъектом хозяйствования для исполнения проектов, целью которых является реализация государственных и муниципальных функций. К перечню инструментов ГЧП относятся не только государственные и финансовые учреждения, но и его правовые формы и источники финансирования, а к сфере их применения — инфраструктурные проекты отраслевого характера, главный лейтмотив которых

находится в плоскости создания дополнительных рабочих мест и роста налоговых поступлений в бюджет региона. В число основных элементов механизма управления ГЧП в региональном аспекте А. Н. Фалалеев и Д. И. Кузьмин вводят создание нормативно-правовой базы, организацию органов управления по вопросам отношений в этой сфере, а также реализацию потенциала ГЧП в системе экономики региона⁹.

Результаты исследования, представленные Центром развития государственно-частного партнерства и Институтом современного развития, подтверждают наличие значительных недостатков в нормативно-правовой практике применения ГЧП в большинстве регионов. В 2009 г. экспертным советом по законодательству о ГЧП при Комитете по экономической политике и предпринимательству Государственной Думы Российской Федерации предложен модельный закон «Об участии субъекта в государственно-частном партнерстве», по-разному воспринятый руководителями законодательных и исполнительных органов управления. Разработанные в некоторых субъектах Федерации законы о ГЧП часто имеют декларативный характер, что создает правовые коллизии в толковании положений и приводит к противоречиям федерального свойства, не говоря об отсутствии эффективного инструментария, интересного частному инвестору.

Существующее правовое поле для реализации инвестиционных проектов препятствует их развитию и внедрению новых форм взаимодействия. Применение на практике разработанной унифицированной для субъектов Федерации модели ГЧП свидетельствует о ее несостоятельности. В числе стоп-факторов развития этой сферы можно обозначить отсутствие стратегического целеориентированного подхода к планированию и развитию инфраструктуры, несовершенство нормативно-правового и методологического пула, неэффективное использование бюджетных и финансовых механизмов реализации проектов, недостаточное развитие рынка частных операторов и условий для конкуренции в этой области¹⁰. К тому же ограниченность региональных проектов приводит, во-первых, к необходимости поиска внебюджетного финансирования их реализации региональными и муниципальными властями, во-вторых, к отсутствию понятных схем взаимодействия аппарата управления и

бизнес-структур, опыта деятельности региональной и муниципальной администраций в этом направлении.

Несмотря на то что в законодательном плане понятие ГЧП на региональном уровне повсеместно не закреплено, оно широко применяется, когда речь идет лишь о ведении деятельности на основе его принципов, организации и участии в реализации проектов ГЧП, консолидации и концентрации ресурсов на перспективных научно-технологических направлениях на основе расширения применения механизмов ГЧП и т. п. Поэтому открытым остается вопрос о необходимости подготовки соответствующего документа, учитывающего специфику каждого субъекта Федерации.

В соответствии с приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 15 мая 2014 г. № 266 утверждена методика расчета показателя «Уровень развития ГЧП в субъекте», которая основана на факторах развитости институциональной среды в этой сфере, опыте реализации проектов ГЧП и инвестиционной привлекательности субъекта Федерации. Согласно методике, уровень развития региональной институциональной среды в сфере ГЧП определяется по совокупности следующих критериев: региональный закон; нормативные и муниципальные правовые акты, регулирующие применение различных моделей; программа развития инвестиционной деятельности (инвестиционные стратегии); план развития и (или) программа реализации проектов; инвестиционный фонд, органы и регламенты работы подразделений, ответственные за развитие ГЧП; должностные лица, имеющие специальную квалификацию в сфере управления подобными проектами.

Оценивать состояние развития ГЧП в региональном разрезе необходимо по развитости законодательной базы в отношении практики ГЧП и наличию инфраструктурных проектов. Правовые акты регионального характера, регулирующие инвестиционную деятельность в этой области, представляя собой систему, включающую федеральные и региональные правовые акты, заключаемые договоры. Анализ регионального законодательства в этой сфере позволил выделить некоторые его достоинства¹¹. В ряде субъектов Федерации детально определен порядок участия региона в отношениях подобного рода¹², закреплены конкурсные процедуры при реализации проектов, в которых участвуют органы управления и бизнес-

структуры в форме партнерств¹³ (функционирование особых экономических зон, инвестиционные фонды, в том числе венчурные фонды, агентства по привлечению инвестиций, концессионные соглашения, организации со смешанной формой собственности, заказ на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд и т. п.¹⁴). Кроме законодательной, формируются программно-целевая база и региональные межведомственные центры ГЧП, определяющие основные направления его развития, изучаются возможности нормотворчества¹⁵.

Согласно действующему нормативному правовому полю, в регионах России распространена практика предоставления государственной поддержки инвесторам (софинансирование, предоставление преференций по налогу на имущество, налогу на прибыль организаций, обеспечение кредитными ресурсами и др.), участия бюджетных резервов в формировании уставных капиталов открытых акционерных обществ. Договорная база по реализации инвестиционных проектов существует в рамках приемлемых договорных форм.

Институциональная база развития государственно-частных отношений в Республике Мордовия начала формироваться относительно недавно. Современное состояние объектов социальной инфраструктуры в регионе потребовало существенного финансирования при отсутствии соответствующей статьи расходов республиканского бюджета. Поэтому развитие паритетных отношений между органами управления и бизнес-сообществом в рамках ГЧП стало важным направлением региональной политики и декларировалось в посланиях Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия с 2012 г., Стратегии инвестиционного развития Республики Мордовия до 2020 года и Программе действий Правительства Республики Мордовия на 2014 год по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию.

В 2012 г. началась разработка проекта Закона Республики Мордовия «Об участии Республики Мордовия в государственно-частном партнерстве» для сосредоточения материальных, финансовых ресурсов и внебюджетных источников на реализацию социально значимых, в том числе инфраструктурных, инновационных, инвестиционных проектов и программ на территории республики с использованием бюджетных

средств и (или) объектов государственной собственности Республики Мордовия¹⁶. Поэтому формирование новой модели социально-экономического развития должно основываться на целесообразности использования внебюджетных источников, долгосрочных инвестиционных ресурсов, создании условий для привлечения частных инвестиций в проекты развития инфраструктуры.

Диагностика регионального законодательства в данной области показала несоответствие принятых нормативных правовых актов потребностям регионов и реальным запросам участников партнерства. Отсутствие в некоторых из них специализированного законодательного акта, обобщающего опыт и правовые механизмы, не стало барьером проектной деятельности.

Региональное законодательство России в сфере ГЧП отличается большой дифференциацией, непроработанностью, противоречивостью и оторванностью от жизни. Готовность представителей региональных властей трансформировать институт ГЧП под местную специфику осложняется нюансами различного рода. К коллизиям федерального законодательства (в части антимонопольного и конкурсного) следует отнести пролонгацию заявок в Инвестиционном фонде России и затягивание процессов вовлечения федеральной собственности (земли). Актуальным остается дефицитный характер региональных бюджетов для проектирования и их недостаточное финансирование. Отсутствие баланса между интересами и полномочиями региональных органов государственной власти и муниципалитетов иногда приводит к отказу от финансирования проектов из-за нежелания инвесторов вкладывать средства в региональные проекты. Проблемы институционализации ГЧП в регионах объясняются не только малым количеством специализированных структур для инициирования и реализации инвестиционных проектов, но и отсутствием такого опыта, квалифицированных кадров и компаний, использующих ГЧП-инструментарий и добровольно финансирующих инфраструктурные проекты, в том числе на муниципальном уровне.

Частные инвесторы требуют сбалансированности в отношениях системы «государство — бизнес», связывая наиболее острые проблемы в этой сфере с неотлаженностью инструментов взаимодействия государства и бизнеса, слабым

учетом мнения бизнес-сообщества при разработке и совершенствовании нормативно-правовой базы, разрозненностью предпринимательских структур и неблагоприятными условиями для его консолидации, низким уровнем специальных компетенций и безынициативностью региональной администрации, невозможностью предоставления бюджетных гарантий (поступления платежей инвестору) в результате отсутствия единой методологии при разработке инвестиционных проектов и типовых механизмов отбора частных партнеров для их исполнения, преждевременной стандартизацией профессиональной деятельности, недостаточным информационным обеспечением развития общественной инфраструктуры и инвестиционных проектов в России.

Изложенные факты препятствуют реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года вследствие отсутствия институциональной структуры и единого специализированного государственного органа, курирующего вопросы партнерства на мезоуровне. Разрешение выявленных проблем возможно при сосредоточении усилий участников государственно-частных отношений на выработке инвестиционной политики, отвечающей современным требованиям инвесторов, учитывающей пошаговую институционализацию государственно-частных отношений с императивом выработки и реализации подобных проектов. Одна из форм координации ГЧП видится в формировании экспертно-консультационных советов по совершенствованию регулирующих механизмов, функционирующих в рамках региональных агентств инвестиционного развития. Это позволит использовать положительный зарубежный опыт партнерства и минимизировать большинство возникающих экономических и правовых рисков.

Таким образом, существующее инвестиционное законодательство в стране и создаваемое институциональное пространство образуют потенциальные точки роста реализации подобных инфраструктурных проектов. Являясь инструментом результативного диалога властей, ассоциаций бизнес-сообщества и продуктом партнерства представителей законодательных и исполнительных органов управления, крупных предприятий, банков, вузов и других институтов гражданского общества, идеология ГЧП должна учитывать высокую степень неоднородности параметров, влияющих на

инвестиционные процессы в целом. Поиск нового формата взаимодействия государства и частных инвесторов, основанного на концепте государственной национальной политики и стратегии развития регионов, может внести весомый вклад в дальнейшее развитие России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Аналитический отчет по результатам исследования «Развитие государственно-частного партнерства в регионах ЦФО: инвестиции и инфраструктура». М., 2010. С. 85.

² См.: Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция) (утверждены Председателем Правительства Российской Федерации 14 мая 2015 г.). URL: <http://government.ru/news/18119> (дата обращения: 12.10.2015).

³ См.: Аналитический отчет по результатам исследования ... С. 83.

⁴ См.: Зубатых О.Н. Государственно-частное партнерство в регионах России: проблемы и перспективы // Соц.-экон. явления и процессы. 2012. № 11. С. 97—102.

⁵ См.: Закон Санкт-Петербурга «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» от 25 декабря 2006 г. № 627-10. URL: <http://www.transport.spb.ru> (дата обращения: 12.10.2015).

⁶ См.: Ткаченко М.В., Долгов А.А., Борщевский Г.А., Шабаев Р.Э. Методические рекомендации по развитию институциональной среды в сфере государственно-частного партнерства в субъектах РФ. Региональный ГЧП-стандарт. М., 2014. С. 4.

⁷ Сост. по: Основные положения Концепции (стратегии) развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации до 2020 года. URL: www.pppcenter.ru (дата обращения: 11.03.2015).

⁸ См.: Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2015/07/17/g4p-dok.html> (дата обращения: 12.10.2015).

⁹ См.: Фалалеев А.Н., Кузьмин Д.И. Механизм управления государственно-частным партнерством в регионе // Вестн. Сибир. гос. аэрокосм. ун-та им. акад. М.Ф. Решетнева. 2012. № 2. С. 218—221.

¹⁰ См.: Основные положения Концепции (стратегии) развития государственно-частного партнерства в Российской Федерации до 2020 года.

¹¹ См.: Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство в России: проблемы становления // Отеч. зап. 2004. № 6. С. 172—179.

¹² См.: Масленников А. Государственно-частное партнерство: региональный аспект // Экономист. 2008. № 9. С. 72—79.

¹³ См.: Закон Томской области «О государственно-частном партнерстве в Томской области» от 4 декабря 2008 г. № 240-03. URL: <http://www.regionz.ru> (дата обращения: 12.10.2015).

¹⁴ См.: Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ. URL: <http://www.referent.ru> (дата обращения: 12.10.2015).

¹⁵ См.: Постановление Губернатора Владимирской области «О создании регионального межведомственного центра государственно-частного партнерства» от 26 декабря 2008 г. № 941. URL: <http://zakon-region.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

¹⁶ См.: Кочеткова С.А. Развитие государственно-частного партнерства в регионе: организационно-правовой механизм // Науч. журн. НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экол. менеджмент. 2015. № 1. С. 115.

Поступила 04.12.2015.

S. P. Savkin. Integrated Approach to Formation of Domestic Regional Policy in the Sphere of Public-Private Partnership

The study analyzes the scientific system and the principles of public-private partnership, of the federal and regional legislation in this sphere. The paper reveals the specificity of development of this institution in the Republic of Mordovia. To develop a holistic concept of basic positions of the designated topic a new format of interaction of regional political and business elites is required.

The growth of infrastructure in the regions is largely due to the tools developed by extrabudgetary funds on the basis of improving the forms of public-private partnership. In the current political and economic system, the institutional framework of public-private partnership is considered as a mechanism to attract additional resources and to stimulate economic activity.

The ideology of the object of the research broadly covers the Russian political and economic space. Its two main actors, the state and the private partner, only acquire such experience. The lack of a common understanding and conceptual framework of public-private partnership does not allow it to develop effectively. The approximation to the European worldview on the existing model of relations gives the author an opportunity to undertake a differentiation of the existing perspectives and approaches.

Modern investment legislation in Russia creates growth points for implementation of public-private projects. As a tool of effective dialogue between authorities, business community associations, and a product of cooperation of representatives of the legislative and executive authorities and civil society institutions, the hypothesis should take into account the high degree of heterogeneity of the parameters that influence the investment processes in general.

**В. И. ПАТРУШЕВ, КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
Ю. В. АСТАХОВ УСТОЙЧИВОГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНА
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ**

Ключевые слова: кадры, кадровая политика, кадровые технологии, стратегия, регион, муниципальное образование

Key words: staff, personnel policy, human resources technologies, strategy, region, municipality

Рассматриваются основные факторы и условия устойчивого развития регионов и муниципальных образований, обобщаются лучшие практики кадровой работы, формирования кадрового потенциала.

The paper discusses basic factors and conditions for sustainable development of regions and municipalities; it summarizes the best practices of personnel operations and in forming human resources.

Актуальность исследования кадрового обеспечения социально-экономического развития региона и муниципальных образований обусловлена следующим. Во-первых, необходимо создать благоприятные условия для жизнедеятельности населения, обеспечить управление качеством жизни и условия его реализации посредством выработки и воплощения принятой Стратегии социально-экономического развития территорий Белгородской области до 2025 г. (Стратегия)¹. Во-вторых, развитие региона и муниципальных образований

ПАТРУШЕВ Владимир Иванович, президент Академии наук социальных технологий и местного самоуправления, доктор социологических наук, профессор (г. Москва).

АСТАХОВ Юрий Викторович, доцент кафедры социальных технологий Института управления Белгородского государственного университета, кандидат социологических наук.

PATRUSHEV Vladimir Ivanovich, Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, President of the Academy of Sciences of Social Technologies and Local Government (Moscow, Russian Federation).

ASTAKHOV Yuri Viktorovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Technologies, Institute of Management, Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation).

© Патрушев В. И., Астахов Ю. В., 2016

как социальной целостности в значительной степени зависит от наличия профессионально подготовленных кадров, способных обеспечить эффективную реализацию функций стратегического и проектного управления и решения стоящих перед сообществом задач, т. е. от кадрового потенциала региона и местного самоуправления.

«Белгородское чудо», о котором говорит вся Россия, есть результат в первую очередь продуманной кадровой политики. Руководители городов и районов, сельских и городских поселений прошли обучение и проверку на прочность в Школе резерва кадров, Высшей школе управления Белгородского государственного университета. В современных условиях экзаменом для кадров является проектирование и запуск Белгородской инновационно-инвестиционной системы, концентрирующей все достижения набирающей обороты третьей производственной революции и формирующей образ Белгородчины-2050. Только кадры, вооруженные современными знаниями, опирающиеся на науку, использующие независимую экспертизу, социальный аудит, способны победить в конкурентной борьбе.

Как работают органы власти и управления в новых для них условиях? Полагаем, что поняв, как формируется кадровое обеспечение устойчивого развития региона и муниципальных образований, реализуются Стратегия, региональная и муниципальная кадровая политика, можно обрисовать адекватный облик современного инновационного региона и муниципального образования, включая универсальные, инновационные и кадровые технологии, в том числе сугубо российские, параметры и тенденции развития.

Современная экономическая и политическая ситуация во втором десятилетии XXI в., системный кризис финансовых институтов предъявляют органам государственной власти и местного самоуправления жесткие требования к реализации принятых муниципалитетами стратегий социально-экономического развития территорий до 2025 г., муниципальных программ, а также к кадровому составу. Падение мировых цен на нефть, антироссийские санкции вынуждают использовать внутренние резервы и возможности для количественного и качественного роста региональной экономики. Муниципальные образования должны ориентироваться на инновационное развитие. Особую роль в этом играет кадровый потенциал,

грамотное управление которым расширит в перспективе возможности представительных и исполнительно-распорядительных органов власти, бизнес-структур, выведет их на новый конкурентный уровень, обеспечит устойчивое и опережающее развитие территорий.

В этих непростых условиях городской округ «Город Белгород» динамично развивается в соответствии с принятой Стратегией. Сегодня Белгород — крупнейшая агломерация в Белгородской области, представляющая собой компактное скопление населенных пунктов, местами срастающихся, объединенных в сложную многокомпонентную динамическую систему с прочными производственными, транспортными и культурными связями с центром в Белгороде. Кроме областного центра, Белгородская агломерация включает населенные пункты еще пяти районов (Белгородского, Корочанского, Шебекинского, Яковлевского, Борисовского), в том числе поселки Северный, Разумное, Дубовое, Стрелецкое, Майский, Таврово и другие близлежащие населенные пункты.

По мнению губернатора региона Е. С. Савченко, в Белгородской области «не менее половины производства всего регионального продукта приходится на реальный сектор экономики... Это промышленность, машиностроение, химия, строительство, включая производство строительных материалов, сельское хозяйство, перерабатывающая промышленность. Остальное — это сервисная экономика: торговля, общественное питание, транспорт, связь, бытовые услуги, коммунальные, жилищные, туризм, здравоохранение, образование, культура, финансы, страховое обслуживание, государственное управление и так далее. Есть еще третья экономика — инновационная. Какова ее доля сегодня на территории Белгородской агломерации? Доли процента... А я считаю, что доля инновационной экономики, а это она имеет самый высокий маржинальный доход — до 80 % и более — должна занимать в ближайшие 10 лет не менее 20 % в общем экономическом объеме Белгородской агломерации. И должен сложиться у нас некий оптимум: 40 % — это реальный сектор экономики, 40 % — сервисная экономика и 20 % — инновационная экономика»². Только так мы сможем обеспечить дальнейшее социально-экономическое развитие региона.

В регионах возникает необходимость импортозамещения продовольственных товаров, дальнейшего развития агропромышленного сектора и подготовки кадров новой генерации, вооруженных современными знаниями. Имеющиеся сегодня заделы в экономике Белгородской области направлены на производство продовольственных товаров. Потенциальные возможности региона определяются как дальнейшим развитием уже имеющихся заделов и увеличением количества проектов в «пригланувшихся» сферах, так и апробированием их в совершенно новой отрасли, такой как тракторостроение, но главная роль отводится профессионально подготовленным кадрам.

В результате Белгородчина по многим социально-экономическим показателям лидирует не только в Центральном федеральном округе, но и в Российской Федерации. Например, по результатам социологического исследования, которое провел Департамент социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Белгородская область по итогам 2015 г. вошла в топ-15 регионов России по уровню потенциала инновационного развития. Эксперты изучали интерес населения к получению образования, развитию творческих навыков, созданию инновационного бизнеса, а также бизнеса как такового. По результатам исследования, Белгородчина заняла 30-е место среди 70 регионов России, тогда как ближайшие соседи (Курская, Орловская и Воронежская области) в топ не попали³. В этом, мы уверены, проявляется слаженная работа кадров, занятых в законодательных, представительных и исполнительных органах государственной и муниципальной власти, бизнес-структурах, поэтапной реализации принятой Стратегии.

Рассматривая проблемы, связанные с кадровым обеспечением реализации Стратегии социально-экономического и устойчивого развития территории региона и муниципального образования, необходимо проанализировать систему управления кадровым потенциалом, так как мы полагаем, что система, как традиционная, так и инновационная, должна быть ориентирована на выполнение ряда задач. Во-первых, необходимо обеспечивать соответствие количественных и качественных характеристик кадров целям органов местного самоуправления⁴. Во-вторых, следует объединять работников не только на организационном уровне, но и на уровне общих

целей, ценностей и традиций, что означает формирование лояльной, высокомотивированной команды профессионалов, объединенных общими целями и корпоративной культурой⁵.

При этом разные авторы к процессу управления кадровым потенциалом и кадровому обеспечению относят разный набор функций. Управление кадровым потенциалом С. А. Шапиро представляет через функции планирования и оценки потребности в персонале, поиска и отбора персонала, его адаптации⁶. Н. М. Кузьмина представляет управление кадровым потенциалом через системы управления компетенциями, профессионального обучения и управления деловой карьерой⁷. Ю. Н. Арсеньев, С. И. Шелобаев, Т. Ю. Давыдова в качестве главной функции управления потенциалом персонала предлагают управление деловой карьерой⁸. На наш взгляд, управление кадровым потенциалом в муниципальных образованиях включает такие кадровые технологии, как подбор, оценка персонала, управление карьерой, ротация и мотивация персонала, профессионально-квалификационное развитие, кадровый резерв, коучинг, наставничество, краудсорсинг⁹.

Позиция исследовательских мнений сходится в выделении нескольких основных направлений кадрового обеспечения реализации Стратегии устойчивого социально-экономического развития территории, муниципальной кадровой политики по управлению кадровым потенциалом: обеспечение органов местного самоуправления человеческими ресурсами (планирование потребности, поиск, набор и отбор персонала); использование персонала (оценка, управление карьерой, кадровым резервом); управление знаниями и организация системы профессионального обучения муниципальных служащих.

Главными инструментами достижения устойчивого социально-экономического развития России в целом, ее регионов и муниципальных образований в частности, являются стратегическое и проектное управление, эффективная бюджетная политика и программно-целевое планирование. 7 мая 2013 г. президент страны подписал Федеральный закон «О внесении изменений в бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием бюджетного процесса»¹⁰. Принятый закон предполагает замену долгосрочных целевых

программ государственными (муниципальными). При этом требования к ведомственным целевым программам не меняются.

Следовательно, на наш взгляд, особое место в кадровом обеспечении устойчивого развития территории муниципальных образований отводится муниципальным программам. Например, городской округ «Город Белгород» с января 2014 г. перешел на программное планирование бюджета. Постановлением администрации города от 7 июля 2014 г. № 126 утверждён перечень муниципальных программ¹¹. В него вошли 12 муниципальных программ: Повышение инвестиционной привлекательности города и формирование благоприятного предпринимательского климата на 2015—2020 гг.; Развитие жилищно-коммунального хозяйства города Белгорода на 2015—2020 гг.; Развитие дорожно-транспортной инфраструктуры города Белгорода на 2015—2020 гг.; Обеспечение доступным и комфортным жильем жителей города Белгорода на 2015—2020 гг.; Развитие образования городского округа «Город Белгород» на 2015—2020 гг.; «Здоровый город» на 2015—2020 гг.; Социальная поддержка населения города Белгорода на 2015—2020 гг.; Развитие культуры и искусства городского округа «Город Белгород» на 2015—2020 гг.; «Спорт для всех» на 2015—2020 гг.; Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения на территории городского округа «Город Белгород» на 2015—2020 гг.; Муниципальное управление и развитие солидарного общества на 2015—2020 гг.; Информатизация муниципального управления на 2015—2020 гг. Программы разработаны по принципу «одна отрасль — одна программа» и содержат главные направления расходования средств местного бюджета: инвестиции, жилищно-коммунальное хозяйство, образование, здоровье населения, культура, социальная поддержка граждан, спорт, обеспечение безопасности жизнедеятельности населения и др.

Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» от 2 августа 2010 г. № 588 четко регламентирует структуру и основное содержание государственной (муниципальной) программы. В процессе разработки муниципальной программы должны участвовать основной заказчик по профилю программного документа, финансовый

орган муниципального образования и орган, ответственный за соблюдение методологии разработки программ. Конкретно это ответственный исполнитель, соисполнитель и участник¹².

Таким образом, залогом профессионального решения кадрового обеспечения устойчивого развития муниципальных образований, реализации Стратегии является профессионализм кадров представительных и исполнительно-распорядительных органов власти, командная работа, и как результат, отлаженная система межведомственного взаимодействия с опорой на научную общеведомственную при активном участии ученых и специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Постановление Правительства Белгородской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года» от 25 января 2010 г. № 27-пп // Справ.-прав. система ГАРАНТ.

² Евгений Савченко: «Белгородская агломерация — это один проект, который состоит из сотен тысяч маленьких проектов». URL: <http://www.belregion.ru/press/news/?ID=11278> (дата обращения: 21.01.2016).

³ См.: Белгородская область вошла в топ-15 регионов России по уровню потенциала инновационного развития. URL: <http://belnovosti.ru/news/society/2016/01/15/belgorodskaya-oblast-voshla-v-top-15-regionov-rossii-pourovnyu-potenciala> (дата обращения: 16.01.2016).

⁴ См.: Шапиро С.А. Основы управления персоналом в современных организациях: уникальный подход, обеспечивающий эффективную работу компании. М.: ГроссМедиа, 2005. 206 с.

⁵ См.: Кузьмина Н.М. Система управления кадровым потенциалом в интегрированных корпоративных структурах: дис. ... д-ра экон. наук. Самара, 2004. 438 с.

⁶ См.: Шапиро С.А. Основы управления персоналом ...

⁷ См.: Кузьмина Н.М. Система управления кадровым потенциалом ...

⁸ См.: Арсеньев Ю.Н., Шелобаев С.И., Давыдова Т.Ю. Управление персоналом. Модели управления: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 286 с.

⁹ См.: Астахов Ю.В., Патрушев В.И. Муниципальная кадровая политика: теория, методология, технология: моногр. Белгород; М., 2014. С. 179, 202.

¹⁰ См.: Федеральный закон «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием бюджетного процесса» от 7 мая 2013 г. № 104-ФЗ // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Постановление администрации города Белгорода «Об утверждении перечня муниципальных программ городского округа «Город Белгород» от 7 июля 2014 г. № 126. URL: <http://beladm.ru/upload/iblock/73c/73cc0f6bb57f6db613a6717892516ee4.pdf> (дата обращения: 15.06.2015).

¹² См.: Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» от 2 августа 2010 г. № 588 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

Поступила 23.01.2016.

V. I. Patrushev, Yu. V. Astakhov. Staffing Sustainable Socio-Economic Development in a Region and in Municipalities

The issue of sustainable development of subjects of the Russian Federation is crucial for Regionology. Management of sustainable innovative development in a region means purposeful changing the control object providing more opportunities for the regional system by increasing the efficiency of resource use, implementation of more advanced technologies, generating more revenue. Among many natural, material and social resources of each region, the paper focuses on human resources, on preparing a reserve of managerial personnel.

Such human resource system was created in the Belgorod Region. It is this phenomenon that gave rise to “the Belgorod miracle”; people from all over the country come to study it.

We believe that only the personnel in possession of modern social technology will be invincible in the competition because today human resources, human intellectual and cultural capital are crucial for the energy-saving Bioeconomy of the noospheric type.

Н. А. ФИЛИППОВА Т. А. ЕФРЕМОВА Г. В. МОРОЗОВА

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: регистрация, учет, регистрирующие органы, дорожная карта, интернет-сервис, онлайн-регистрация

Key words: registration, accounting, registering bodies, road map, online service, online registration

Дан анализ действующей практики регистрации и учета налогоплательщиков в Республике Мордовия. Предложен комплекс рекомендаций по ее дальнейшему развитию.

ФИЛИППОВА Наталья Алексеевна, профессор кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

ЕФРЕМОВА Татьяна Александровна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

МОРОЗОВА Галина Владимировна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

FILIPPOVA Natalia Alekseyevna, Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Finance and Credit, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

EFREMOVA Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Finance and Credit, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

MOROZOVA Galina Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Finance and Credit, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Филиппова Н. А., Ефремова Т. А., Морозова Г. В., 2016

The paper gives an analysis of the current practice of registering and accounting taxpayers in the Republic of Mordovia; the author proposes a set of recommendations for its further development.

Государственная регистрация и учет налогоплательщиков выступают исходным моментом в организации взаимоотношений налоговых органов и налогоплательщиков и представляют собой комплекс установленных законодательством мероприятий, осуществляемых в целях учета всех налогоплательщиков (или налоговых агентов) и аккумулирования сведений о них в едином государственном реестре. Это производится для усиления контроля за фактическим местом нахождения юридических лиц, обеспечения налоговых поступлений в бюджет, развития цивилизованной предпринимательской среды. Поскольку государственная регистрация является реализацией властных полномочий и затрагивает права и интересы различных категорий граждан, ее осуществление возложено на государственные органы.

До 1 июля 2002 г. в России функционировало около 4,5 тыс. регистрирующих органов (в Мордовии их было 35), каждый из которых осуществлял регистрацию юридических лиц, выдавал документы о государственной регистрации, формировал государственные реестры, руководствуясь правилами, утвержденными органами исполнительной власти соответствующего субъекта Федерации¹. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» от 30 сентября 2004 г. № 506 функции по государственной регистрации юридических и физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств отнесены к ведению Федеральной налоговой службы (ФНС), находящейся в ведении Министерства финансов Российской Федерации². Органом, осуществляющим государственную регистрацию некоммерческих организаций, общественных объединений и партий, является Министерство юстиции Российской Федерации. Постановка на учет организации или индивидуального предпринимателя в налоговом органе осуществляется на основании сведений, содержащихся в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ) и Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП), в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Налогоплательщики-организации и индивидуальные предприниматели подлежат постановке на учет в налоговых органах: по месту нахождения, т. е. по месту государственной регистрации (ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации); по месту нахождения обособленных подразделений организаций, т. е. по месту осуществления этой организацией деятельности через обособленное подразделение; по месту нахождения принадлежащего на праве собственности недвижимого имущества и транспортных средств, подлежащих налогообложению³.

Налоговые органы учитывают налогоплательщиков на основе информации, поступающей от:

— регистрирующих органов, обязанных направлять в налоговые органы сведения о зарегистрированных (перерегистрированных) или ликвидированных (реорганизованных) организациях, физических лицах, которые зарегистрировались или прекратили свою деятельность в качестве индивидуальных предпринимателей, фактах регистрации физических лиц по месту жительства, рождения и смерти физических лиц, о расположенном на подведомственной им территории недвижимом имуществе или о зарегистрированных в этих органах транспортных средствах и их владельцев;

— органов, выдающих лицензии, свидетельства или иные подобные документы на право осуществления определенных видов деятельности физическим лицам, которым выданы либо у которых отозваны или прекратили действие указанные документы;

— органов (учреждений), уполномоченных совершать нотариальные действия, и частнопрактикующих нотариусов, обязанных сообщать налоговым органам о нотариальном удостоверении права на наследство и договоров дарения.

В ходе непрерывной работы по учету налоговые органы получают первичную информацию о налогоплательщиках и включают ее в свою базу данных, которая постоянно уточняется и дополняется. Динамика числа состоящих на учете в налоговых органах Республики Мордовия налогоплательщиков отражена на рис. 1⁴.

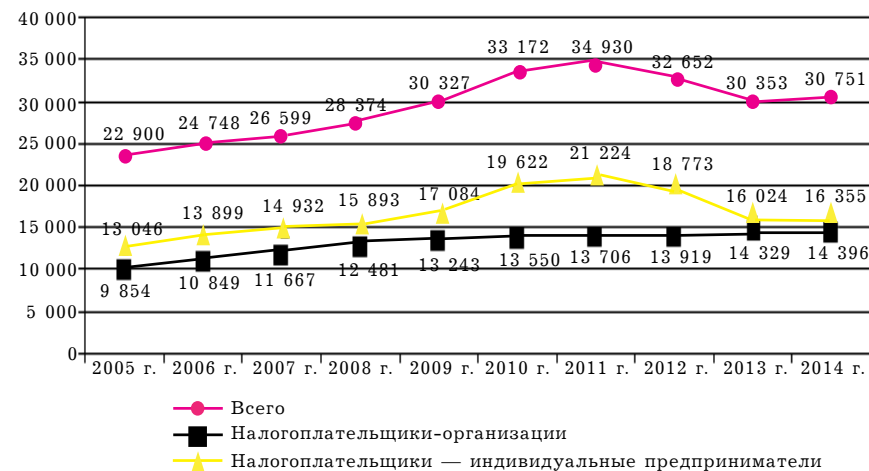

Рис. 1. Динамика показателей числа налогоплательщиков, состоящих на учете в налоговых органах Республики Мордовия, ед.

Как свидетельствуют представленные на рис. 1 данные, наибольшее число налогоплательщиков, зарегистрированных в ЕГРЮЛ и ЕГРИП, приходилось на 2009—2012 гг. С 2012 г. отмечается снижение числа налогоплательщиков, состоящих на учете, что было обусловлено реорганизацией и ликвидацией организаций в связи с нестабильным финансовым положением, а также снятием с учета большого числа индивидуальных предпринимателей из-за возросшей налоговой нагрузки.

Что касается рассмотрения динамики показателей стоящих на учете юридических лиц по различным категориям (таблица), то здесь можно отметить, что с 2009 по 2014 г. отмечался рост количества стоящих на учете коммерческих организаций (в 2010 г. — на 307 ед., в 2011 г. — на 156 ед., в 2012 г. — на 213 ед., в 2013 г. — на 410 ед., в 2014 г. — на 67 ед.) в основном за счет увеличения таких организаций, как общества с ограниченной и дополнительной ответственностью, производственные кооперативы, унитарные предприятия. Число юридических лиц, регистрируемых в соответствии со специальным порядком, напротив, поступа-

тельно сокращалось: в 2014 г. их число снизилось на 41 % к началу исследуемого периода.

Таблица

**Динамика показателей государственной
регистрации юридических лиц в Республике Мордовия³**

Категория	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Число юридических лиц, сведения о которых содержатся в ЕГРЮЛ	13 243	13 550	13 706	13 919	14 329	14 396
В том числе:						
— <i>Коммерческие организации:</i>	7 379	7 764	7 872	8 184	8 606	8 807
· полные товарищества	1	1	0	0	0	1
· товарищества на вере	9	8	7	7	7	7
· общества с ограниченной и дополнительной ответственностью	6 380	6 852	7 119	7 519	8 014	8 255
· акционерные общества (открытые, закрытые)	398	392	350	331	322	302
· производственные кооперативы	116	103	94	81	131	109
· унитарные предприятия	77	55	48	45	125	117
· прочие коммерческие организации	398	353	254	201	7	16
— <i>Некоммерческие организации:</i>	5 864	5 786	5 834	5 735	5 723	5 589
· потребительские кооперативы	376	400	391	383	371	351
· государственные и муниципальные учреждения	3 012	2 930	2 969	2 338	2 901	2 784
· юридические лица, регистрируемые в соответствии со специальным порядком (Росрегистрация)	2 432	2 413	2 434	1 989	1 425	1 431
· прочие некоммерческие организации	44	43	40	1 020	1 026	1 023
Общее количество записей о регистрации юридических лиц	189 093	213 163	232 952	249 587	269 338	285 868

Динамика показателей количества вновь зарегистрированных и прекративших деятельность (снятых с учета) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей представлена на рис. 2, 3.

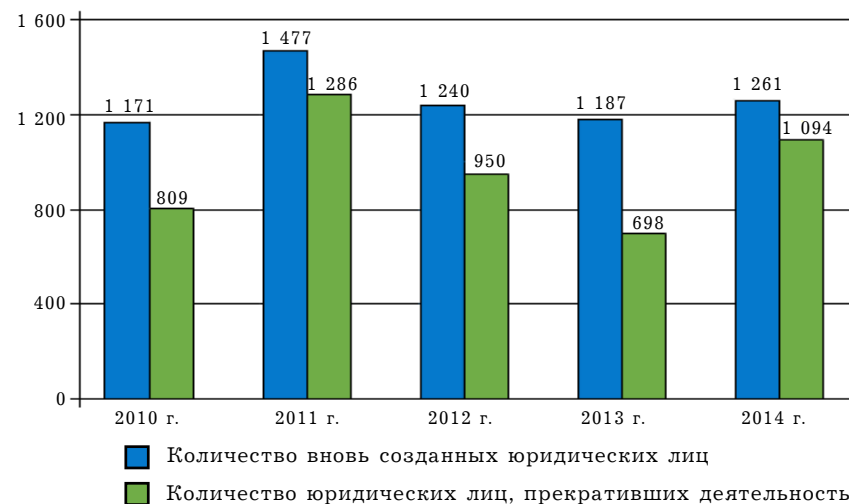

Рис. 2. Динамика показателей количества вновь зарегистрированных и прекративших деятельность юридических лиц

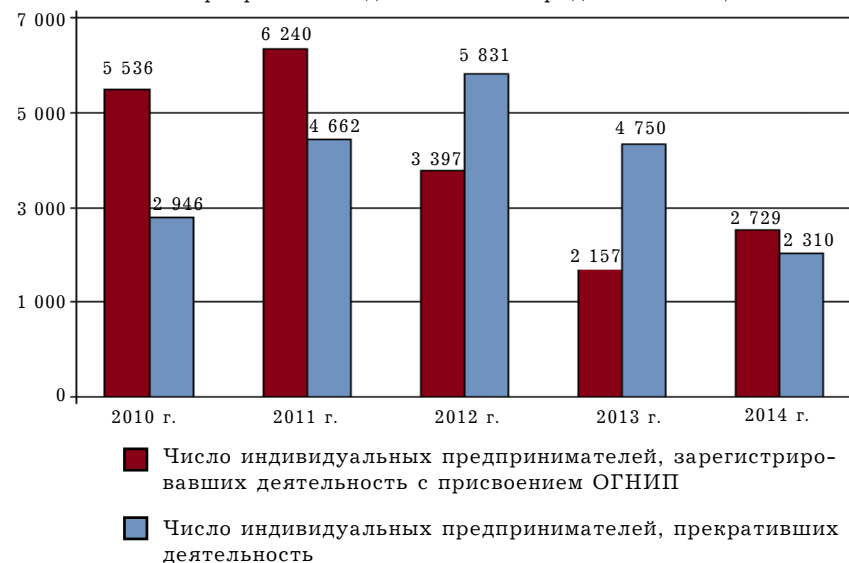

Рис. 3. Динамика показателей числа вновь зарегистрированных и прекративших деятельность индивидуальных предпринимателей

Приведенные данные по юридическим лицам свидетельствуют о превышении вновь создаваемых организаций над прекратившими деятельность. При этом общее количество регистрируемых в течение года организаций за весь исследуемый период оставалось почти на одном уровне. С 2012 г. наблюдается превышение числа прекративших деятельность индивидуальных предпринимателей над вновь зарегистрированными. Такая ситуация в основном обусловлена ухудшением экономического климата в стране, в частности в Мордовии. Так, в 2014 г. число зарегистрированных индивидуальных предпринимателей составило 49 % от уровня 2010 г.

Вместе с тем исследование показало значительное число юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, получивших отказ в государственной регистрации (рис. 4). Причины отказа — непредоставление на рассмотрение необходимых для государственной регистрации документов, представление документов в ненадлежащий регистрирующий орган, несоблюдение нотариальной формы представляемых документов, несоответствие наименования юридического лица требованиям законодательства, запрет заявителю заниматься предпринимательской деятельностью по решению суда в течение определенного срока и др.

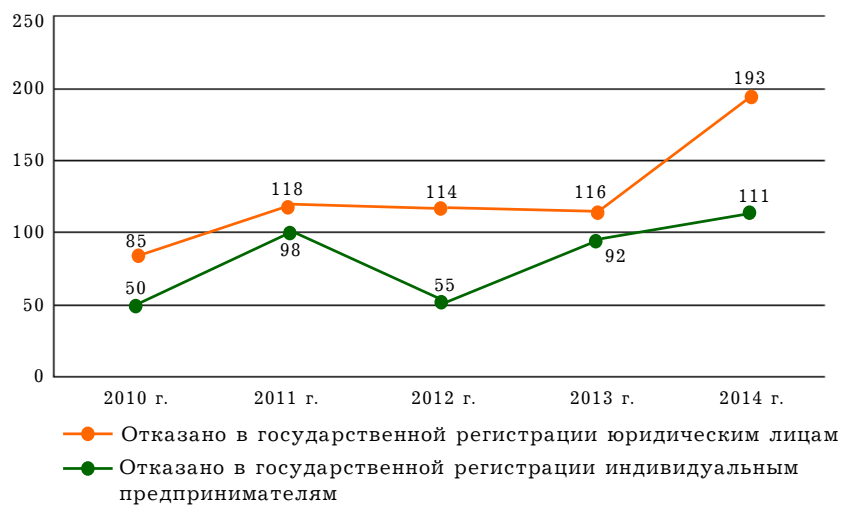

Рис. 4. Динамика показателей числа налогоплательщиков, получивших отказ в государственной регистрации

Существенная проблема в деятельности налоговых органов — борьба с фирмами-однодневками и налогоплательщиками-мигрантами. При регистрации и учете необходимо тщательно проверять всю информацию о налогоплательщике для своевременного выявления фирм-однодневок и пресечения их деятельности. За последние 20 лет подобные организации стали неотъемлемой частью отечественной экономики и используются почти повсеместно. До 80 % всех проводок, отслеживаемых в Центральном банке Российской Федерации, так или иначе связаны с фирмами-однодневками. Большая часть из них работает на международном рынке для вывоза капитала за рубеж и отмыwania денег, полученных преступным путем⁶.

Наблюдается высокий уровень миграции налогоплательщиков в Республику Мордовия и из нее, что вызвано долгами по оплате обязательных платежей и осуществлением в отношении них контрольных процедур. При этом число выбывающих из республики предприятий и юридических лиц значительно превышает их прибытие (рис. 5, 6).

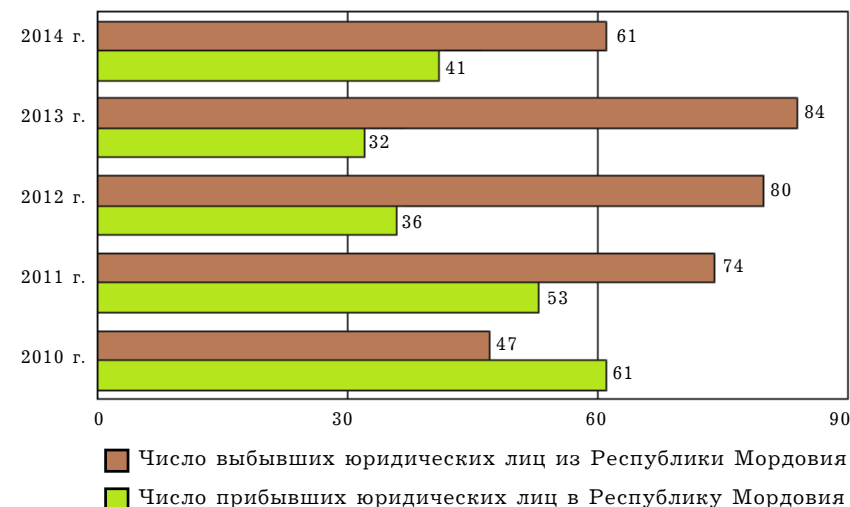

Рис. 5. Динамика показателей миграции юридических лиц в Республику Мордовия

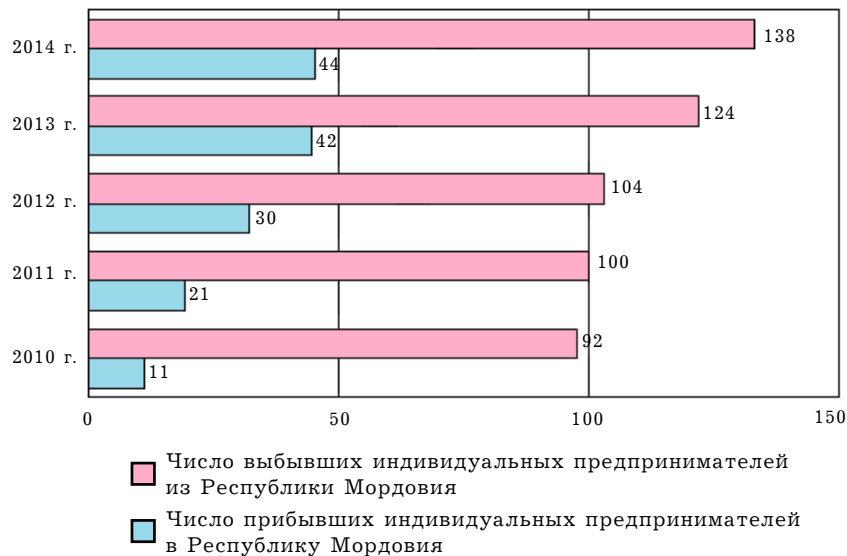

Рис. 6. Динамика показателей миграции индивидуальных предпринимателей в Республике Мордовия

Таким образом, несмотря на в целом налаженную налоговыми органами практику учета юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, необходимо дальнейшее развитие системы регистрационных и учетных процедур. В настоящее время перед налоговыми органами стоит ряд задач по развитию системы государственной регистрации налогоплательщиков: оптимизация процедуры государственной регистрации, оптимизация сопутствующих процедур, расширение возможности онлайн-регистрации, улучшение коммуникаций и информирования (организационные мероприятия, позволяющие получать полную и актуальную информацию по процедуре государственной регистрации).

Федеральным законом «О внесении изменений в статью 90 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 16 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 5 мая 2014 г. № 129-ФЗ⁷ отменено требование о предварительной оплате уставного капитала не менее чем 50 %. Это позволит предпринимателям не открывать временный (накопительный) счет и

сократить время на регистрацию обществ с ограниченной ответственностью. Отменена обязанность налогоплательщиков сообщать в налоговый орган об открытии (закрытии) банковских счетов и о возникновении (прекращении) права использовать корпоративные электронные средства платежа. С 1 мая 2014 г. плательщики взносов также освобождаются от обязанности сообщать в орган контроля за уплатой страховых взносов сведения об открытии и закрытии счетов в банке, соответствующие данные представляются в фонды банками.

Приняты и другие законы для оптимизации государственной регистрации. Так, законодательно исключена необходимость свидетельствования подлинности подписи заявителя на заявлении о регистрации в нотариальном порядке в случае представления документов в регистрирующий орган лично. Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ⁸ сократил сроки обмена информацией регистрирующих органов и внебюджетных фондов в «рамках одного окна». Теперь на регистрацию фондам отводится не более 3 рабочих дней с момента представления налоговыми органами в фонды сведений из ЕГРЮЛ или ЕГРИП (вместо прежних 5 дней). Планируется, что обмен информацией с фондами к 2018 г. будет занимать не более суток. Законодательно закреплена возможность представления документов для государственной регистрации и последующего получения документов через многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг.

Принят закон о досудебном урегулировании споров в рамках государственной регистрации, что помогает быстро урегулировать спорные ситуации в сфере регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Закреплен порядок обжалования решения о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей или об отказе в ней. По общему правилу решение по жалобе принимается в течение 15 рабочих дней⁹.

Для развития предпринимательства и повышения уровня комфортности обслуживания налогоплательщиков на сайте ФНС размещены электронные сервисы, с помощью которых можно бесплатно получить много полезной информации. Сервис «Риски бизнеса: проверь себя и контрагента» по-

звояет проявить должную осмотрительность при выборе контрагента (поставщика, подрядчика); предоставляет сведения о государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств; позволяет осуществлять поиск сведений в реестре дисквалифицированных лиц; содержит информацию об адресах массовой регистрации, сведения о лицах, в отношении которых факт невозможности участия в организации установлен в судебном порядке, сведения о юридических лицах, отсутствующих по своему юридическому адресу.

На сайте ФНС есть сервис «Создай свой бизнес» с пошаговой инструкцией для начинающих предпринимателей, который позволяет выбрать форму регистрации, режим налогообложения, осуществление государственной регистрации, даже знакомит с правилами применения контрольно-кассовой техники и представляет информацию о процедуре проведения налоговых проверок. Через сайт можно направить пакет документов в налоговый орган при осуществлении государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (требуется наличие электронной подписи (ЭП)), подать физическому лицу заявку на регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя с помощью мобильного устройства (при этом необходим личный визит в инспекцию, наличие ЭП не требуется).

Активно внедряются в жизнь организационные мероприятия, направленные на расширение возможностей онлайн-регистрации: на едином портале государственных и муниципальных услуг (функций) создана возможность отслеживания в режиме онлайн-процедуры рассмотрения заявления о государственной регистрации; создан кол-центр с бесплатным федеральным номером, консультирующий по вопросам регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; расширен состав сведений о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, бесплатно размещаемых на официальном сайте ФНС. Заинтересованные лица могут получить сведения о себе из ЕГРЮЛ и ЕГРИП в виде выписки (электронной либо на бумажном носителе) на основании запроса, направленного через Интернет; при регистрации можно онлайн оплатить госпошлину за предоставление сведений из ЕГРЮЛ/ЕГРИП/ЕГРН и реестра дисквалифицированных

лиц, а также произвести онлайн-оплату через один из банков — партнеров ФНС.

Таким образом, оптимизация взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков в процессе государственной регистрации и учета будет способствовать повышению качества и эффективности деятельности ФНС и ее территориальных подразделений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Пепеляев С.Г. Учет крупнейших налогоплательщиков ведется незаконно // *Налоговед.* 2004. № 11. С. 1—7.

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» от 30 сентября 2004 г. № 506 // *Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».*

³ См.: Брызгалов А.В. Налоговый контроль: сложные вопросы, практика применения, нормативные акты ФНС России // *Налоги и финансовое право.* 2008. № 10. С. 10.

⁴ Все рисунки в статье созданы на основе информации, взятой с официального сайта Федеральной налоговой службы <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 19.05.2015).

⁵ Таблица рассчитана по данным официального сайта Федеральной налоговой службы <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 21.05.2015).

⁶ См.: Ермакова Е.А. Российская практика противодействия уклонению от уплаты налогов: борьба с «однодневками» // *Налоги и финансовое право.* 2012. № 9. С. 147—151.

⁷ См.: Федеральный закон «О внесении изменений в статью 90 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 16 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» от 5 мая 2014 г. № 129-ФЗ // *Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».*

⁸ См.: Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Там же.

⁹ См.: О досудебном урегулировании споров в сфере государственной регистрации. URL: https://www.nalog.ru/rn17/related_activities/registration_ip_y1/4981951 (дата обращения: 15.06.2015).

Поступила 09.07.2015.

N. A. Filippova, T. A. Efremova, G. V. Morozova.

Improving the System of State Registration of Taxpayers in a Region

State registration and account of taxpayers are the basis for the formation of the Unified State Register of taxpayers (both legal entities and individual entrepreneurs) which allows to control the completeness and timeliness of payment of taxes and, therefore, to ensure formation of the budget.

Analysis of the current practices of registration and account of taxpayers in the Republic of Mordovia allowed to reveal positive trends (formation of a unified federal database on registered taxpayers; openness and accessibility of information about all taxpayers registered in the territory of Russia; a wide range of services on state registration rendered by the tax authorities to the taxpayers; transition to the “single window” system in interaction of registering authorities; pretrial settlement of appeals against decisions on the state registration of legal entities and individual entrepreneurs) and systemic problems (conscious evasion of taxpayers from the tax liabilities for registration; complexity of timely detection of “shell companies” at the stage of registration; significant amount of “migrating organizations”; poor technical and software support of regional tax inspectorates) associated with registration.

The authors substantiate the necessity of transition to the service-oriented model of tax administration in formation of partnerships between tax authorities and taxpayers in registration and accounting. The paper proposes a set of recommendations for further development of the process of registration and accounting taxpayers.

Е. Г. САРАНЦЕВА

**ПОВЫШЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ
ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА
НА ОСНОВЕ ОПЕРАЦИОННОГО
АНАЛИЗА ПРИБЫЛИ**

Ключевые слова: операционный анализ, прибыль, затраты, критический объем производства, маржинальный доход, порог рентабельности, запас финансовой прочности

Key words: operational analysis, profit, costs, critical production volume, profit margins, profitability threshold, reserves of financial durability

В статье рассмотрены возможности использования операционного анализа прибыли на машиностроительных предприятиях региона как метода управления предпринимательской деятельностью в целях повышения ее эффективности и увеличения финансовых результатов.

The paper considers possibility of using operational analysis of profits in machine-building enterprises in a region as a method of business management in order to enhance efficiency and increase financial performance.

Современные условия хозяйствования ставят перед предприятиями задачи повышения эффективности финансово-хозяйственной деятельности и увеличения прибыли. Формирование и использование прибыли составляют основу предпринимательской деятельности и ее финансовым результатом. Сравнение суммы прибыли с затратами характеризует эффективность работы предприятия.

Промышленные предприятия регионов России, выпускающие машиностроительную продукцию, имеют наиболее

САРАНЦЕВА Елена Геннадьевна, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

SARANTSEVA Elena Gennadievna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Accounting, Analysis and Audit, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Саранцева Е. Г., 2016

высокую ресурсоемкость. Значительную долю в затратах на производство и реализацию их продукции занимают постоянные затраты, которые в меньшей степени поддаются быстрому изменению, в связи с чем компании теряют гибкость в управлении своими расходами. Предприятия с подобной структурой затрат наиболее остро нуждаются в разработке направлений более эффективного управления ими в целях принятия управленческих решений, обеспечивающих повышение отдачи от применяемых ресурсов¹.

Операционный анализ — один из эффективных методов управления предпринимательской деятельностью, осуществляемый по схеме «затраты — оборот — прибыль». Этот метод позволяет выявить зависимость финансового результата производственно-коммерческой деятельности от изменения издержек, цен, объема производства и реализации продукции. Операционный анализ позволяет решить широкий спектр управленческих задач: оценить чувствительность прибыли к изменению основных показателей — факторов, формирующих ее уровень; прогнозировать уровень показателей рентабельности на основе расчета запаса финансовой прочности; оценить предпринимательский риск; выбрать оптимальные пути выхода из кризисного состояния; разработать наиболее выгодную для предприятия ассортиментную политику в сфере производства и реализации готовой продукции.

Основными элементами операционного анализа выступают пороговые значения показателей деятельности предприятия: критический объем производства (точка безубыточности), порог рентабельности (отношение постоянных расходов к доле маржинального дохода в выручке от продаж), запас финансовой прочности (разница между выручкой от продаж и порогом рентабельности).

Для предприятия очень важен расчет этих показателей, поскольку знание их значений позволит принимать эффективные управленческие решения, прогнозировать финансовые результаты, исходя из предполагаемого состояния расходов, а также определять для каждой конкретной ситуации объем реализации, обеспечивающий безубыточную деятельность². Знание запаса финансовой прочности позволит определить возможное снижение выручки от реализации продукции до уровня, достигнув которого предприятие перейдет из области прибыльности в область убытков.

Операционный анализ тесно связан с понятием производственного (операционного) рычага, сила воздействия которого определяется отношением маржинального дохода (дохода, покрывающего переменные затраты) к валовой прибыли. Этот показатель указывает на степень чувствительности валовой прибыли к изменению объема производства и отражает степень производственного риска. При его высоком значении даже незначительный спад или увеличение производства продукции приводит к существенному изменению валовой прибыли³.

Эффект производственного рычага проявляется в том, что любое изменение выручки от продажи товаров, продукции, работ и услуг приводит к еще более интенсивному колебанию финансового результата. Действие эффекта связано с неодинаковым влиянием переменных и постоянных затрат на финансовый результат при изменении объема производства и реализации продукции. Если порог рентабельности пройден, то доля постоянных издержек в суммарных расходах снижается и сила воздействия производственного рычага падает. Наоборот, повышение удельного веса постоянных издержек усиливает действие производственного рычага.

Чтобы обеспечить безопасность и безубыточность производства, предприятие с небольшой долей постоянных расходов может производить относительно меньше продукции (в физическом выражении), чем предприятие с более высокой их долей в суммарных издержках. Величина запаса финансовой прочности у первого предприятия выше, чем у второго. Финансовый результат предприятия с низким уровнем постоянных расходов в меньшей степени зависит от изменения физического объема производства. Предприятие с высокой долей постоянных расходов вынуждено в значительно большей мере опасаться падения объемов производства и продаж.

В случае снижения выручки от реализации продукции (за счет уменьшения объема производства) сила воздействия производственного рычага характеризует возможную потерю прибыли (или увеличение убытка). В трудное положение попадает то предприятие, у которого в условиях спада производства убытки превышают маржинальный доход, т. е. эффект производственного рычага по модулю ниже единицы. Увеличение выручки от реализации продукции на

таким предприятию не вызовет быстрого снижения убытков и роста объема производства. Наоборот, предприятие, имеющее убытки ниже маржинального дохода, быстрее выйдет из кризисного состояния, так как аналогичный рост объема реализации продукции обеспечит более интенсивное снижение убытков.

Операционный анализ показывает чувствительность, реакцию финансового результата на изменение внешних и внутренних факторов производства и сбыта товаров. В основу анализа чувствительности положен объем производства, который обеспечивает исходный финансовый результат при изменении одного из следующих показателей: постоянных расходов, переменных издержек, цены за единицу изделия⁴. Факторный анализ объема производства проводится по следующей методике.

Влияние изменения постоянных расходов на объем производства в натуральном выражении (Q_1), обеспечивающий исходные условия, можно определить следующим образом;

$$Q_1 = MD' / KMD_0 : C_0, \quad (1)$$

где MD' — маржинальный доход в отчетном периоде, KMD_0 — доля маржинального дохода в выручке в базисном периоде, C_0 — цена за единицу продукции в базисном периоде.

Влияние изменения переменных издержек на объем производства в натуральном выражении (Q_2) устанавливается по формуле:

$$Q_2 = MD_0 / K'MD : C_0, \quad (2)$$

где MD_0 — маржинальный доход в базисном периоде, $K'MD$ — доля маржинального дохода в выручке в отчетном периоде.

Влияние изменения цены на объем производства (Q_3) в натуральном выражении определяется по формуле:

$$Q_3 = MD_0 / K'MD : C_1, \quad (3)$$

где C_1 — цена за единицу продукции в отчетном периоде.

Рассмотрим влияние факторов на изменение объема производства на примере данных предприятия *N*. Допустим, что оно выпускает 10 тыс. шт. изделий по цене 30 тыс. руб. за

единицу (в том числе 8 тыс. руб. — переменные издержки), а общая сумма постоянных расходов составляет 115 млн руб. В таблице даны показатели деятельности предприятия *N* при базовых условиях и при условии 10%-го увеличения цены. На основе приведенной методики факторного анализа и данных таблицы определим изменение объема производства в натуральном выражении под влиянием изменения постоянных расходов, переменных расходов, цены.

Таблица

Показатели деятельности предприятия *N*, в тыс. руб.⁵

Показатель	Значения при базовых условиях (объем производства 10 000 шт.)	Значения при условии 10%-го увеличения цены при исходном объеме производства 10 000 шт.
Выручка от реализации (объем продаж)	300 000	330 000
Переменные расходы	80 000	80 000
Маржинальный доход	220 000	250 000
Постоянные расходы	115 000	115 000
Прибыль	105 000	135 000

При изменении постоянных расходов объем производства в натуральном выражении составит 11 415 изделий (250 000 : 0,73 : 30). Таким образом, в результате 10%-го увеличения постоянных расходов для обеспечения базисного финансового результата предприятию необходимо дополнительно произвести 1 415 изделий (11 415 — 10 000).

При изменении переменных расходов объем производства в натуральном выражении равен 9 679 изделиям (220 000 : 0,7576 : 30,0). Итак, в результате роста переменных расходов на 10 % предприятие вынуждено снизить объем производства на 321 изделие (10 000 — 9 679).

Увеличение продажной цены приводит к необходимости выпуска объема производства, равного 8 799 изделиям (220 000 : 0,7576 : 33,0). Таким образом, 10%-ный рост продажной цены способствовал снижению объема производства на 1 201 изделие (10 000 — 8 799), что характерно для предприятий-монополистов.

На основе операционного анализа можно оценить факторы, влияющие на изменение прибыли. Увеличение переменных издержек (на 10 %) привело к снижению прибыли на 8 млн

руб. ((300 000 — 80 000 — 115 540) — (300 000 — 88 000 — 115 000)), или 7,62 %. Рост постоянных издержек (на 10 %) вызвал снижение прибыли на 11 млн 500 тыс. руб. ((300 000 — 80 000 — 115 000) — (300 000 — 80 000 — 126 500)), или 10,95 %. Рост продажной цены изделия на 10 % привел к росту прибыли на 30 млн руб. (105 000 — 135 000), или 28,57 %.

Таким образом, приоритетное значение по степени влияния на прибыль имеет изменение цены, менее существенное — колебание переменных издержек. Важно определить запас финансовой прочности предприятия, т. е. уровень возможного снижения выручки от реализации продукции, безопасный для результатов предприятия. Этот показатель определим как разницу выручки от реализации и порога рентабельности: 300 млн — 156 млн 818 тыс. руб. = 143 млн 182 тыс. руб., или 47,7 % к сумме выручки от реализации. Предприятие *N* сможет выдержать 47,7 % снижения выручки от реализации продукции без серьезной угрозы для своего финансового состояния.

На машиностроительных предприятиях высокий уровень постоянных расходов зависит от отраслевых особенностей деятельности, характеризующихся значительной фондоемкостью производимой продукции. Такие предприятия имеют высокое значение производственного рычага и теряют гибкость в управлении затратами. Для снижения суммы и удельного веса постоянных затрат машиностроительным предприятиям рекомендуется использовать резервы: сокращение расходов на управление, сокращение потребления коммунальных услуг, продажу части неиспользуемого оборудования и нематериальных активов с целью снижения амортизационных отчислений, использование лизинга машин и оборудования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Саранцева Е.Г. Анализ безубыточности в принятии стратегических решений на промышленных предприятиях региона // Регионология. 2012. № 2. С. 62—67.

² См.: Саранцева Е.Г., Давыдова В.В. Информационная база поддержки стратегических управленческих решений // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 2. С. 27—34.

³ См.: Хорин А.Н., Керимов В.Э. Стратегический анализ: учеб. пособие. М.: Эксмо, 2009. 480 с.

⁴ См.: Саранцева Е.Г. Маржинальный анализ в принятии управленческих решений. URL: <http://kontentus.ru/wp-content/uploads/2013/12/Саранцева.pdf> (дата обращения: 29.07.2015).

⁵ Данные таблицы условные.

Поступила 03.09.2015.

**E. G. Sarantseva. Increasing Effectiveness
of Business Activity of Machine-Building Enterprises
in a Region on the Basis of the Operational Analysis of Profits**

The current economic conditions require enterprises to improve the efficiency of financial and economic activities and increase their profits.

The study of some industrial enterprises, producing engineering products, in the Republic of Mordovia showed that they are the most resource consuming ones. Fixed costs make up a considerable share in their production costs and in selling their products. They are less amenable to rapid change; therefore these companies lose flexibility in managing their costs. Enterprises with similar costs structures need development of more effective management for the purpose of making management decisions that enhance the efficiency of the resources used.

Operational analysis is one of the effective methods of management of entrepreneurial activities under the “costs — turnover — profit” scheme. This method allows to reveal dependence of financial results of production and commercial activity on changes in costs, prices, production capacities and sales.

Operational analysis allows to solve a wide range of managerial tasks: to evaluate sensitivity of profit to changes in key indicators, i. e. the factors that influence its level; to predict the level of profitability indicators based on the calculation of margin of financial strength; to assess business risk; to choose the optimal ways out of the crisis situation; to develop the most profitable product assortment policy in the sphere of production and sales of finished products.

К. А. КУДРЯВЦЕВ

ВЫБОР ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И ВЛИЯНИЕ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ХОЗЯЙСТВУЮЩИЕ СУБЪЕКТЫ-КОНКУРЕНТЫ

Ключевые слова: товарный рынок, недобросовестная конкуренция, потребитель, конкуренты

Key words: commodity market, unfair competition, consumer, competitors

Хозяйствующие субъекты в целях максимальной прибыли используют различные подходы, связанные с функционированием на товарных рынках, часто прибегая к недобросовестной конкуренции. Статья посвящена исследованию влияния обозначенных действий на окончательный выбор потребителей и хозяйствующих субъектов-конкурентов.

To maximize profits, business entities use different approaches related to functioning on commodity markets, often resorting to unfair competition. The paper is devoted to the study of the influence of the specified actions on the final choice of consumers and competing business entities.

Федеральным законом «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (Закон) в п. 9 ст. 4 определено понятие «недобросовестной конкуренции». Под ней понимаются любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить

КУДРЯВЦЕВ Константин Александрович, доцент кафедры экономики и организации производства Поволжского государственного технологического университета, кандидат экономических наук (г. Йошкар-Ола).

KUDRYAVTSEV Konstantin Aleksandrovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation).

© Кудрявцев К. А., 2016

убытки другим хозяйствующим субъектам-конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации¹. Акт недобросовестной конкуренции всегда направлен против конкретного субъекта, в связи с чем при квалификации недопустимых Законом действий не требуется проведение анализа состояния конкуренции на товарном рынке для установления доминирующего положения.

Гл. 2.1 Закона устанавливает ряд запретов на недобросовестную конкуренцию. При этом необходимо учитывать, что перечень запретов в указанной статье не является исчерпывающим. Следовательно, возможно выявление и доказательство иных нарушений.

Понятие недобросовестной конкуренции, представленное в Законе, указывает на ряд аспектов, необходимых для квалификации данных действий как противоправных. Во-первых, действия должны быть активными и направлены против хозяйствующего субъекта-конкурента. Во-вторых, действия должны противоречить законодательству Российской Федерации и обычаям делового оборота. В соответствии с ч. 1 ст. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации *обычаем* признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе². В-третьих, понятие недобросовестной конкуренции указывает, что хозяйствующие субъекты должны действовать на одном товарном рынке, т. е. быть конкурентами, а результатом неправомерных действий должно стать причинение убытков либо нанесение вреда деловой репутации.

В соответствии с ч. 2 ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации под *убытками* понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)³.

Следовательно, для квалификации действий как недобросовестной конкуренции необходима совокупность перечисленных аспектов. Каковы варианты применения запретов, установленных в гл. 2.1 Закона? Нам известен ряд случаев.

Первый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 9 октября 2009 г. по делу № А38-2367/2009 указал следующее: «В Управление Федеральной антимонопольной службы по Республике Марий Эл поступило заявление от ООО «Марийская газовая компания» о нарушении антимонопольного законодательства, выразившегося в размещении напротив магазина «БытГазТехника» около дома № 70 по ул. Мира в г. Йошкар-Оле информации «Не покупайте технику! Ждите...». В связи с этим обстоятельством ООО «Марийская газовая компания» просило провести проверку и принять соответствующие меры. Из заявления следовало, что ООО «МГК» осуществляет розничную торговлю бытовой техникой, бытовым газовым и электрооборудованием через сеть магазинов «БытГазТехника», расположенных в г. Йошкар-Оле. Поскольку рекламный щит располагался в непосредственной близости от магазина, размещенная на нем информация вводила в заблуждение потребителей, в результате чего снизились объемы продаж»⁴.

Действия хозяйствующего субъекта удовлетворяли всем перечисленным аспектам и были правильно квалифицированы апелляционным судом по жалобе антимонопольного органа как недобросовестная конкуренция. Потенциальные покупатели отказались брать бытовую технику, в результате ООО «МГК» не получило доходов, на которые могло рассчитывать в ходе нормального гражданского оборота.

Арбитражный суд Курской области в решении от 20 декабря 2010 г. по делу № А35-7889/2010 следующим образом квалифицировал недобросовестную конкуренцию: «При проведении контрольного мероприятия инспекция Курского УФАС России проанализировала представленные Курским региональным филиалом ООО «СК «Согласие» копии страховых полисов ОСАГО (с приложениями), заключенные страховой компанией с 1 февраля 2009 г. по 1 февраля 2010 г. (выборочно) и установила, что ООО «СК «Согласие» необоснованно занижен коэффициент Бонус-Малус при расчете страховой премии в договорах (полисах) обязательного страхования владельцев транспортных средств»⁵. Следовательно, действия ООО «СК «Согласие» направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации и причинили или могут причинить

убытки другим хозяйствующим субъектам-конкурентам. При этом размер убытков при квалификации действий как недобросовестная конкуренция не имеет значения.

Согласно ст. 14.7 Закона, не допускается недобросовестная конкуренция, связанная с незаконным получением, использованием, разглашением информации, составляющей коммерческую тайну. При квалификации этого вида нарушения важно установить прямой контакт, приведший к незаконному использованию коммерческой тайны. Поэтому возможен случай, когда организация собирается оказывать новый вид услуг, экономическая эффективность которых неизвестна. Для этого она заключает агентское соглашение со сторонней организацией. С течением определенного времени организация убеждается в целесообразности нового бизнеса и ставит целью произвести замену привлеченной организации на собственную, сохранив при этом численный состав обученных сотрудников. Однако сотрудники являются носителями успешного алгоритма работы и подписали дополнительное соглашение к трудовому договору о неразглашении информации, составляющей коммерческую тайну. Следовательно, они не могут раскрывать сведения, способствующие быстрому устранению с товарного рынка хозяйствующего субъекта, посредством перехода на работу к прямому конкуренту, тем более что переход в другую организацию может осуществляться во время фактической отработки двухнедельного срока.

Таким образом, возможны различные варианты проявления недобросовестной конкуренции. Эти действия активны, они нарушают обычаи делового оборота, требования добропорядочности, разумности и справедливости, влияют на выбор потребителей, принося убытки хозяйствующим субъектам-конкурентам, и способствуют их устранению с товарных рынков, в связи с чем необходима правильная квалификация указанных действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации // Там же.

³ Там же.

⁴ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 9 октября 2009 г. по делу № А38-2367/2009. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 03.03.2015).

⁵ Решение Арбитражного суда Курской области от 20 декабря 2010 г. по делу № А35-7889/2010. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 03.03.2015).

Поступила 11.03.2015.

K. A. Kudryavtsev. Consumer Choice and the Impact of Unfair Competition on the Competing Business Entities

The paper describes various manifestations of unfair competition and interprets the aspects necessary to qualify these actions.

The aim of this paper is to study the influence of illegal actions of business entities involving unfair competition on consumer choice as well as to study the possibility of removing the competitor business entities from the markets. The stated objective of the study is achieved by means of the analysis of the concept of unfair competition as defined in the Federal Law of the Russian Federation "On Protection of Competition" of 26 July 2006, № 135-FZ, as well as of its practical application, through analysis of arbitration cases and personal experience of the author.

The result of this study are the conclusions concerning different forms of unfair competition as well as the need for proper qualification of these actions: establishing their activity and orientation against the competing business entity (the economic agents must act on the same product market), their contradictoriness to the legislation of the Russian Federation and customs of business turnover and the actions causing losses no matter how big they are, or damage to business reputation which is also a negative consequence of competition.

В. А. ПИСАЧКИН

ТЕОРИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В СОЦИОЛОГИИ

Ключевые слова: социология пространства, социальное пространство, жизненное пространство, время, смысл, коммуникация, практика, научная теория, предпосылочное знание, социальная топология, глобализм, регионализм, локалы

Key words: sociology of space, social space, life space, time, meaning, communication, practice, scientific theory, prior knowledge, social topology, globalism, regionalism, locales

В статье рассматривается теория жизненного пространства в социологии, дается характеристика структурирования, текстурирования, масштабирования, константности и других подходов к характеристике социальных свойств, процессов и явлений в контексте топологического анализа социума.

The paper considers the theory of life space in Sociology, it defines structuring, texturing, scale, constancy and other approaches to describe social properties, processes, and phenomena in the context of topological analysis of the society.

Интерес социологии к пространству обусловлен эволюцией и логикой науки и общественной практики, потребностью поиска достойных ответов на «вызовы» истории в связи с изменениями структурных форм пространственной организации общества и трансформацией его состояний. Социологи связывают рост интереса к пространству в целом, а также к конкретным местам и локальным сообществам с необходимостью развития теории социального пространства. Идея пространственного развития социума реализуется в теории и практике развития российского государства как в территориальном аспекте, так и в преобразовании социального

ПИСАЧКИН Владимир Александрович, профессор кафедры социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

PISACHKIN Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Sociology, Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

© Писачкин В. А., 2016

пространства путем применения многочисленных эффективных технологий. Здесь исключительная роль принадлежит базовым постулатам трактовки социального пространства, теоретические модели которого широко применяются в реализации различных теоретических и практических задач. Одновременно существует дефицит обращения к терминологии из теории жизненного пространства социума.

Успешность работы в теоретической области исследования в первую очередь связана с развитием базовых теорий. Научная теория является наиболее совершенной формой научных знаний. Она представляет собой обоснованную и концептуально организованную систему научных представлений. Содержание теорий раскрывает закономерности и свойства различных предметов, явлений, процессов. Характерными чертами научной теории служат ее связанность, целостность и стабильность.

По мнению В. С. Степина, в формировании понятийного аппарата научной теории главную роль играют процедуры построения теоретической схемы, в рамках которой происходит «взаимодействие между основаниями науки, математическим аппаратом, эмпирическим и теоретическим материалом, обобщаемым в теории»¹. Процесс построения теории включает движение от оснований науки к гипотетическому варианту теоретической схемы, а затем от нее — к эмпирическому материалу.

В формировании теории существенная роль принадлежит различным формам предпосылочных знаний, которые нацеливают творческий поиск, фундируют исследовательские задачи и средства их решения. Их становление происходит на фоне контекста культуры, в системе производства знаний. В том числе они связаны с объективными и субъективными аспектами понимания пространства и времени (физическими и философскими представлениями о пространстве и времени, субстанциальной и реляционной концепциями пространства и времени, влиянием теории относительности на понимание времени и пространства, трактовкой универсальных и специфических свойств пространственно-временных отношений). В аспекте предпосылочных знаний важна степень зависимости пространственно-временных представлений от типа культуры, связи пространства, времени и языка, материи, времени и ритма.

Целью научной теории является введение «идеальных объектов», позволяющих выводить, интерпретировать (конструировать) соответственные данные о реальной области объектов на базе исходных понятий, производных объектов, аксиом, теорем, метатеоретических понятий. В этом процессе лежит соединение абстрактных объектов, почерпнутых из одной области знания, со структурой («сеткой отношений»), «задействованных в другой области знания»². В новой системе отношений абстрактные объекты наделяются новыми признаками. Это приводит к появлению в гипотетической модели нового содержания. Модели могут быть интерпретационными, описательными, объяснительными, систематизирующими, экстраполяционными, прогностическими и др.

В современной науке подобными объектами выступают различные пространства: социальное, политическое, экономическое, культурное, образовательное, коммуникационное, информационное, виртуальное и другие формы пространств конструируемых и пространств реальных в системе различных характеристик социума, в терминах которых выстраивается «социальная топология», или «социология пространства». Многие авторы подчеркивают специфическую роль обращения к пространству в социологии как к фактору особого способа теоретизирования, что сказывается на развитии социологической науки, ее методологической ангажированности.

Смысл. Проблемы интерпретации в понимании социальной реальности с позиции ее рассмотрения и истолкования как «ткани субъективного смысла» становятся главным конструирующим фактором социальности. Концептуальная история социального пространства в полной мере развернулась в середине XX в. Тогда усилиями европейских и американских социологов концепция социального пространства стала активно использоваться в социальных науках. Социальное пространство обрело контуры пространства свободы (Н. А. Бердяев)³, пространства социальных статусов и позиций (П. А. Сорокин)⁴, пространства социального контроля (М. Фуко)⁵, пространства социального конфликта (Р. Дарендорф)⁶, социального пространства обмена (Д. Хоманс, П. Блау)⁷, пространство игры (Й. Хейзинга)⁸, пространство закона (К. Шмитт)⁹, социального пространства функционального типа (П. Бурдьё)¹⁰, социального пространства диалога

(М. М. Бахтин)¹¹ и др. В целом, по мысли А. Ф. Филиппова, «смысловая структура пространства есть компонента смысловой составляющей социального действия»¹². Отношения также всегда эксплицитированы смыслом действия, определенной ориентацией и пространственной локализацией.

Рефлексивная методология как переосмысление пространственных стереотипов в социологии является механизмом творческого процесса в области критики теоретического знания, осмыслении человеческого бытия в целом и в организации междисциплинарных и комплексных исследований. Социология не ограничивается анализом познания, она рассматривает схемы деятельности, воспроизводящие социальное бытие. В связи с этим наблюдается перенос центра тяжести социологических исследований из области отраслевых или узконаправленных подходов в комплексный план целостного изучения определенных территорий — регионов, занимающих особое место в структуре микро-, мезо- и макропространств. В этом аспекте категория жизненного пространства становится важным инструментом развития социологии в духе универсальности на пути собственного развития и в ходе реализации исследовательских задач, обеспечивающих оптимальный характер управления социальными процессами в развитии общества.

Универсальность — важное свойство категории «пространство», позволяющее производить замеры изменений в социуме и давать сравнения его сегментов и форм, выявлять его трансформации, определять социальные качества и количественные характеристики различных явлений и процессов. Многообразие пространственных структур социума связано с особой сложностью объекта социальных наук — социальной реальностью, которая соответствует совокупности социальных фактов (разнообразных образов действий, факторов), оказывающих на индивидов внешнее влияние. Анализ понятия «пространство» позволяет проследить эволюцию применения таких терминов, как «сфера» (космосфера, антропосфера, социосфера, этносфера, символосфера, политическая сфера, экономическая сфера, социальная сфера, духовная сфера, сфера услуг, техносфера, инфосфера, психосфера, агросфера, сфера туризма, геосфера, биосфера, экосфера) и «среда» (жизненная, окружающая, географическая, профессиональная, безопасная, городская,

благоприятная, рабочая, образовательная, воспитательная, читательская).

Жизненное пространство *асимметрично*, оно обладает природным свойством асимметрии, выступающим в качестве источника развития жизни, поддержания ее сопряженных динамических процессов. Физическое пространство в соединении с социальным создает эффект искривленных линий и расстояний. Этот эффект связан с действием *структурирования, текстурирования, масштабирования, константности*, что связано с положением, расположением, состоянием и другими свойствами того или иного социального объекта (центра или субъекта), испытывающих на себе власть пространства.

Структура — форма строения, морфология пространства, расположение, порядок организации. Она обуславливает многие позиции субъектов, расположенных в пространстве в зависимости от дислокации объекта, находящегося на пересечении коммуникаций, путей сношения (центр, столица и периферия, провинция) и других пространственных условий и свойств. Действие этого эффекта зависит от интенсификации жизненных процессов, вызываемой историческими, этническими, экономическими политическими, культурными, религиозными, технико-технологическими, военными, информационными и иными обстоятельствами.

М. Кастельс описывает пространственную форму, характерную для информационного общества («пространство потоков»), как материальную организацию «социальных практик, в разделении времени, работающих через потоки»¹³. Пространство потоков не является единственной пространственной логикой наших обществ, считает ученый, но она является пространственной логикой «доминирующих интересов/функций». Господство это насаждается социальными акторами — технократической, финансовой и менеджерской элитой, которая занимает ведущие позиции и имеет специфические пространственные требования, касающиеся материальной/пространственной базы своих интересов и действий. Модель пространства потоков включает три слоя материальной поддержки процессов и функций в «информационном» обществе. Первый слой состоит из цепи электронных импульсов, второй — из узлов и коммуникационных центров управления пространством потоков, третий

включает пространственную организацию доминирующих менеджерских элит. Новые информационные технологии интегрируют мир в глобальных сетях и организуют социальные действия.

Текстура представляет совокупность внешних признаков строения, пространственное взаимоотношение составных частей, характер расположения тел и их внутренних свойств (твердость, аморфность, тангенциальность), определяющих их устойчивость к внешним воздействиям. Пространство, считает А. Лефевр, несет в себе информацию, сообщение, оно если и не текст, то «текстура», содержащая функцию сообщения, отмеченная «печатью продуктивных знаний и идеологий»; «в текстурах время и пространство не разделены. Пространство предполагает время, и наоборот»¹⁴. Оно содержит некий смысл, символические коды, связанные с восприятием, постижением и переживанием пространства, ландшафта. У М. М. Бахтина хронотоп выражает «место слияния пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом»¹⁵, у П. Н. Савицкого — «месторазвитие»¹⁶, у Л. Н. Гумилева — «кормящий ландшафт»¹⁷, у К. Левина — «военный ландшафт», связанный с профессиональным восприятием «жизненной траектории»¹⁸, у М. К. Мамардашвили — «психологическую топологию пути»¹⁹, у В. А. Подороги — метафизику ландшафта²⁰, у В. Л. Каганского — культурный ландшафт²¹.

В контексте текстуры жизненного пространства социума дается анализ метрик и топологии в политической хроногеометрии. Правило зависимости метрик от пространства В. В. Ильин, А. С. Панарин связывают с концентрацией политического вещества, его средней плотностью. Топологию политического пространства и времени они рассматривают в контексте свойств «однородности, изотропности, соразмерности, порядка, связности, компактности, устойчивости». Кривизна политического пространства определяется ими «метрическим полем — энергетикой, проявлением сил, влияющих на функции положения наличных хронополитических единиц, субстанций, движения точечных политических масс (субъектов политической жизни)»²².

Масштаб в социологии пространства чрезвычайно важен. Социальным свойством жизненного пространства является его императивность, заключенная в магнетической силе, из-

лучаемой «полями» и центрами пересечения человеческих отношений: социальных, экономических, политических, этнических, конфессиональных, нравственных. Разнообразные явления, события, связи социального характера оцениваются и измеряются для общественного субъекта как выражение нарастания их плотности, сгущенности, «взаимопересечения, усложнения и богатства»²³. Различные по содержанию структуры жизненного пространства территориально не совпадают между собой. Их конфигурация при сопряженных сочетаниях пространств образует устойчивые, целостные образования различного таксономического ранга: локального, регионального, национального, континентального и глобального масштабов.

Физическое пространство в таких образованиях действует как естественный эффект сочетания центростремительных и центробежных сил, влияющих на развитие политических, экономических и культурных связей. Каждое из таких образований представляет собой систему открытого типа, и оно жизнеспособно настолько, насколько способно обеспечить действие социальных институтов адекватно логике сопряженных пространств, крупного или мелкого масштаба. Тип производства и потребления выражает характер взаимодействия людей, находящихся в определенном пространстве и времени. Выражаясь на языке экологии, люди занимают особые места, приемлемые для них «ниши» доступного присутствия (Э. Гидденс)²⁴. Безусловным фактом их взаимодействия становятся локалы, в том числе регионы, создаваемые в общественном пространстве. Основанием конструирования региона служит закон территориальной общности, действие которого обусловлено приоритетом территориальных связей перед отраслевыми. Специализация производственных и сервисных организаций отражает совокупность внутренних (эндогенных) и внешних (экзогенных) операций в кругообороте, охватывающем все фазы (производство, распределение, обмен, потребление), описываемые спиралью в жизнедеятельности территориальных структур²⁵.

Все коммуникационные взаимодействия реализуются в *коммуникационном пространстве*. Все информационные процессы обозначаются термином «социальные коммуникации». Любой коммуникационный акт осуществляется в рамках пространственно-временных координат. Каждое общество

образует свое коммуникационное пространство, в котором осуществляется информационный обмен посредством коммуникаций между агентами, как отдельными людьми, так и социальными группами, а также социальными институтами.

Функциональная трактовка пространства наиболее популярна в современной социологической теории. П. Бурдьё определяет социальное пространство как абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое, интеллектуальное и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению капитала²⁶. Выражаемое через понятие функциональной структуры (отношения), социальное пространство рассматривается как наиндивидуальная сила или реальность, в контексте которой индивиды выполняют ту или иную социальную роль, занимают «место» или «нишу» в представляемом обществе сочетании других расположенных мест или статусных позиций безотносительно к личностным характеристикам индивида. В рамках топологического подхода социальное пространство предстает в качестве «силового поля», создаваемого взаимодействующими индивидами. Это поле имеет свое системное качество, отсутствующее в самих индивидах (государство, право, обычай, мораль).

Константы жизненного пространства социума широко применяются в прикладной социологии. Константный подход является одним из инновационных элементов стиля мышления. В антропологии этот подход первоначально был воплощен в практике раскрытия «константных характеристик человека (прежде всего в отличие от животных)»²⁷. В классическом обществознании доминировала позиция жесткого социального «монотеоретизма». В условиях постнеклассической науки и с появлением новых междисциплинарных, комплексных, системных, интегративных дисциплин возникли идеи, воспроизводящие константные характеристики человека как существа биологического, социального, психического и духовного.

Социальные константы выражают показатели оптимизации социальных процессов в форме представлений о разумности, целесообразности, справедливости, адекватности, сбалансированности целей, средств, результатов развития при недопустимости катастрофических состояний и неприемлемого уровня потерь. На основе констант осуществля-

ется коррекция общественной деятельности. Социальные константы служат адекватной базой всесторонней концептуализации групповой жизни и связаны с координацией и объективными параметрами налаживания продуктивного опыта. Социальные константы связаны с ответственностью за тип производства, стандарты общественной жизнедеятельности, способы поддержания жизни, гарантии свободы, справедливости, самореализации, качество и уровень жизни, индекс развития человеческого потенциала.

Развитие социальной антропологии связано с применением феноменологического подхода и использованием категорий «жизнь», «жизненный мир», «человеческое существование», «жизненное пространство», «жизненная среда», заимствованных из антропогеографии и экологии. «Бытие человека в мире — это прежде всего способ обитания в мире человеческом, поскольку социальный мир также принципиально изначален, как и жизненный. Человек в нем “дан” со своими константами существования», — отмечает Ф. И. Минюшев²⁸. В ряд функционально значимых констант попадают: открытость миру и миры человека, миры реальные, существующие в жизненном пространстве социума, такие как мир повседневности, религиозный, художественный миры и т. д.

Утверждающийся по собственным целям человек и социум (культура) как гуманитарные единицы приходят к состояниям равновесия, которые не зависят от начальных условий. Для описания этих состояний применяется схема многомерного пространства. Итоговые равновесные состояния играют роль аттракторов, которые в семантическом плане выражают социальные константы, абсолюты и ценности, движущие поведением социальных субъектов и структур. Сохранность мира определяют универсальные постоянные (константы социальности), действующие в форме законов коллективности, производительности, экзистенциальности.

Исследование Ч. И. Ильдархановой выдержано в духе критической рефлексии социологических подходов в оценке потенциала ресурсов воспроизводства жизненного пространства села²⁹. Понятие жизненного пространства рассматривается ей социоцентрически, т. е. в качестве производного от функциональной теории социального пространства П. Бурдьё. В этом ключе дается оценка социального капитала

профессиональной общности села с позиции предпосылок «креативного действия», связываемого с ответственностью, самоконтролем и обращением к традициям (Гемайншафт), а также с необходимостью усиления «контроля общности над территорией»³⁰. Ч. И. Ильдарханова выделяет в качестве важного институционального фактора модернизации жизненного пространства села институт аниматорства и рассматривает в качестве «стратегически значимой концепции» для воспроизводства села парадигму «социальное через экономику». Шаги по реализации модернизации села связываются с внедрением инновационных технологий, созданием «инновационного пространства» в регионе.

Следует отметить, что логика жизненного пространства служит источником традиций и инновационных явлений в культуре. Она живой, динамичный источник социального творчества. Это путь активной адаптации человека и социума в ситуациях динамики факторов времени и пространства. Полям социального творчества становятся разные стороны общественной жизни: культура, политика, экономика, мораль, право, наука. В процессе социального творчества формируются новые идеи, институты, отношения, формы социальной жизни и взаимоотношения человека с природой. Жизненное пространство модернизируется и воспроизводится.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 502.
² Там же. С. 505.
³ См.: Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
⁴ См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
⁵ См.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
⁶ См.: Дарендорф Р. Тропы из утопии: работы по теории и истории социологии / пер. с нем. Б. Скуратова, В. Близнакова. М.: Праксис, 2002. 536 с.
⁷ См.: Социология: энцикл. / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Кн. Дом, 2003. С. 122—123, 1205.
⁸ См.: Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. и примеч. В.В. Ошиса; общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 458 с.

- ⁹ См.: Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus publicum Europaeum* / под ред. Д. Кузницына; пер. с нем. К. Лоцевского и Ю. Коринца. СПб.: Владимир Даль, 2008. 669 с.
¹⁰ См.: Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / сост., общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2014. 576 с.
¹¹ См.: Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 361—373.
¹² Филиппов А.Ф. *Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы*: в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2014. Т. 1. С. 27.
¹³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 386.
¹⁴ Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka press, 2015. С. 127.
¹⁵ См.: Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 121.
¹⁶ См.: Савицкий П.Н. Континент Евразии. М.: Аграф, 1997. 464 с.
¹⁷ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
¹⁸ См.: Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. Е. Сурпина. СПб.: Речь, 2000. 364 с.
¹⁹ См.: Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб.: Изд-во Рус. христ. гуманист. инта: журн. «Нева», 1997. 568 с.
²⁰ См.: Подорога В.А. Выражение и смысл. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX—XX вв.: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1991. 26 с.
²¹ См.: Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Нов. лит. обозр., 2001. 576 с.
²² Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 44—45.
²³ Виноградский В.Г. Социальная организация пространства. Философско-социологический анализ. М.: Наука, 1988. С. 24.
²⁴ См.: Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / пер. И. Тюрина. М.: Акад. проект, 2003. 525 с.
²⁵ См.: Писачкин В.А., Козин В.В. Регион как смысловая конструкция в социологии. Практический смысл региональных исследований // Региология. 2011. № 4. С. 4—12.
²⁶ См.: Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. пер. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2013. 288 с.
²⁷ Ашкерев А.Ю. Социальная антропология. М.: Маркет ДС Корпорейшн, 2005. С. 19.
²⁸ Минюшев Ф.И. Социальная антропология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «Социология» и «Социальная антропология». М.: Мир: Акад. Проект, 2004. С. 151.

²⁹ См.: Ильдарханова Ч.И. Модернизация жизненного пространства села: ресурсный потенциал: моногр. Ижевск: ПРИНТ, 2015. 227 с.

³⁰ Там же. С. 30—31.

Поступила 27.04.2015.

V. A. Pisachkin. Theory of Life Space in Sociology

The interest of Sociology in “space” is due to the evolution and logic of science, and social practice. The appeal of Sociology to the category of space becomes a factor of a specific approach to theorizing. Theory as a system of scientific concepts is aimed at introduction of “ideal objects” allowing viewing and interpreting (designing) models of real objects.

The life space of the society is substantial and functional. Theoretical interpretation of social reality involves interpretation of subjective meaning as a constructing factor of sociality in the contours of spaces: freedom, statuses and positions, law, control, conflict, exchange, symbols, dialogue, etc. The semantic structure of space serves as a factor of social action. Sociology considers the activity diagrams that reproduce social life at the levels of micro-, meso- and macro-space in terms of spaces (social, life, information), spheres (cosmosphere, anthroposphere, sociosphere, technosphere), environments (life, natural, geographical, safe), etc.

The life space of society is asymmetrical and is associated with the effect of structuring, texturing, scaling, and constancy. Structure as the morphology of space and the order of construction acquire new spatial forms in the process of development (network space, flow space, information space, etc.). Texture characterizes features of the internal properties marked with the undivided nature of space and time (chronotope) of being. The scale is associated with the property of the imperative, with the power emitted by the “fields” of human relations. Constancy is associated with the constants, standards of living and limits (thresholds) of acceptable change. On the basis of the constants, correction of social activities is carried out.

Г. Г. ЕВСТИФЕЕВА ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: демография, рождаемость, смертность, естественная убыль населения, средний возраст, продолжительность жизни, статистика браков и разводов, репродуктивные стратегии

Key words: demography, birth rate, mortality, natural decline in population, average age, life expectancy, marriage and divorce statistics, reproductive strategies

В статье дан анализ статистических данных по демографической ситуации во Владимирской области в сравнении с данными по России. Отмечены позитивные (увеличение рождаемости и уменьшение общей смертности) и негативные (естественная убыль населения, увеличение среднего возраста жителей области) тенденции. Рассмотрены результаты социологических исследований, касающихся репродуктивных стратегий населения. Сделан вывод о том, что необходим качественный пересмотр мер по реализации демографической концепции Владимирской области, так как меры, принимаемые руководством региона для исправления ситуации, не приводят к существенным изменениям.

The paper analyzes the statistical data on the demographic situation in the Vladimir Region in comparison with the data on Russia as a whole. Both positive (increase in the birth rate and decrease in the overall mortality) and negative trends (natural decline in population, increase in the average age of residents in the area) are observed. The results of sociological research on reproductive strategies of the population are considered. A conclusion is drawn that a qualitative review of measures to implement the demographic concept of the Vladimir Region is necessary since the measures taken by the region's leaders to remedy the situation do not bring significant changes.

Традиционный интерес социологии к демографическому развитию общества в последние годы возрос в связи с проведением активной демографической политики российским государством¹. Системные управленческие меры в сфере

ЕВСТИФЕЕВА Галина Геннадьевна, доцент кафедры менеджмента Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, кандидат социологических наук.

EVSTIFEEVA Galina Gennadievna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Management, Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir, Russian Federation).

демографии предпринимаются также и на уровне российских регионов², при этом отмечается, что эффективность решений зависит от проведения постоянного мониторинга демографических процессов и результатов программ и мероприятий, реализуемых на федеральном и региональном уровнях³.

Владимирская область относится к числу неблагоприятных по демографической ситуации регионам. По сравнению со средними показателями по России во Владимирской области они имеют более негативную тенденцию. Это связано в первую очередь со снижением общей численности населения, недостаточным (для воспроизводства населения) ростом рождаемости и медленным снижением смертности (по сравнению с российской статистикой).

В 2015 г. во Владимирской области общая численность населения снизилась на 0,5 %. Для сравнения: общая численность населения России на 1 сентября 2015 г. составила около 146,4 млн чел., т. е. увеличилась почти на 0,1 % с прошлого года. В основном уменьшение населения региона происходит из-за того, что число умерших превышает число родившихся (в 2014 г. — в 1,5 раза), а миграция не покрывает естественной убыли населения. Несмотря на то что коэффициент рождаемости в 2015 г. увеличился на 3,6 %, а коэффициент смертности уменьшился на 3,1 %, разница в 1,5 раза между числом умерших и числом родившихся сохраняется.

Сложившаяся ситуация давно стала объектом пристального внимания администрации области. Губернатор области подписал Указ «О Концепции демографической политики во Владимирской области до 2015 года» от 19 февраля 2007 г. № 7. В Концепции разработаны меры по улучшению демографической ситуации в регионе⁴.

Была разработана долгосрочная целевая программа «Улучшение демографической ситуации во Владимирской области на 2009—2012 годы», которая ставила основной целью стабилизацию численности населения области и формирование предпосылок к последующему демографическому росту. Программа состояла из 124 мероприятий, все они выполнены в полном объеме. В ее реализации принимали участие 11 органов и структурных подразделений администрации области⁵. В рамках задачи «Проведение анализа

демографической ситуации в области» ежемесячно осуществлялся мониторинг демографических процессов в регионе. По результатам мониторинга 2012 г., некоторые показатели улучшились: выросла рождаемость, снизилась общая смертность населения, сократился коэффициент естественной убыли по области. Однако не достигнуты пять целевых показателей эффективности и результативности реализации программы, в частности высокими остаются: коэффициент младенческой смертности, коэффициенты детской смертности от 1 года до 4 лет и от 5 до 9 лет, показатель материнской смертности, убыль населения.

Для продолжения работы, направленной на улучшение демографической ситуации в регионе, Постановлением губернатора области 6 сентября 2012 г. № 1000 утверждена долгосрочная целевая программа «Дополнительные меры по улучшению демографической ситуации во Владимирской области на 2013—2015 годы»⁶. Постановлением главы региона от 28 ноября 2013 года № 1346 также утверждена Программа «Дополнительные меры по улучшению демографической ситуации во Владимирской области на 2014—2016 годы»⁷.

Последняя программа предполагает работу по таким направлениям, как:

— «Укрепление института семьи». Эта подпрограмма подразумевает организацию и проведение на территории муниципальных образований области праздников, нацеленных на повышение престижа семьи и семейных отношений в обществе;

— «Социальная поддержка семьи и детства». Эта подпрограмма гарантирует выполнение в полном объеме публичных социальных обязательств в отношении семей с детьми: выплаты пособий, компенсаций, другие меры социальной поддержки семей с детьми, малообеспеченных и многодетных семей;

— «Укрепление здоровья населения». Для пропаганды здорового образа жизни на территории муниципальных образований области планируется проводить мероприятия спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной направленности: спортивные соревнования и турниры, конкурсы и фестивали, профилактические беседы и круглые столы;

— «Развитие потенциала молодежи». Эта подпрограмма ориентирована на решение вопросов реализации государ-

ственной молодежной политики. Предполагается проведение конкурсов, фестивалей, семинаров-совещаний с руководителями и специалистами подразделений по делам молодежи исполнительных органов местного самоуправления.

Несмотря на некоторое улучшение показателей, общая демографическая ситуация в области остается неблагоприятной. Сохраняется тенденция естественной убыли населения (-0,1 на 1 тыс. чел. населения в год). В 2015 г. она составила -5,3 на 1 тыс. чел. населения (в целом по России -0,1 на 1 000). В 2014 г. коэффициент естественной убыли по области сократился с -5,6 до -5,2 на 1 тыс. чел. населения по сравнению с данными 2013 г.⁸

Отрадно то, что пока тенденция увеличения коэффициенты рождаемости и уменьшения коэффициента смертности сохраняется в регионе в течение нескольких последних лет. Есть и другие позитивные сдвиги. Коэффициент детской смертности тоже стабильно сокращается в последние годы. В 2015 г. он снизился на 5,3 %, уменьшилась младенческая смертность (в 2014 г. — на 6,0 %), хотя и в меньшей степени, чем в целом по стране: на 1 тыс. родившихся живыми с 7,4 % в 2014 г. до 6,6 % в 2015 г. в России и с 7,5 % в 2014 г. до 7,1 % в 2015 г. во Владимирской области. Причины смертности младенцев в основном связаны с осложнениями в перинатальный период. В 2014 г. такие случаи составили 59,1 % от общего числа смертей младенцев. Сложность ситуации состоит в том, что большинство подобных исходов связано с отсутствием высококвалифицированной медицинской помощи в районах проживания рожениц. В случае осложнений они вынуждены обращаться в областной центр.

В структуре смертности среди причин по-прежнему лидируют болезни системы кровообращения (-49,3 % от общего числа умерших за январь — декабрь 2014 г.) Однако за анализируемый период произошло снижение смертности по этому виду заболеваний на 16,9 %. Сокращение смертности наблюдалось от некоторых инфекционных и паразитарных болезней (на 17,2 %). Рост смертности отмечен от новообразований (на 3,6 %), болезней органов пищеварения (на 47,9 %), органов дыхания (на 18,9 %) и внешних причин (на 3,1 %). Наибольшее увеличение смертности в 2014 г. зафиксировано от болезней нервной системы (на 54,0 %)⁹.

В России среди основных причин смертности на первом месте стоят болезни системы кровообращения: -49,2 % от общего числа умерших (произошло снижение смертности по этому виду заболеваний на 0,6 %). На втором месте оказались новообразования: -15,3 % (рост смертности на 1,8 %), на третьем месте находится смертность от внешних причин: -8,5 % (снижение на 5,1 %). Растет смертность от болезней органов пищеварения (на 6,6 %) и дыхания (на 2,1 %), от некоторых инфекционных и паразитарных болезней (на 5,6 %)¹⁰.

Таким образом, во Владимирской области и в целом по России наблюдаются тенденции роста смертности от новообразований, болезней органов пищеварения, болезней органов дыхания и снижение смертности от заболеваний системы кровообращения. Отличительной тенденцией Владимирской области является стремительный рост смертности от болезни нервной системы, в 2015 г. он составил 77,7 %.

Увеличивается городское население (в России и во Владимирской области примерно по 0,1 % в год) и уменьшается сельское. Во Владимирской области численность городского и сельского населения составляет 77,8 к 22,2 % соответственно. В целом по России 74,2 % городских и 25,8 % сельских жителей. Средний возраст жителя региона равен 40,7 года в 2014 г. Средний возраст жителя России составляет 39,6 года. В регионе быстрее, чем России, идет старение населения, что создает опасность возникновения ситуации чрезмерной нагрузки на трудоспособное население.

Всероссийская перепись 2010 г. зафиксировала во Владимирской области разрыв между численностью женщин и мужчин, который оказался одним из самых максимальных по России — 55,0 и 45,0 % (почти 794 тыс. женщин и 650 тыс. мужчин). Диспропорция составила почти 144 тыс. На 1 тыс. мужчин, по данным переписи, приходилась 1 221 женщина. Численность женщин России превысила численность мужчин на 10,8 млн чел. (женщин — почти 77 млн, мужчин немногим более 66 млн, т. е. 54,0 и 46,0 % соответственно). В 2002 г. разница была в 10 млн чел. В настоящий момент диспропорция немного снизилась. На конец 2014 г. во Владимирской области проживало около 45,1 % мужчин и 54,9 % женщин, удельный вес мужского населения в регионе несколько вырос, и на 1 тыс. мужчин приходится уже

1 215 женщин (превышение численности женщин над численностью мужчин уменьшилось до 137,2 тыс.), а в 2020 г., по прогнозу Росстата, будет 1 212 женщин. Средний возраст женщин во Владимирской области 44,6 года, в России — 41,7 года. Средний возраст владимирских мужчин 37,9 года, в России — 36,4 года. Ожидаемая продолжительность жизни женщин области, родившихся в 2013 г., — 75,4 года. Это на 12,6 года больше, чем для мужчин (62,8 года). Этот показатель в последнее время имеет положительную динамику и, по прогнозу Росстата, к 2030 г. увеличится до 78 лет¹¹.

В 2015 г. на 1 тыс. чел. населения региона приходилось 8 браков и 5 разводов. В 2014 г. в регионе заключено 11 544 брака. По сравнению с 2013 г. их количество увеличилось на 118, или на 1 %, а количество распавшихся семейных союзов уменьшилось на 150, или на 2,2 %, и составило 6 795. Самым антирекордным за последние семь лет по количеству заключенных браков стал 2013 г. (11 426). За 2002—2010 гг. стало на 0,1 % меньше разведенных женщин и на 2,2 % женщин, никогда не выходивших замуж¹². Большинство владимирских мужчин состоят в браке и воспитывают детей. В то же время почти четверть мужчин региона никогда не состояла в браке.

Для 73 % женщин и мужчин «брачный период» пришелся на возраст 20—34 года¹³. Однако иногда браки заключают и несовершеннолетние. В 2014 г. по особым обстоятельствам (ожидание ребенка) зарегистрировали брак 102 невесты в возрасте моложе 18 лет. Жених, как правило, старше своей избранницы. В основном (около 72 %) это молодые люди в возрасте 18—24 лет, ровесниками ранних невест были лишь 10 юношей¹⁴.

Заключаются браки и в пенсионном возрасте. В 2014 г. брачные союзы оформили 207 мужчин старше 60 лет. Обычно (в 83 % случаев) их спутницами становились дамы 50 лет и старше. Однако есть и пары с ощутимой разницей в возрасте: четыре жениха пенсионного возраста выбрали в жены молодых дам (от 25 до 34 лет). У 20 невест (от 20 до 24 лет) женихи по возрасту годились им в отцы, а в одном случае возрастная разница составила 30—35 лет. В 2014 г. 128 женщин старше 60 лет получили статус супруги, причем мужьями шести стали мужчины в возрасте 35—49 лет, четверо мужчин в возрасте 20—24 лет зарегистрировали брак с дамой старше 40 лет¹⁵.

По данным 2014 г., большинство регистрируют свой первый брак (их около 70 %), доля женившихся второй и более раз мужчин и женщин, вышедших замуж повторно, примерно одинакова: каждые третьи жених и невеста в прошлом имели опыт семейной жизни и были разведены. Значительная часть мужчин и женщин вступает в брак в возрасте 25—29 лет (в этом возрасте женятся более 56 % мужчин от общего числа женихов и 58 % женщин от общего числа невест).

Во Владимирской области наблюдается снижение количества разводов. В 2014 г. расстались 6 795 пар. По сравнению с 2013 г. количество разводов уменьшилось на 150, или на 2,2 %. На 1 тыс. чел. населения региона приходится 5 разводов. Однако ситуация остается неблагоприятной — на 1 тыс. браков приходится 589 разводов, т. е. распадается каждая вторая семья. Часто это приводит к появлению неполных семей с детьми, которые воспитываются без отца. Только в 2014 г. более 4 тыс. владимирских детей перестали жить одной семьей с родными родителями. Четверть разводов выпала на пары, находящиеся в браке 5—9 лет, а 3,6 % союзов пережили такой переломный момент уже в первый год семейной жизни. Есть также разводы после многолетнего брака: в 2014 г. рассталась почти каждая седьмая супружеская пара, прожившая в браке 20 и более лет¹⁶.

С 2008 по 2012 г. число родившихся во Владимирской области год от года увеличивалось. Этот показатель на 1 тыс. чел. населения поднялся с 10,6 до 11,5. В 2013 г. был небольшой спад. В 2014 г. рождаемость опять пошла вверх: родилось 15 817 детей, что на 77 больше, чем в 2013 г. Лидирующую позицию по-прежнему занимает рождение первенцев. В 2013 г. впервые стали мамами 7 433 женщины, или 47,2 % от всех рождений. К сожалению, их стало меньше, чем в 2012 г., на 750, или на 2,5 %. По сравнению с данными 2012 г., увеличилась доля вторых и последующих рождений на 1,3 %¹⁷.

Таким образом, во Владимирской области сохраняется неблагоприятная демографическая ситуация. Показатели рождаемости ниже показателей смертности, что приводит к естественной убыли населения. Для того чтобы исправить эту ситуацию, руководство региона принимает ряд мер. Однако пока к существенным изменениям в демографи-

ческой ситуации Владимирской области это не приводит, поскольку все они часто носят формальный и демонстративный характер.

Росстат провел в 2012 г. выборочное наблюдение репродуктивных планов населения. Выявлено, что программы демографической политики пока воспринимаются населением как меры социальной поддержки, способствующие увеличению доходов семьи, а не как меры стимулирования рождаемости и повышения самой потребности в детях¹⁸. Несмотря на то что респонденты хотели бы иметь в среднем двоих или троих детей, ожидаемое число детей в семьях составляет в среднем один-два ребенка. Предлагаемые государством меры оцениваются невысоко, поэтому в своем решении об увеличении числа детей в семье родители ориентируются не на помощь государства, а на собственные возможности.

В 2012 и 2015 гг. мы провели социологическое исследование владимирских городских семей. В ходе интервью респондентам задавались вопросы, касающиеся рождения и воспитания детей. Большинство женщин считает, что в семье должны быть дети. Однако перспективу рождения в собственной семье более двух детей большинство опрошенных рассматривает как маловероятную. Главные причины нежелания женщин иметь многодетную семью — невысокий уровень дохода семьи, неблагоприятные жилищные условия, трудности с получением мест в дошкольных учреждениях.

На вопрос о том, предпочли бы они стать домохозяйкой или пойти на работу по достижении ребенком возраста, когда он может посещать детский сад (или остаться с другим взрослым) только 8,2 % опрошенных выбрали роль «домохозяйки». В этой группе в основном оказались женщины с низким уровнем образования и (или) низкооплачиваемой работой, а также респонденты, имеющие супруга с достаточно высоким стабильным доходом. Стратегию «работающей мамы», предполагающую совмещение работы и материнства, выбрали 91,8 % опрошенных женщин. Из них 63,3 % женщин назвали главной причиной, по которой они хотели бы работать, экономический фактор¹⁹.

Семьи с детьми часто оказываются самыми уязвимыми с точки зрения материального благополучия, так как воспитание детей требует больших финансовых затрат. Средний уровень заработной платы во Владимирской области

невысок, поэтому не каждая семья может позволить себе иметь второго ребенка, не оказавшись за чертой бедности.

Таким образом, демографическая ситуация во Владимирской области остается довольно сложной. Несмотря на положительные тенденции (увеличение рождаемости и уменьшение общей смертности), в регионе сохраняется негативная тенденция естественной убыли населения. Меры, принимаемые федеральными и региональными органами власти, население оценивает как недостаточные. Для того чтобы изменить создавшееся положение, необходим качественный пересмотр мероприятий, направленных на стимулирование рождаемости. Это не только повышение пособий и выплат, связанных с рождением детей, хотя их существенное увеличение могло бы стать ощутимым для семей и потому важным фактором принятия решения о рождении ребенка. Огромное значение имеет создание в обществе атмосферы, при которой воспитание ребенка имело бы высокую социальную ценность и родительский труд оценивался бы по достоинству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Рыбаковский Л.Л. Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социол. исслед. 2015. № 9. С. 62—70.

² См.: Филоненко В.И., Магранов А.С., Понеделков А.В. Демографическая политика России в оценках населения и экспертов Ростовской области // Там же. С. 74—79.

³ См.: Якушкин А.В. Демографический образ региона // Регионология. 2014. № 4. С. 165—171.

⁴ См.: Указ Губернатора Владимирской области «О Концепции демографической политики во Владимирской области до 2015 года» от 19 февраля 2007 г. № 7. URL: <http://www.cfo-info.com/okrug3e/rajonds/read7fubgsc.htm> (дата обращения: 21.10.2015).

⁵ См.: Улучшение демографической ситуации во Владимирской области на 2009—2012 годы. URL: <http://ksp.avо.ru/programma-po-demografii/inform-mat/97-1> (дата обращения: 21.10.2015).

⁶ См.: Постановление Губернатора Владимирской области «О долгосрочной целевой программе “Дополнительные меры по улучшению демографической ситуации во Владимирской области на 2013—2015 годы”» от 6 сентября 2012 г. № 1000. URL: <http://docs.cntd.ru/document/965018206> (дата обращения: 12.11.2015).

⁷ См.: Постановление Губернатора Владимирской области «Об утверждении государственной программы Владимирской области “Дополнительные

меры по улучшению демографической ситуации во Владимирской области на 2014—2016 годы» от 28 ноября 2013 г. № 1346. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424034691> (дата обращения: 12.11.2015).

⁸ См.: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. URL: http://vladimirstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vladimirstat/ru/statistics/population (дата обращения: 05.11.2015).

⁹ См.: Мониторинг демографической ситуации в январе — декабре 2014 года / Администрация Владимирской области. Комитет по социальной политике. URL: <http://ksp.avо.ru/monitoring/352-1> (дата обращения: 15.10.2015).

¹⁰ См.: Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 27.10.2015).

¹¹ См.: Пресс-релиз Владимирстата «Счастье быть женщиной». URL: http://vladimirstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vladimirstat/ru/news/rss/846dad00478195eba05aa4ed3bc4492f (дата обращения: 27.09.2015).

¹² Там же.

¹³ См.: Семейные ценности. URL: <http://www.raduzhnyi-city.ru/adm/files/R-I/Ar-2015/%D0%A0%D0%98-53.pdf> (дата обращения: 27.09.2015).

¹⁴ См.: Браков во Владимирской области стало чуть больше, разводов — чуть меньше. URL: <http://vladimir.bezformata.ru/listnews/brakov-vo-vladimirskoj-oblasti-stalo/29592023/> (дата обращения: 27.09.2015).

¹⁵ См.: Семейные ценности.

¹⁶ См.: Во Владимирской области распадается каждая вторая семья. URL: <http://www.vlad.aif.ru/society/details/1446996> (дата обращения: 27.09.2015).

¹⁷ См.: Пресс-релиз Владимирстата «Счастье быть женщиной».

¹⁸ См.: Федеральная служба государственной статистики.

¹⁹ См.: Евстифеева Г. Совмещение материнства и карьеры в жизненных стратегиях женщин г. Владимира // Социальная политика в пространстве постсоциализма: идеологии, акторы, культуры: по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «Социальная политика в пространстве постсоциализма: идеологии, акторы культуры». Саратов, СГТУ им. Гагарина Ю.А., 22—23 нояб. 2013 г. Саратов, 2014. С. 108.

Поступила 02.12.2015.

G. G. Evstifeeva. Demographic Situation in a Region

The paper presents a comparative analysis of statistical data on the demographic situation in the Vladimir Region and in Russia as a whole. Special attention is paid to such key indicators as birth rate and mortality, since the ratio between these parameters, being for the last few years in favor of the latter, leads to natural decline in population. The dynamics of these indicators in recent years is revealed including the age and sex structure of the population. A conclusion is drawn that the problem of

predominance of female population over the male one affects the number of marriages and, ultimately, on birth rate.

The data of sociological research on reproductive strategies of the population are presented. The analysis of these data allowed the author to relate the factor of low birth rate to the economic situation of families with children as well as to challenges of combining parental and professional responsibilities.

The paper analyzes the documents of the administration of the Vladimir Region on implementation of the demographic policy. In the region, a complex of measures to improve the demographic situation was developed, but, according to the author, those measures are not sufficient for fundamental change. To solve the demographic problem a qualitatively new approach is required. A conclusion is drawn that implementation of the demographic policy requires measures aimed at increasing the prestige of families with children and financial support for families and at creating favorable conditions for combining the career and child care responsibilities.

С. В. СИТНИКОВА

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: религиозность, ценность религии в молодежной среде, функции религии, религиозные практики

Key words: religiosity, value of religion in the youth environment, functions of religion, religious practices

В статье анализируются особенности религиозности студенческой молодежи в контексте ценностного подхода. По результатам факторного анализа эмпирических данных авторского исследования, проведенного методом полупроформализованного опроса, предложена типологизация оценки значимости религии в жизни современного молодого человека, представлены ее основания и содержательные характеристики. Статистически значимые показатели корреляционного анализа позволили выявить доминирующую тенденцию инструментализации религиозной веры и ее институциональных практик.

The paper analyzes features of religiosity of the student youth in the context of the axiological approach. According to the results of the factor analysis of empirical data of the research conducted by the author using the method of semi-formal survey, typology of assessing the significance of religion in the life of a modern young man is proposed, its grounds and substance are presented. Statistically significant indicators of the correlation analysis revealed a dominant trend of instrumentalization of religious faith and its institutional practices.

Особенности религиозности российского общества достаточно хорошо освещены в отечественной литературе¹. Однако это актуальная научная проблема². Повышение значимости веры и религии в российском обществе в последнее время обосновывает необходимость лонгитюдной социологической диагностики этого явления³.

СИТНИКОВА Светлана Викторовна, доцент кафедры социальной информатики Саратовского государственного университета, кандидат социологических наук.

SITNIKOVA Svetlana Viktorovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Informatics, Saratov State University (Saratov, Russian Federation).

© Ситникова С. В., 2016

Исследовательский центр «Религия в современном обществе» при Российском независимом институте социальных и национальных проблем провел исследования, посвященные изучению религиозности россиян. По данным опросов, в настоящее время верят в Бога 49,6 % россиян, колеблются 18,4 %, верят не в Бога, а в сверхъестественные силы 5,6 %, безразлично относятся к религии и атеизму 7,8 %, не верят 18,3 %. Данные опросов показывают также, что религиозность значительно «помолодела»: люди от 22 до 55 лет составляют большую часть верующих в Бога (61,0 %), отмечено увеличение удельного веса убежденных и последовательных приверженцев религии⁴.

Все чаще в научной литературе обсуждается вопрос о доминировании традиционной или формальной религиозности россиян⁵. Традиционная религиозность понимается как единственно доступная всем форма самосознания и мировоззрения, интегрирующая не только собственно религиозные, но и нравственные, эстетические, природоведческие представления в их неразрывной связи с годовыми и вековыми трудовыми циклами. Формальная религиозность есть проявление глубокого равнодушия к вопросам религии и веры при демонстративном соблюдении обрядовой стороны религиозного бытия. Формальная религиозность — это форма внешней религиозности, не облагороженная ни религиозным чувством, ни стремлением к реализации религиозных переживаний⁶. В связи с этим актуально выявление содержательных характеристик доминирующей формы религиозности российского населения.

Поскольку молодежь, особенно студенчество, является носителем «модных» и прогрессивных взглядов, объектом нашего исследования стала именно эта социальная группа. Полуформализованный опрос проведен весной 2012 г. студентами направления подготовки «Прикладная информатика в социологии». Объем кластерной выборки составил 150 чел. Кластерами являлись II и III курсы четырех специальностей социологического факультета Саратовского государственного университета. Целью мониторинга было выявление аксиологических оснований религиозности, а также определение ее доминирующей формы в социальных представлениях и повседневных практиках студенческой молодежи.

По результатам исследования, чуть более половины опрошенных студентов считают себя верующими (51,2 % ответили «да» или «скорее да»). При этом выявлена гендерная специфика в идентификации себя как верующего. Среди девушек верующих оказалось на 16,8 % больше, чем среди юношей (57,4 к 40,6 %).

Почти половина всех опрошенных видит основную функцию религии в утешении, облегчении душевной боли и переживаний; около трети определяют социальную значимую роль религии в трансляции морально-нравственных норм повседневной жизни. Концептуализация смерти как результат религиозного мировосприятия имеет смысл во мнениях пятой части студентов. Около трети респондентов отрицают какую-либо роль религии в жизни человека (табл. 1).

Таблица 1

**Ответы респондентов на вопрос
«Что, на Ваш взгляд, люди обретают в религии?», %**

Вариант ответа	Значение
Спасение души, путь к вечной жизни	1,2
Моральные и нравственные нормы повседневной жизни	28,2
Очищение души	8,2
Забвение, утешение, облегчение душевных переживаний и боли	45,9
Примирение со смертью	21,2
Смысл жизни	5,9
Ничего существенного в религии человек не обретает, но и особо ничего не теряет	31,7
Религиозные люди теряют самостоятельность в жизни	1,2
Итого	143,5*

* Итоговый процент превышает 100, так как один респондент мог выбрать более одного варианта ответа.

Факторный анализ ряда высказываний о значимости религии в личной жизни позволил типологизировать характер отношения к религии в молодежной среде (табл. 2). В первом факторе тесно коррелируют высказывания «Религия помогает мне быть терпимым к людям, к их недостаткам», «Религия помогает мне заботиться о бедных, инвалидах», «Соблюдение религиозных обрядов помогает мне избежать несчастий, способствует успеху в делах». Содержание этих позиций отражает отношение к религии как к инструменту взаимодействия с обществом. Условно данный тип оценки значимости религии в повседневной жизни молодежью мы назвали экстравертным.

Во втором факторе тесно коррелируют высказывания, отражающие ценность и значимость религии как внутренней духовной потребности личности: «Религия просто необходима мне как верующему», «Религия заставляет меня задумываться о смысле жизни, о душе, вечности», «Чтение религиозной литературы доставляет мне радость и наслаждение». Эту группу объединяет интровертный характер оценки значимости религии.

Таблица 2

Матрица повернутых компонент*

Высказывание	Компонента	
	1	2
Религия просто необходима мне как верующему	,258	,885
Религия заставляет меня задумываться о смысле жизни, о душе, вечности	,336	,839
Религия помогает мне быть терпимым к людям, к их недостаткам	,881	,190
Религия помогает мне заботиться о бедных, инвалидах	,888	,091
Чтение религиозной литературы доставляет мне радость и наслаждение	,043	,733
Соблюдение религиозных обрядов помогает мне избежать несчастий, способствует успеху в делах	,786	,346

* Метод выделения: анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией кайзера. Вращение сошло за 3 итерации. Объясненная дисперсия — более 75,0 %.

Нам удалось определить, что доминирующим типом оценки значимости религии в жизни современного молодого человека является экстравертный. Так, в группу с данным типом оценки значимости религии попали более 50,0 % студентов, считающих себя верующими. Высокую степень согласия с высказываниями первой факторной группы демонстрируют от 45,0 до 60,0 % идентифицирующих себя как верующих.

В табл. 3 представлена степень разброса согласия с высказыванием «Религия помогает мне быть терпимым к людям, к их недостаткам» в зависимости от степени определения себя как верующего. Те, кто считает себя верующим, в большинстве случаев (59,1 %) выразили высокую (5 и 4 балла) степень согласия с высказыванием, тогда как около 90,0 % неверующих с ним не согласились.

Высокую степень согласия с высказываниями второй факторной группы проявила треть верующих студентов (табл. 4).

Таблица 3

Доминирование экстравертного типа оценки значимости религии в жизни верующего молодого человека, % по идентификационной группе*

Идентификация себя как верующего	Балловая степень согласия с высказыванием «Религия помогает мне быть терпимым к людям, к их недостаткам» (5 — абсолютно согласен, 1 — абсолютно не согласен)				
	5	4	3	2	1
Да	27,3	31,8	18,2	9,1	13,6
Скорее да	13,6	31,8	18,2	0,0	36,4
Скорее нет	6,3	0,0	6,3	18,8	68,8
Нет	0,0	3,8	3,8	3,8	88,5

* Значение коэффициента тау—с Кендалла 0,5 при нулевой ошибке прогнозирования.

Таблица 4

Интровертный тип оценки значимости религии в жизни верующего молодого человека, % по идентификационной группе*

Идентификация себя как верующего	Балловая степень согласия с высказыванием «Религия заставляет меня задумываться о смысле жизни, о душе, вечности» (5 — абсолютно согласен, 1 — абсолютно не согласен)				
	5	4	3	2	1
Да	18,2	9,1	22,7	9,1	40,9
Скорее да	4,5	13,6	13,6	27,3	40,9
Скорее нет	0,0	0,0	6,3	25,0	68,8
Нет	0,0	0,0	3,8	0,0	96,2

* Значение коэффициента тау—с Кендалла 0,4 при нулевой ошибке прогнозирования.

Высокую степень согласия с высказыванием «Религия заставляет меня задумываться о смысле жизни, о душе, вечности» можно выявить лишь по группе верующих: 27,3 % из них оценили степень согласия в 4 и 5 баллов.

Статистическим доказательством проявления указанных типов оценки значимости религии стали корреляционные модели:

— восприятие религии как способа философского мышления о душе и вечности определяет понимание ее смысла в очищении души. Студенты, выражающие максимальную степень согласия с высказыванием «Религия заставляет меня задумываться о смысле жизни, о душе, вечности», чаще других выбирали очищение души как наиболее важное обретение религиозного человека (статистическое доказа-

тельство зависимости получено при расчете коэффициента корреляции V Крамера 0,4 при значимости 0,004);

— восприятие религии как способа взаимодействия с обществом определяет понимание ее значимости в облегчении душевных переживаний человека и трансляции моральных норм повседневной жизни. Студенты, выражающие максимальную степень согласия с высказыванием «Религия помогает мне быть терпимым к людям, к их недостаткам», чаще других выбирали облегчение душевных страданий и нравственные нормы социальной жизни как наиболее важное обретение религиозного человека (статистическое доказательство зависимости получено при расчете коэффициента корреляции V Крамера 0,35 при значимости 0,02).

Таким образом, доминирование экстравертного типа оценки значимости религии свидетельствует о ее социально-инструментальной функциональности для современной молодежи. Ценность религии как способа философского мышления, определяемого внутренними духовными потребностями личности, в сознании молодых людей проявлена в значительно меньшей степени.

На идентификацию молодого человека себя как верующего существенное влияние оказывает семья. В семьях 59,3 % опрошенных студентов есть верующие (табл. 5). Однако 20,9 % респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Вероятно, речь идет о той части семей, в которых религиозные темы не являются предметом обсуждений, либо велики границы коммуникативных дистанций.

Таблица 5

Наличие в семье респондента верующих, %

Ответ	Значение
Да	59,3
Нет	19,8
Затрудняюсь ответить	20,9
Итого	100,0

Доказательство гипотезы о влиянии семьи на идентификацию себя как верующего получено с помощью расчета коэффициента сопряженности. Вероятность ошибки прогнозирования стремится к нулю при значении 0,45. Так, 66,7 % студентов, в семьях которых есть верующие, также относят себя к группе верующих. Из числа семей, в которых верующих нет, более 80,0 % не называют себя верующими (табл. 6).

Таблица 6

Влияние верующей семьи на религиозную идентификацию студента, % по наличию в семье верующих

Идентификация себя как верующего	Наличие в семье респондента верующих	
	да	нет
Да	37,3	17,6
Скорее да	29,4	0,0
Скорее нет	17,6	17,6
Нет	15,7	64,8
Итого	100,0	100,0

Четверть опрошенных студентов совершала религиозные обряды. При этом из числа верующих так ответили 50,0 %, из числа не верующих — 25,0 %. Несмотря на корреляционную логичность данной статистики, можно сделать вывод о том, что даже среди неверующих россиян распространены религиозные обрядовые практики. В числе названных совершаемых религиозных обрядов — крещение и причастие.

Наибольшую распространенность в религиозных практиках молодежи имеют религиозные праздники. Более 60,0 % опрошенных (80,0 % из числа верующих и 55,0 % из числа неверующих) регулярно их отмечают. Самыми упоминаемыми религиозными праздниками являются Рождество, Пасха, Троица, Крещение, Курбан-байрам. Четверть всех опрошенных студентов посещает храмы. Значительно реже совершают молитвы, приобретают и читают религиозную литературу (табл. 7).

Таблица 7

Распространенность религиозных практик в молодежной среде, % по количеству упоминаний

Религиозные практики	Значение
Отмечаю религиозные праздники	66,3
Совершал религиозные обряды	25,6
Посещаю храмы	25,6
Молюсь	14,0
Знаком (читал) со Священным Писанием	12,8
Приобретаю религиозную литературу	3,5
Читаю религиозную литературу	1,2

Проведенный анализ свидетельствует о низком уровне распространенности религиозных практик в молодежной среде, что подтверждает инструментальный характер ценности религии в социальных представлениях и повседневных практиках молодых россиян. Кроме того, проблема рассуждений о характере и типах религиозности россиян актуальна и требует глубокой диагностики. Ценность религии в

представлениях и повседневной жизни молодежи позволяет прогнозировать тенденцию все большей инструментализации как самой религиозной веры, так и ее институциональных практик. Это ведет к доминированию формальной религиозности в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лопаткин Р.А. Социологическое изучение религиозной ситуации // Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / отв. ред. Ф.Г. Овсиенко, М.И. Одинцов, Н.А. Трофимчук. М.: Изд-во РАГС, 1996. 312 с.

² См.: Налетова И.Н. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности // Социол. исслед. 2004. № 5. С. 130—137.

³ См.: Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Там же. 2005. № 6. С. 35—45.

⁴ См.: Социологические данные о религиозности россиян. URL: http://studopedia.ru/1_104888_sotsiologicheskie-dannie-o-religioznosti-rossiyan.html (дата обращения: 18.10.2015).

⁵ См.: Баранников В.П., Матронина Л.Ф. Динамика религиозности в информационном обществе. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/427168> (дата обращения: 18.10.2015).

⁶ Там же.

Поступила 12.11.2015.

S. V. Sitnikova. Axiological Foundations of Religiosity of the Student Youth

The topic's urgency is due to the increase in the importance of faith and religion in Russia's society, as well as to the need for scientific validity in determining the dominant form of religiosity of Russians.

Methodologically, the implementation of the tasks was achieved by using the axiological approach. Religion was considered in terms of its significance and function in the life of a modern young man. The empirical base of the research are the results of a semi-formal survey carried out among the student youth ($n = 150$). Application of mathematical correlation and factor models allowed to identify a number of typical characteristics and peculiarities of religiosity of young people. The attitude of young people towards religion can be divided into two types — the extrovert and the introvert ones.

The former, prevailing in the minds of most young believers, reflects the attitude to religion, as a to tool of interaction with the society. The introverted type, as a method of philosophical perception of the meaning of life, is determined by the inner spiritual needs of an individual. Two factors, those of the family and gender, apparently influence people's identification as believers. Girls tend to call themselves believers more often as well as students from religious families. Religious practice has a low level of prevalence among students.

Н. Ю. ЕГОРОВА, И. Л. СИЗОВА
**НАСИЛИЕ НАД ДЕТЬМИ:
 ОТ ПРОБЛЕМ СЕМЬИ
 К ПРОБЛЕМАМ ШКОЛЫ**

Ключевые слова: насилие над детьми, родительско-детские отношения, школьное насилие

Key words: child abuse, parent-child relationships, school violence

В статье рассматриваются насилие в семье и школьное насилие. На основе анкетного опроса школьников, проведенного в 2013 г. в Нижнем Новгороде, анализируются основные параметры родительско-детских отношений и их влияние на вовлеченность ребенка в ситуации агрессивных действий в школе. Подчеркивается, что качество семейных отношений, благополучие/неблагополучие во взаимодействии «родитель — ребенок» определяют положение ребенка во внесемейном, в частности в школьном пространстве.

The paper examines domestic violence and school violence. On the basis of a questionnaire survey of schoolchildren conducted in Nizhny Novgorod in 2013, the main parameters of the parent-child relations and their influence on the involvement of the child in the situations of aggressive actions in school are analyzed. It is emphasized that the quality of family relationships and well-/ill-being in parent-child interaction determine the position of the child in the extrafamilial space, particularly in school.

Насилие над детьми — относительно новая проблема. В рамках традиционной/патриархальной системы семей-

ЕГОРОВА Надежда Юрьевна, доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского национального исследовательского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат социологических наук.

СИЗОВА Ирина Леонидовна, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор социологических наук, профессор (г. Нижний Новгород).

EGOROVA Nadezhda Yurievna, Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

SIZOVA Irina Leonidovna, Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

© Егорова Н. Ю., Сизова И. Л., 2016

ных отношений наказание ребенка вплоть до физического воздействия было нормой. В XX в. активно пересматривались нормы межличностного взаимодействия в семье, в том числе и в отношениях «родитель — ребенок». На законодательном уровне это выразилось сначала в принятии ряда международных документов (Декларации прав ребенка (1959), Конвенции о правах ребенка (1989)), а затем в закреплении на уровне Российской Федерации, например в Семейном кодексе Российской Федерации, ответственности родителя за использование в воспитательном процессе различных вариантов насильственного воздействия¹. Несмотря на это, родительско-детские отношения в России далеки от идеальных. Современные родители не всегда способны отказаться от неправильных/деструктивных/авторитарных способов общения с ребенком, о чем свидетельствуют социологические исследования, подчеркивающие разнообразие родительских практик².

Одновременно идет процесс увеличения агрессии в поведении подростков, на что часто обращается внимание в СМИ. Ареной таких действий нередко становится школьное пространство — достаточно новая сфера анализа насилия для отечественной социологии. Согласно положениям педагогических, психологических (например теории модификации поведения А. Бандуры³, бихевиористской теории Б. Ф. Скиннера⁴), а также социологических теорий⁵, семейный опыт формирует у ребенка установки на восприятие и реализацию практик насильственного поведения, специфические поведенческие стереотипы и жизненный потенциал. Соответственно, можно предположить, что нарушение родительско-детских отношений вплоть до применения, например, физического воздействия не только создает атмосферу напряженности и недоверия в семье, но и мешает ребенку конструктивно выстраивать отношения во внесемейном пространстве, в частности в школе.

На базе эмпирического исследования проанализируем качество родительско-детских отношений в семьях нижегородских школьников и его влияние/связь с проявлением агрессии в школе. Эмпирической базой исследования был анкетный опрос школьников, проведенный в 2013 г. в Нижнем Новгороде в рамках реализации проекта «Школа: обыденность насилия (анализ социокультурных корней насилия

в современной российской школе)»⁶. Опрошены учащиеся 5—11-х классов нижегородских школ трех типов: общеобразовательных, общеобразовательных с углубленным изучением отдельных предметов, гимназий (лицеев). Выборка формировалась в соответствии с принципом районирования, методом «гнезд». Всего опрошено 1 465 учащихся: 47 % мальчиков и 53 % девочек. Большинство (68 %) детей воспитывалось двумя родителями, 32 % — одним или бабушками/дедушками (другими родственниками).

В качестве инструментария опроса использовалась адаптированная анкета немецких исследователей, имеющая положительный опыт апробации в Германии во время проведения панельных исследований в школах (1994 г., 1999 г., 2004 г.)⁷. Основой анкеты стали две зависимые переменные, представленные в виде идентичных шкал (каждая содержит 19 суждений, которые при обработке были объединены в 7 и 6 групп соответственно), презентующих насилие из перспективы агрессоров и их жертв. Остальные вопросы составили комплекс независимых переменных. В рамках статьи анализируются только переменные, отражающие характеристики родительско-детских отношений, и оценивается их связь с проявлениями агрессии учениками и их участием в эпизодах школьного насилия в качестве агрессоров или жертв. Данные обрабатывались с помощью пакета IBM SPSS Statistics с использованием корреляционного, факторного анализов.

Не останавливаясь подробно на анализе самой проблемы школьного насилия, ограничимся только формулировкой основного вывода, который позволяет сделать исследование. Насилие в школе есть, формы его разнообразны: от «безобидных» вербальных («оскорблял одноклассника») до опасных и жестоких вариантов («избили одноклассника так, что ему необходимо было обратиться к врачу»). Существует также психическое давление, вандализм, действия против учителей, что заставляет говорить о наличии еще одной серьезной проблемы в образовательной сфере⁸. Более того, из-за закрытости школьной среды и слабой сконструированности проблемы⁹ ученики могли занижать степень своей вовлеченности в ситуацию насилия, что означает наличие более высокого уровня насилия, чем показали результаты исследования.

Школа не единственный источник рождения и распространения агрессии. Безусловно, школьное насилие — многофакторное явление, но формирование отношения к действиям такого характера и самих моделей поведения во многом связано с ситуацией значимого ближайшего окружения, которым чаще всего является семья. Поэтому одна из гипотез исследования связана с важной ролью благополучия/неблагополучия семейной среды в провокации насилия во внесемейном пространстве, в данном случае в школе.

Судя по результатам опроса, школьники положительно оценивают свои отношения с родителями. Лишь 3 % учеников описывают их как плохие, 12 % считают, что сложившийся характер взаимодействия можно считать удовлетворительным. Большинство (85 %) считает сложившиеся родительско-детские отношения хорошими и очень хорошими. Благополучная картинка начинает разрушаться при анализе дальнейших ответов. Каждый второй ребенок отмечает, что родители не имеют последовательной четкой позиции в общении с ними, воспитывая «по-разному, когда как», каждый третий утверждает, что к нему относятся «мягко и любовно», а каждый пятый называет стиль воспитания родителей жестким, правда, чаще справедливым (16 %), чем нет (4 %). Надо отметить, что речь идет лишь о субъективном восприятии школьником своего положения в семье, как следствие, за одинаковыми оценками детей могут стоять различные действия родителей. Отсутствие четкой связи между переменными подтверждается результатами корреляционного анализа, что опять же подчеркивает неоднозначность субъективных ощущений, т. е. отношение детей к родителям не зависит от того, как их воспитывают. Однако это значимый показатель комфортности семейной среды для ребенка, наличие или отсутствия понимания им поступков взрослых.

Реальный характер взаимоотношений в семье раскрывается через описание конкретных действий. На восприятие отношения детей к родителям существенно влияют такие действия и качества взрослых, как помощь в решении проблем (,261**) ¹⁰, интерес родителей к успехам детей в школе (,248**), проверка выполнения домашнего задания (,206**), их стремление к тому, чтобы дети получили хорошее образование (,186**), вопросы о происходящем в школе (,176**),

посещение родительских собраний (,116**). Положительная корреляция во всех перечисленных случаях означает, что отношения детей и родителей имеют тенденцию к улучшению, если родители проявляют внимание и интерес к жизни ребенка. Возможно, школьным педагогам и руководству школы будет интересно, что те родители, которые склонны не пропускать родительские собрания, больше интересуются успехами ребенка в школе (,170**), чаще задают вопросы о происходящем в школьной жизни ребенка (,165**), а также лучше следят за выполнением домашнего задания (,156**). Таким образом, присутствие родителя в школе — один из показателей благополучия ребенка в семье, готовности взрослого идти на контакт с учителями/школой для поддержания комфортной среды ребенка.

Если говорить о полученных данных, то 77 % нижегородских родителей более или менее регулярно посещают школьные собрания, около 80 % интересуются школьной жизнью ребенка, его успехами и проблемами, немногим более 60 % следят за выполнением домашних заданий. Большинство родителей нижегородских школьников заинтересованы в получении ребенком хорошего образования, однако не всегда стремятся (или имеют возможность) помочь своим детям в этом (табл. 1).

Таблица 1

Участие родителей в школьной жизни ребенка, %

Мои родители поддерживают меня в стремлении получить хорошее образование	95
Мои родители очень интересуются моими успехами в школе	84
Если у меня в школе проблемы, они мне помогают	82
Мои родители часто спрашивают, что происходит в школе	79
Мои родители почти всегда посещают родительские собрания	77
Мои родители следят за выполнением домашнего задания	64

Как и предполагалось, первые выделенные параметры благополучия ребенка в семье связаны с проявлением агрессии в школе (табл. 2). Только восприятие стилей воспитания ребенком никак не влияет на школьное поведение (возможно, причина в той же субъективной оценке). Участие родителей в жизни детей определяется как важный фактор насилия в школе. Все выявленные корреляции отрицательные. Отсутствие интереса родителей к школьной жизни детей, помощи в решении школьных проблем может

сказаться на уровне любой из указанных форм насильственных действий. Посещение родителями собраний сильно коррелирует с вандализмом: частое посещение родителями школы связано с меньшей склонностью детей к вандализму, вербальному насилию, действиям против учителей, применению физической силы в отношении других учеников. Если родители интересуются успехами детей в школе, то это связано с вероятностью неучастия в вербальном насилии, актах вандализма, вымогательства, воровства и действиях, направленных против учителей. Характер родительско-детских отношений также коррелирует со всеми без исключения формами насилия, причем в отношении физического, вербального насилия, вандализма и действий против учителей связи оказываются максимально сильными. В целом это означает, что проявление интереса родителей к школьной жизни ребенка, высокая оценка отношений ребенка с близкими взрослыми отрицательно связаны со склонностью школьника к различного рода насильственным действиям.

Таблица 2

Взаимосвязь родительского участия в жизни школьника с группами проявляемого насилия в школе

Мнение	Физическое насилие	Ожесточенное физическое насилие	Вербальное насилие	Психическое насилие	Вандализм	Действия против вещей и личности	Действия против учителя
Каковы твои отношения с родителями?	-,146**	-,095**	-,206**	-,117**	-,175**	-,098**	-,185**
Как воспитывают тебя твои родители?							
Мои родители следят за выполнением домашнего задания			-,123**		-,123**	-,106**	-,094**
Мои родители поддерживают меня в стремлении получить хорошее образование	-,094**		-,109**		-,069**	-,065*	-,057*
Мои родители очень интересуются моими успехами в школе			-,144**		-,109**	-,068*	-,120**
Если у меня в школе проблемы, то они мне помогают	-,142**	-,098**	-,151**	-,106**	-,124**	-,136**	-,127**

Продолжение табл. 2 на стр. 126

Мнение	Физическое насилие	Ожесточенное физическое насилие	Вербальное насилие	Психическое насилие	Вандализм	Действия против вещей и личности	Действия против учителя
Мои родители почти всегда посещают родительские собрания	-,092**		-,105**		-,126**		-,092**
Мои родители часто спрашивают, что происходит в школе	-,111**	-,064*	-,118**	-,084**	-,134**	-,094**	-,132**

* Корреляция значима на уровне $p < 0,05$.

Похожая ситуация складывается при оценке связи выделенных факторов с вероятностью школьника стать жертвой насилия, хотя она менее выражена и не так однозначна (табл. 3). Как и в случае агрессоров, наибольшая корреляция фиксируется при субъективной оценке детьми отношений с родителями. Плохие отношения с родителями приводят к ситуации риска для ребенка и вероятности оказаться в числе жертв физического, вербального насилия, вымогательства, воровства, порчи личного имущества. Участие родителей в решении проблем ребенка в школе, их заинтересованность в том, что происходит в течение учебного дня, коррелируют и с положением детей в школьной среде. Чаще жертвами психического, вербального и физического насилия становятся дети, родители которых невнимательно относятся к внесемейной жизни ребенка, не интересуются, что его волнует.

В случае жертв насилия важную роль играет восприятие ребенком стиля воспитания. Положительные показатели корреляции в этом случае объяснить непросто, так как указанные стили часто трудно однозначно интерпретировать как положительные или отрицательные.

Взаимовлияние между участием родителей в школьной жизни ребенка и группами жертв насилия

Мнение	Жертвы физического насилия	Жертвы жестокого физического насилия	Жертвы-provokatory физического насилия	Жертвы вербального насилия	Жертвы психического насилия	Жертвы вымогательства, воровства и порчи личного имущества
Каковы твои отношения с родителями?	-,104**	-,085**	-,112**	-,198**	-,097**	-,158**
Как воспитывают тебя твои родители?	,107**	,067*	,058*		,082**	
Мои родители следят за выполнением домашнего задания	,069*					
Мои родители поддерживают меня в стремлении получить хорошее образование		-,087**	-,087**	-,074**	-,077**	-,084**
Мои родители очень интересуются моими успехами в школе				-,072**		
Если у меня в школе проблемы, то они мне помогают	-,137**	-,127**	-,095**	-,130**	-,150**	-,098**
Мои родители почти всегда посещают родительские собрания		-,063*		-,082**	-,061*	-,088**
Мои родители часто спрашивают, что происходит в школе	-,054*	-,066*	-,053*	-,085**	-,063*	-,056*

* Корреляция значима на уровне $p < 0,05$.

Конкретизация стилей воспитания становится возможной через вопросы о содержательных характеристиках, способах взаимодействия родителя и ребенка. Эти же переменные позволяют выявить действия насильственного характера в общении с ребенком, в том числе физического. Это дает возможность говорить об отсутствии или наличии опыта насилия в семье (табл. 4).

Таблица 4

Содержательные параметры воспитания детей в семье, %

Показатель	Не согласен	Частично согласен	Согласен
Если у меня с родителями проблемы, то мы их обсуждаем	20	30	51
Если я совершил проступок, то дома меня физически наказывали	75	17	8
Мои родители меня очень любят	5	9	86
Если я в школе получал плохие оценки, то меня за это дома физически наказывали	79	13	8
Мои родители часто скандалят	72	18	10
Меня дома воспринимают как равного	24	32	44
Если я дома не слушаюсь, то получаю пощечину	89	7	4
Мои родители понимают правильно мои проблемы	17	27	56
Меня дома били ремнем	75	13	12

Исследование еще раз подтвердило вариативность и разнообразие используемых родительских практик. С одной стороны, большинство детей (86 %) уверены, что родители их очень любят, с другой — родительская привязанность может выражаться по-разному. Примерно в половине случаев ребенка воспринимают как равного (44 %), дают возможность выразить свое мнение (48 %) и правильно понимают его проблемы (56 %). В то же время четверть детей имеет явно неблагоприятную обстановку дома и не застрахована от насильственных способов воздействия со стороны родителей. Детей наказывают физически за плохое поведение как регулярно (8 %), так и время от времени (17 %). Каждый пятый ученик рискует быть физически наказанным за плохие оценки в школе (21 %), каждый четвертый имеет опыт наказания ремнем. Еще у 29 % детей скандалят родители, у каждого десятого ребенка такие скандалы случаются регулярно.

В табл. 5 даны результаты факторного анализа суждений, описывающих родительско-детские отношения (опыт жизни в семье), которые могут оказать влияние на распространение насилия в школе.

Таблица 5

Факторы родительско-детских отношений (способы взаимодействия родителя и ребенка)*

Суждение	Факторы	
	1	2
Если я совершил проступок, то дома меня физически наказывали	,814	
Если я в школе получал плохие оценки, то меня за это дома физически наказывали	,789	
Если я дома не слушаюсь, то получаю пощечину	,766	
Меня дома били ремнем	,710	
Мои родители часто скандалят	,531	
Если у меня с родителями проблемы, то мы их обсуждаем		,758
Мои родители понимают правильно мои проблемы		,741
Мои родители меня очень любят		,598
Меня дома воспринимают как равного		,571
Мне не все нравится! Если что-то случается, я своим родителям четко и ясно высказываю свое мнение		,555

* В представленных данных мера выборочной адекватности КМО составляет 0,793. Объяснение общей дисперсии составляет 50 % по двум основным факторам.

Первый фактор описывает «жесткую» модель семейной социализации с опытом физического насилия. Неблагополучие ситуации дополняется и конфликтными отношениями родителей, наблюдателем которых становится ребенок. Второй фактор можно обозначить как конструктивный опыт жизни в семье, при котором дети ясно осознают любовь родителей, могут свободно высказывать свое мнение, обсуждать с родителями свои проблемы.

Корреляционный анализ показывает, что опыт воспитания в семье и насилие в школе связаны. Причем наличие жесткого опыта социализации ребенка имеет положительную корреляцию с проявлением всех видов насильственных действий, способствуя выходу насилия за рамки семейного и распространению в школьном пространстве во взаимодействии как с другими детьми, так и со взрослыми. Наоборот, конструктивный опыт мало связан с насилием, и эта связь носит противоположный характер. Принятие ребенка в семье, понимание его проблем и интерес к ним отрицательно связаны со склонностью школьника к проявлению агрессии во внесемейной среде (табл. 6).

Таблица 6

Влияние опыта социализации в семье на уровень насилия в школе

Показатель	Физическое насилие	Ожесточенное физическое насилие	Вербальное насилие	Психическое насилие	Вандализм	Действия против вещей и личности	Действия против учителя
Жесткий опыт социализации	,295**	,297**	,241**	,187**	,233**	,291**	,188**
Конструктивный опыт жизни в семье	-,038	-,061*	-,057*	-,046	-,060*	-,037	-,092**

* Корреляция значима на уровне $p < 0,05$.

Следует подчеркнуть, что стиль общения ребенка и родителя не только связан с вероятностью проявления агрессии, но и в целом определяет положение ребенка в школьном пространстве, вовлекая его или нет в круг насилия не всегда в качестве агрессора, но и жертвы (табл. 7). Жесткий опыт социализации в семье связан с возможностью школьника стать жертвой насилия, причем всех без исключения форм, в том числе и самых жестоких. Конструктивный опыт общения с родителями — это своего рода страховка для ребенка оказаться втянутым в неприятные, а часто и опасные ситуации разборок сверстников.

Таблица 7

Влияние опыта социализации в семье на положение ребенка в школе

Показатель	Жертвы физического насилия	Жертвы жестокого физического насилия	Жертвы провокаторы физического насилия	Жертвы вербального насилия	Жертвы психического насилия	Жертвы вымогательства, вооружения и порчи личного имущества
Жесткий опыт социализации	,332**	,345**	,262**	,266**	,331**	,278**
Конструктивный опыт жизни в семье	-,041	-,031	-,081**	-,058*	-,021	-,031

* Корреляция значима на уровне $p < 0,05$.

Исследование еще раз подтвердило, насколько велико значение ситуации, складывающейся в ближайшем окру-

жении ребенка, и насколько существенно влияют на его жизнь характер, качество взаимоотношений, формирующихся в семье. Невнимание родителя к жизни ребенка, игнорирование его интересов и проблем, проявление чрезмерной жесткости не только создают неблагоприятную атмосферу в семье, но и делают ситуацию для ребенка во внесемейном пространстве потенциально опасной, в частности увеличивая вероятность его участия в школьном насилии в качестве агрессора и жертвы. Напротив, благополучная обстановка в семье (восприятие отношений с родителями как позитивных, интерес взрослых к проблемам и жизни ребенка, в том числе школьной, выстраивание партнерских отношений, отсутствие постоянных конфликтов между родителями) становится своего рода защитой для ребенка вне семьи, снижая риск попадания в ситуацию насилия в школе.

К сожалению, далеко не для всех нижегородских школьников сегодня может быть обеспечена комфортная семейная среда. Дети часто становятся объектами насилия в собственной семье, ситуация не остается замкнутой лишь в семейном пространстве. Жестокость распространяется в зонах ближайшего окружения ребенка, становится частью его жизни, встраивается во взаимодействие со сверстниками, трансформируется в новую проблему уже в школьном пространстве. Поэтому решение последней не может быть изолированным, обеспеченным действиями только внутри школы. Необходимо активное взаимодействие школы, семьи, социальных служб на разных этапах формирования проблемы, начиная от профилактики насилия в семье и заканчивая выработкой конструктивных способов разрешения конфликтных ситуаций в школе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс».

² См.: Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 325 с.; Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Судьин С.А. Насилие в школе: позиции школы и родителей // Актуальные проблемы родительства в России / отв. ред. Т.А. Гурко. М., 2013. С. 119—138.

³ См.: Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.

⁴ См.: Скиннер Б.Ф. Технология поведения // Американская социологическая мысль / Междунар. ун-т бизнеса и управления. М., 1996. С. 29—44.

⁵ См.: Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред., пер. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.; Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с пол. С.М. Червонной. М.: Логос, 2010. 664 с.

⁶ Проект осуществлялся в течение 2012—2013 гг. при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках мероприятия 1.1 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры новой России на 2009—2013 годы» коллективом кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского под руководством проф. З.Х. Саралиевой.

⁷ См.: Fuchs M., Lamnek S. u a. Gewalt an Schulen. 1994 — 1999 — 2004. 2. Auflage. VS Verlag für Sozialwissenschaften. Wiesbaden, 2009. P. 50—52.

⁸ См.: Sizova I. The risk of prevalence of violence at Russian schools: sociological analysis. URL: <https://www3.mruni.eu/ojs/social-work/article/view/1670> (дата обращения: 10.09.2015).

⁹ См.: Егорова Н.Ю., Судьин С.А. Школьное насилие: от описания к конструированию проблемы // V Социологическая грушинская конф. «Большая социология: расширение пространства данных», 12—13 марта 2015 г. М., 2015. С. 750—752.

¹⁰ Здесь и далее в тексте ** корреляция значима на уровне $p < 0,01$.

Поступила 15.09.2015.

**N. Yu. Egorova, I. L. Sizova. Child Abuse:
from Family Problems to Problems at School**

The paper analyzes child abuse in the family and school violence. The family is examined as the basic environment where patterns of the child's behavior are formed, as well as their perception of the destructive forms of behavior. The questionnaire survey of schoolchildren, conducted in Nizhny Novgorod in 2013, gives the grounds to draw conclusions about the presence of different variants of violence in schools and about presence of different practices in building parents-children relations, including the use of physical methods of influence.

Children are physically punished for bad behavior both frequently (8 %) and occasionally (17 %). Every fifth child may be physically punished for bad school grades (21 %), every fourth has experience of being punished with a waist-belt. The analysis of different parameters of family relationships (children's perceptions of parental attitudes and behavior; conflicts/scandals in the family; interest of the parents in the needs, interests, and school life of the child; methods of communication, building relationship with the child) and their connection to aggression in school gives grounds to say that the level of well-/ill-being of a family environment determines the position of the child in the extrafamilial space, particularly in school. The problem family environment increases the likelihood of a child being involved in violent actions in school, both as the aggressor and the victim, while a problem-free family reduces such risks.

**Л. С. КИСЕЛЕВА СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ЗДОРОВЬЯ РОССИЯН**

Ключевые слова: причины, модели факторов риска, экология, здравоохранение, регион, заболеваемость

Key words: causes, risk factor models, ecology, health care, region, morbidity

В статье дан обзор теоретических моделей социальных детерминант здоровья населения. На основе результатов социологических исследований, проведенных в Тюменской области, сопоставлены общероссийские данные и региональные оценки некоторых социальных детерминант здоровья населения, сделаны выводы относительно их дифференциации.

The paper presents an overview of theoretical models of social determinants of public health. Basing on the results of sociological surveys conducted in the Tyumen region, the nationwide data and regional assessments of some of the social determinants of public health are compared; conclusions about their differentiation are drawn.

Здоровье входит в число высших, непререкаемых, исторически обусловленных ценностей. Здоровье определяет способность человека осуществлять присущие ему биологические и социальные функции в условиях меняющейся внешней среды. При такой постановке вопроса на первый план выходит способность к адаптации как важный показатель здоровья, понимаемый как приспособление не только к природным и производственным условиям, но и в большей степени — к меняющимся социальным ситуациям. Здоровье выступает главным условием свободной деятельности человека. Состояние здоровья обусловлено взаимодействием детерминант здоровья, жизненных обстоятельств и индивидуального выбора. Детерминанта — это причина, определяющая возникновение явления. Детерминанты здо-

КИСЕЛЕВА Людмила Сергеевна, доцент кафедры экономики и организации производства Тюменского государственного нефтегазового университета, кандидат экономических наук.

KISELEVA Lyudmila Sergeevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Organization of Production, Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russian Federation).

© Киселева Л. С., 2016

ровья — это своего рода «причины причин», влияющие на возможность укрепления здоровья и формирования здорового образа жизни, а также на характер развития, проявления и последствий болезни¹.

Концепция социальных детерминант здоровья перенесла акцент с индивидуальных факторов риска и индивидуальной ответственности за здоровье на детерминанты, формируемые обществом. Социальные детерминанты здоровья, рассматриваемые на уровне общества, включают неравные условия жизни в раннем детстве, различные возможности получения образования, объем социального обеспечения и доступ к здравоохранению, уровень доходов, места и условия проживания индивидов, а также нормы и ценности общества².

Осуществим попытку обобщения результатов всероссийского мониторинга, посвященного эффективности коммуникационной кампании по формированию здорового образа жизни у жителей России, который проводится Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) начиная с 2006 г. Целью такого мониторинга является выяснение того, как россияне оценивают состояние своего здоровья, и кто, по их мнению, несет ответственность за плохое состояние здоровья людей. На основе результатов социологических исследований, проведенных нами в Тюменской области, мы имеем возможность сопоставить общероссийские данные и региональные оценки некоторых социальных детерминант здоровья населения и сделать выводы относительно их дифференциации.

Социальные детерминанты здоровья — это условия, в которых люди рождаются, растут, живут, работают и стареют, включая системы здравоохранения. Эти обстоятельства формируются под воздействием распределения денег, власти и ресурсов на глобальном, национальном и местном уровне, на которые в свою очередь оказывает воздействие реализуемая государственная политика. Влияние социальных факторов на здоровье носит доминирующий, определяющий действие остальных факторов характер, однако общая теоретико-методологическая база для их анализа пока не выработана. Вопросам, связанным с классификацией факторов, определяющих здоровье человека, посвящено большое количество публикаций отечественных³ и зарубежных авторов⁴. Однако к настоящему времени единого подхода к классификации

детерминант состояния здоровья не сформулировано⁵. Мы можем привести некоторые подходы, в которых делается особый акцент на социальные детерминанты здоровья.

Модель Г. Дальгрена и М. Уайтхеда, в центре которой индивидум с такими личными характеристиками, как возраст, пол, генетический код и т. д. Эти факторы важны, но не могут быть изменены. На здоровье индивидума влияет образ жизни и отношение к здоровью, определяемые социальными нормами и общественными отношениями. Последние в свою очередь находятся под влиянием условий жизни и труда, образования, здравоохранения и т. д. Все эти факторы зависят от общих макроэкономических и экологических условий жизни общества⁶.

Модель М. Мармота и Р. Уилкинсона, в которой причинно-следственная связь начинается с социальной структуры и затем различными траекториями ведет к состоянию здоровья. Эта модель связывает уровень здоровья с неравенством в доходах. Исследования, проведенные учеными, показывают, что чем выше социально-экономическое положение людей, тем ниже показатели заболеваемости и смертности⁷.

Модель В. А. Борисова состоит из четырех факторов: 1) уровень жизни народа, который является главным фактором улучшения здоровья населения, поскольку «создает условия (пространство) для развития всех остальных факторов роста общей и санитарной культуры»; 2) эффективность здравоохранения. Неудовлетворительный уровень здравоохранения в России В. А. Борисов видит не только в недостаточном финансировании, но и в необходимости изменения уровня взаимоотношений между врачом и пациентом. В настоящее время требуется индивидуальный подход к пациенту, учитывающий особенности его личности; 3) санитарная культура. В эту категорию входят: невыполнение техники безопасности, сверхурочный труд, общий уровень культуры людей (потребление алкоголя, курение, сквернословие и т. п.); 4) качество окружающей среды. Для России, к сожалению, это очень актуальный фактор в связи с высокими уровнями загрязнения воздуха и воды в большинстве крупных промышленных центров⁸.

Модель Т. З. Тоноян и М. К. Лепян, в которой выделены шесть наиболее значимых факторов риска, влияющих на здоровье: 1) социально-экономический, включающий по-

казатели уровня развития экономики страны по основным критериям, условия и обеспеченность труда, условия быта, материальное благосостояние и уровень доходов населения с оценкой их дифференциации; 2) социально-психологический (психический), определяющий уклад и образ жизни человека. Психическое здоровье — основа всех аспектов жизни человека, которое можно отнести к главному фактору, определяющему качество жизни человека. От него зависит личное счастье человека, его успехи, взаимоотношения с другими людьми и все аспекты физического здоровья; 3) социально-демографический (половозрастная структура населения, уровень занятости и миграция); 4) природно-климатический (температурный фактор, уровень солнечной и магнитной радиации, санитарно-эпидемиологическое состояние); 5) медицинский (качество и доступность медицинской помощи, наличие профилактических мероприятий); 6) экологический (последствия неблагоприятной экологической обстановки вызывают ослабление состояния здоровья населения, пороки развития, низкую сопротивляемость организма)⁹.

Что касается мониторинговых исследований влияния социальных факторов риска, в том числе поведенческих, на здоровье россиян, то довольно обширный материал для анализа накоплен ВЦИОМ с 2006 г. в рамках изучения эффективности коммуникационной кампании по формированию здорового образа жизни у жителей России. Мы обобщаем некоторые результаты данных мониторинговых исследований. На рис. 1 представлена динамика оценок состояния здоровья россиянами.

На начало 2015 г. половина россиян (49 %) была удовлетворена состоянием своего здоровья, свыше трети (38 %) оценили свое самочувствие как «хорошее» или «очень хорошее». За рассматриваемый период доля таких людей выросла более, чем в 1,5 раза. За последние два года снижается число граждан, оценивающих свое здоровье как «слабое» или «очень слабое».

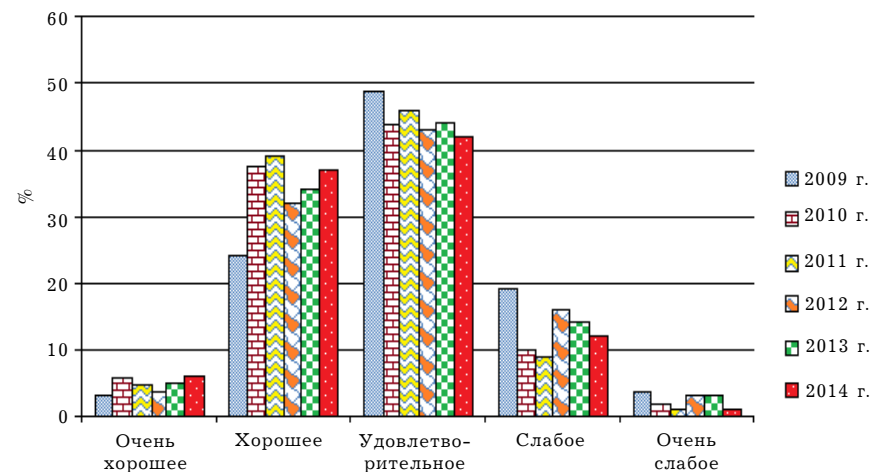

Рис. 1. Распределение оценок здоровья россиянами в 2009—2014 гг., %¹⁰

Относительно причин болезней опросы (в 2010—2011 гг. вопрос не задавался) показывают, что основной россияне считают старение (табл. 1).

Таблица 1
Основные причины болезней россиян (согласно опросам ВЦИОМ), %¹¹

Вариант ответа	2009 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Возраст, старение	24	26	24	31
Плохая окружающая среда, загрязнение природы	27	27	26	25
В нынешней жизни слишком много беспокойства, тревог, что вредит здоровью	34	29	30	24
Не хватает средств на предупреждение болезней, лечение, лекарства	29	19	21	20
Приходится слишком много работать, нет времени на лечение и отдых	26	20	22	19
Вероятно, болезни достались по наследству	15	16	21	19
Много лет не удается нормально отдохнуть, подлечиться	19	13	11	15
Мы плохо питаемся, от этого все болезни	13	12	11	10
Причина болезни — работа на вредном производстве, жизнь рядом с ним	10	10	14	10

Продолжение табл. 1 на стр. 138

Начало табл. 1 на стр. 137

Вариант ответа	2009 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Неблагоприятные климатические условия в месте проживания	14	10	13	8
Не занимаемся физкультурой и спортом	6	8	6	8
Чрезмерное курение	3	5	5	7
Чрезмерное употребление алкоголя	2	3	5	6

За прошедшее десятилетие актуальность старения как главной причины болезней существенно выросла (в 2006 г. аналогичный ответ дали лишь 17 % опрошенных). Каждый четвертый россиянин (25 %) считает, что его здоровье ухудшается под воздействием неблагоприятной окружающей среды; 24 % называют причиной болезни стресс. Пятая часть респондентов жалуется на нехватку денег на лекарства, 19 % — на отсутствие времени на лечение и отдых. Еще 19 % россиян полагают, что все болезни им достались по наследству.

Результаты ответов на вопрос «Кто или что виновато в плохом состоянии здоровья людей?» (в 2010—2011 гг. вопрос не задавался) представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Кто или что виновато в плохом состоянии здоровья людей?», 2009, 2012—2014 гг., %¹²

Вариант ответа	2009 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
В наших болезнях, нездоровье виноваты мы сами	41	35	37	40
Плохая экологическая обстановка	29	30	32	30
Виноват низкий уровень жизни, нехватка материальных средств у людей	34	32	35	32
Низкий уровень квалификации и невнимательность медицинских работников	21	25	27	24
Виновато государство, которое перестало заботиться о здоровье людей	15	18	17	14
Плохие условия труда, работодатель (до 2013 г. этот вариант ответа не предлагался)	—	—	5	7
Болезни от Бога, за наши грехи	2	3	4	4
Никто, люди болели во все времена	10	10	5	6

В целом распределение ответов по годам остается вполне стабильным и предсказуемым. Люди по-прежнему винят в своих болезнях и плохом состоянии здоровья больше всего себя. Треть (30 %) опрошенных убеждена, что все болезни

связаны с плохой экологией, еще треть говорит о низком уровне жизни, нехватке материальных средств. Немного снижается число респондентов, обвиняющих государство в своих болезнях, но увеличивается число респондентов, которые отмечают плохие условия труда и работодателей в качестве причины заболеваемости.

Более позитивно о своем здоровье отзывается молодежь (68 % от 18 до 24 лет) и люди с высшим образованием (47 %), тогда как на недомогания жалуются преимущественно люди в возрасте (32 % старше 60 лет), малообразованные (36 %). Наблюдается также дифференциация по региональному признаку. На Урале и в Сибири о хорошем здоровье заявляют 38 % мужчин и 39 % женщин против 22 и 27 % в других регионах.

Интересно сравнение общероссийских данных с результатами региональных исследований, проведенных автором в период с 2010 по 2014 г., которые отражают субъективные оценки жителей Тюменской области некоторых детерминант здоровья.

Вопрос «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?» позволяет выяснить, что оценки респондентов в Тюменской области немного более оптимистичны, чем в целом по России: 10 % считают, что у них отличное здоровье, 38 % — хорошее, 41 % — скорее хорошее. В целом удовлетворены состоянием своего здоровья 89 %. Скорее плохим свое здоровье считают 10 %, плохим — 1 %.

Что касается вопроса «Кто виноват в состоянии Вашего здоровья?», то респонденты выбирали один вариант из закрытого вопроса. В качестве «виновных» предлагались следующие альтернативы: «мы сами», «плохая экология», «низкий уровень жизни», «никто не виноват, люди болели во все времена», «медицина, плохие врачи», «государство», «все болезни от Бога». Ответы респондентов позволяют сделать вывод о том, что большинство, независимо от возраста, склонны винить себя в плохом состоянии здоровья, так же как и в общероссийских исследованиях. Второе место занимает вариант «никто не виноват, люди болели во все времена», третье — «плохая экология». Более лояльно, чем это можно было бы предположить, респонденты отнеслись к «медицине и врачам», а также «государству».

На вопрос «Что более всего негативно влияет на здоровье человека в России?» респонденты Тюменской области могли дать несколько вариантов ответа. Первое место занял образ жизни, второе — экология, третье — низкий материальный достаток. Оценки респондентов позволили проранжировать заболевания, которые, с их точки зрения, наиболее зависимы от состояния окружающей среды. Онкологические заболевания — на первом месте (35 % респондентов), затем — дыхательные инфекции, на третьей позиции — инфекционные заболевания. Средний уровень зависимости от окружающей среды отдается отравлениям, нарушениям созревания плода, профессиональным заболеваниям. Наименьшее влияние внешняя среда, по мнению опрошенных, оказывает на проблемы с психикой/наркоманией и болезнями, вызванными вредными привычками (рис. 2).

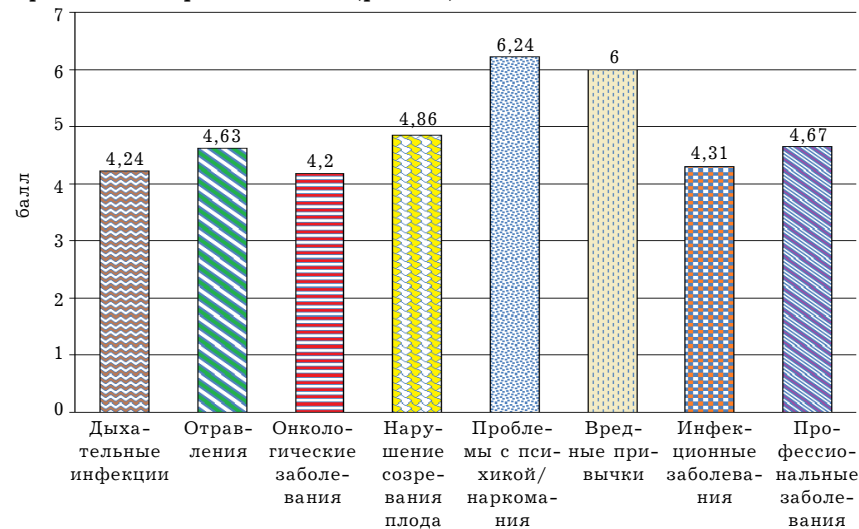

Рис. 2. Оценка зависимости заболеваний от состояния окружающей среды, балл (1 — наибольшая зависимость, 10 — наименьшая зависимость)

Таким образом, сопоставив данные общероссийского мониторинга и региональных исследований, мы сделали заключение о том, что в России в целом, в Тюменской области в частности, снижается число людей, оценивающих

свое здоровье как плохое. В регионе оценки здоровья более оптимистичны, чем по России в целом. Данные исследований показывают, что социальные детерминанты здоровья оцениваются населением как высоко значимые, поскольку в качестве причин, негативно влияющих на здоровье, выделены образ жизни, экологическая обстановка, низкий материальный достаток. В Тюменской области высоки оценки таких факторов, как интенсификация трудовой деятельности, нестабильность экономической ситуации в стране. Дальнейшее развитие подобного рода исследований находится в теоретико-методологической плоскости, поскольку требует уточнения классификации и разработки многоуровневой методологии изучения социальных детерминант здоровья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Москаленко В.Ф. Концептуальные подходы к формированию современной профилактической стратегии в здравоохранении: от профилактики медицинской к профилактике социальной: моногр. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 240 с.

² См.: Панова Л.В. Модель социальных детерминант как основа многоуровневой методологии изучения здоровья // Петербургская социология сегодня: сб. науч. тр. Социол. ин-та РАН. Вып. 4. СПб., 2013. С. 221—252.

³ См.: Газизуллина П.Г. Классификация факторов заболеваемости и смертности // Бух. учет, статистика. 2013. № 5. С. 149—152.

⁴ См.: Dahlgren G., Whitehead M. European strategies for tackling social inequities in health: Levelling up Part 2. Copenhagen, WHO Regional Office for Europe // Studies on social and econ. determinants of population health. 2007. № 3. 149 p.

⁵ См.: Киселева Л.С. Факторы, формирующие здоровье населения: сущность и типология // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 8-1. С. 17—20.

⁶ См.: Dahlgren G., Whitehead M. Policies and strategies to promote social equity in health // Background document to WHO — Strategy paper for Europe. Stockholm: Institutet för Framtidsstudier. 2007. 69 p.

⁷ См.: Marmot M., Wilkinson R.G. Social determinants of health. N. Y.: Oxf. Univ. Press, 1999.

⁸ См.: Борисов В.А. Демография: учебник для вузов. М.: Нота Бене, 2003. 344 с.

⁹ См.: Тоноян Т.З., Лепян М.К. Классификация факторов риска и их влияние на здоровье населения. URL: http://www.academia.edu/643844/Classification_of_risk_factors_and_their_influence_on_health_of_the_population_in-Russian (дата обращения: 14.08.2015).

¹⁰ Составлено автором по данным ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 14.08.2015).

¹¹ Составлено автором по тому же источнику.

¹² Составлено автором по тому же источнику.

Поступила 10.09.2015.

L. S. Kiseleva. Social Determinants of Russians' Health

The paper presents an overview of theoretical models of the social determinants of public health. Among the social determinants, the researchers propose to examine the living conditions in childhood, education, access to healthcare service, income level, housing conditions, norms and values of the society. The author summarized the data of annual monitoring by the all-Russian center for public opinion giving an idea of the Russians' subjective assessment of some of the social determinants of health. It was found that half of Russians are satisfied with their health and among the causes of illness they named aging, poor state of the environment, social tensions, and stress.

In recent years, dissatisfaction with the working conditions created by employers is increasing, which are also named among the causes of morbidity. Russians tend to blame their sickness on themselves as well as on a low living standard and on the environment. The sociological surveys conducted in the Tyumen region made it possible to confirm these trends at the regional level. However, the Tyumen respondents showed a more optimistic view on of the state of their health. According to the subjective assessments of citizens of Tyumen, cancer and respiratory infections mostly depend on the environment.

Ю. Ю. БЕЛОВА, АЛКОГОЛЕЗАВИСИМЫЕ В УСЛОВИЯХ М. А. ГАЛИБИНА ПСИХИАТРИЧЕСКОГО СТАЦИОНАРА: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ

Ключевые слова: алкоголезависимые пациенты, психиатрический стационар, контент-анализ, социальная диагностика

Key words: alcohol addicted patients, mental hospital, content analysis, social diagnostics

В статье на основе контент-анализа историй болезни и экспертного опроса определяются характеристики алкоголезависимых пациентов психиатрического стационара. Производится социальная диагностика их статуса в лечебном учреждении и даются рекомендации по изменению ситуации.

On the basis of the content analysis of medical reports and expert survey, the authors define the characteristics of alcohol addicted patients in mental hospitals. Social diagnostics of their status in a medical institution is carried out and recommendations to change the situation are given.

В современном российском обществе избавлением людей от алкогольной зависимости официально занимаются государственные наркологические диспансеры, в которых с добровольного согласия пациента осуществляется не только медикаментозное лечение, но и социальная профилактика, медико-социальная реабилитация, социально-психологическое консультирование и сопровождение. При определении у алкоголезависимого человека сопутствующего психического расстройства он госпитализируется в психиатрический стационар, где непосредственному лечению подвергается вы-

БЕЛОВА Юлия Юрьевна, доцент кафедры социальных наук и технологий Поволжского государственного технологического университета, кандидат социологических наук (г. Йошкар-Ола).

ГАЛИБИНА Марина Андреевна, магистрант факультета социальных технологий Поволжского государственного технологического университета (г. Йошкар-Ола).

BELOVA Yuliya Yurievna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Sciences and Technologies, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation).

GALIBINA Marina Andreyevna, Master's Degree Student at the Faculty of Social Technologies, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation).

явленное психическое заболевание. Помощь по избавлению от алкогольной зависимости в таком случае, как правило, отходит на второй план.

Согласно статистическим данным, в 2014 г. в России зарегистрировано 1 689 975 пациентов с психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ¹. При этом следует учесть, что те люди, которые могли бы быть поставлены на учет, не обращаются в лечебные учреждения, а также не во всех случаях производится их госпитализация. Тем самым эту цифру можно корректировать в сторону увеличения.

С учетом приведенных данных высока актуальность качественной помощи алкоголезависимым людям не только на базе наркологических учреждений, но и в условиях психиатрического стационара. Еще больше она возрастает в связи с существующей проблемой сочетания алкогольной зависимости и сопутствующих психических расстройств². Их взаимоотношающее влияние увеличивает риск аутоагрессивного и общественно-опасного поведения, инвалидизации и смертности пациентов.

Следует отметить, что многие психиатрические больницы страны располагают наркологическими отделениями, в которых наличие алкогольной зависимости оказывается особое внимание. В условиях отсутствия такого отделения возрастает потребность оказания реабилитационной и социально-психологической помощи алкоголезависимым пациентам, которая ложится на плечи психологов и специалистов по социальной работе психиатрического учреждения. Их деятельность должна быть максимально направлена на предотвращение алкогольного рецидива.

В связи с тем что зависимости от психоактивных веществ считаются процессуальными психическими расстройствами биопсихосоциального генеза³, высокую роль играет переход от медицинской к уже доказавшей свою эффективность биопсихосоциальной модели⁴ оказания помощи алкоголезависимым людям. Употребление алкоголя — фактор психической деградации. Избавление пациентов от алкогольной зависимости в большинстве случаев может остановить развитие дальнейших психических деградиционных изменений, а значит, и повлиять на вероятность повторного попадания в психиатрический стационар.

Как показало исследование 62 историй болезни методом контент-анализа пациентов ГБУ РМЭ «Республиканская психиатрическая больница», в которой отсутствует наркологическое отделение, более половины всех поступивших в состоянии алкогольного опьянения госпитализированы во второй, третий или четвертый раз. Это дает повод более пристально обратить внимание на необходимость совершенствования оказания помощи алкоголезависимым людям в условиях психиатрического стационара, в том числе средствами социальной работы.

Обратимся к другим данным, полученным в результате контент-анализа историй болезни пациентов ГБУ РМЭ «Республиканская психиатрическая больница». Для анализа выбирались истории только тех пациентов, которые были госпитализированы в больницу в состоянии алкогольного опьянения либо недавно вышли из состояния запоя. Выборка производилась за один год — с сентября 2013 г. по сентябрь 2014 г. Контент-анализ историй болезни показал, что число госпитализированных алкоголезависимых мужчин больше (39 чел., или 63 %), чем женщин (23 чел., или 37 %). В основном госпитализированные пациенты старше среднего возраста — от 31 года до 62 лет. Большинству из них (15 чел., или 24 %) 46—50 лет.

Удалось проследить сезонные, месячные и суточные колебания нахождения в запое и госпитализации пациентов. Большинство из них уходило в запой в четвертом квартале календарного года. Наиболее часто начало запоя приходилось на декабрь. Следует отметить, что в течение года запои у многих начинались в праздничные дни. При этом у 74 % всех пациентов длительность запоя составляла от 1 до 5 месяцев. Большинство пациентов поступили в больницу в выходные дни и понедельник.

В научной литературе разных лет имеются подтверждения того, что именно в периоды праздников и выходных дней увеличивается число госпитализированных людей в состоянии опьянения, наблюдается пик заболеваемости и рост количества преступлений, совершенных под действием алкоголя⁵. Еще в начале XX в. М. Н. Гернет указывал на рост таких преступлений по воскресеньям и понедельникам⁶. В более ранней своей монографии М. Н. Гернет отмечал, что «вследствие запрещения продажи спиртных напитков в

воскресенье, этот день из самого преступного стал самым спокойным»⁷.

Согласно информации из историй болезни, самый частый диагноз — абстинентное состояние (12 чел., или 19 %), затем следуют абстинентное состояние с делирием и психотическое расстройство (8 чел., или 13 %). На третьем месте по частоте встречаемости стоит диагноз шизоаффективное расстройство, маниакальный тип (7 чел., или 11 %), далее следует шизофрения (6 чел., или 9 %). По 5 чел. (8 %) имеют такие диагнозы, как биполярное аффективное расстройство и бредовое расстройство; 6 % (4 чел.) поступили с обсессивно-компульсивным расстройством. Параноидное расстройство личности имеют 3 чел. (5 %), по 2 чел. (3 %) поступили с диагнозами шизоаффективное расстройство, депрессивный тип и шизотическое расстройство. Следует заметить, что самые популярные диагнозы непосредственно связаны с употреблением алкоголя.

Мы выяснили, что средний возраст алкоголезависимых пациентов составляет 40—55 лет, большая часть из них — это мужчины, а наиболее распространенный диагноз — абстинентное состояние. Также было выявлено, что в выходные дни и сразу после них в больницу поступало больше пациентов с обострением психического расстройства на фоне потребления алкоголя и наиболее часто начало запоев приходилось на декабрь. Длительность запоев у большинства пациентов (74 %) составляла от 1 до 5 месяцев. Из результатов исследования также видно, что алкогольной зависимостью, отягощенной тяжелым психическим расстройством, страдает большинство людей старше среднего возраста, среди которых чаще встречаются люди с внушительным алкогольным стажем, что многократно увеличивает риск их инвалидизации и смертельного исхода. Это важно учитывать при разработке технологий социальной работы для этой категории пациентов.

Для выявления потребностей применения технологий социальной работы с алкоголезависимыми людьми, имеющими сопутствующие психические расстройства, на базе ГБУ РМЭ «Республиканская психиатрическая больница», мы провели экспертный опрос. В нем приняло участие 10 экспертов: 4 врача-психиатра (40 %), 4 психолога (40 %), 2 (20 %) специалиста по социальной работе. Все эксперты

женского пола. В возрасте от 20—30 лет был 1 чел., от 30 до 40 лет — 4 чел., от 40 до 50 лет — 3 чел. Возраст 50 и более лет имели 2 чел. Эксперты указали стаж работы в системе оказания психиатрической помощи: от 1 до 5 лет — 2 чел., от 5 до 10 лет — 3 чел., от 10 до 15 лет — 3 чел., от 15 лет и более — 2 чел. Таким образом, более половины экспертов имеют достаточный опыт и знания в области психиатрической практики.

На вопрос о том, с какими сопутствующими заболеваниями чаще всего поступают алкоголезависимые люди в стационар, 4 эксперта (40 %) ответили, что это психозы и депрессии, 6 экспертов (60 %) — соматические заболевания (почки, печень, сердечно-сосудистая система), 2 эксперта (20 %) указали на эпилепсию. Это говорит о том, что у пациентов страдают все системы жизнеобеспечения, что еще раз подтверждает их крайнюю уязвимость.

В ходе опроса эксперты сошлись во мнении, что необходимо проводить социальную работу с алкоголезависимыми людьми, имеющими сопутствующие психические расстройства, через выделение узконаправленного подхода к этой категории людей. По их мнению, это должен быть комплексный подход с участием имеющих в стационаре специалистов разного профиля: специалиста по социальной работе, врача-психиатра и психолога.

На вопрос о том, как специалист по социальной работе может помочь такому пациенту, эксперты ответили, что необходимо организовывать их досуг, помогать в установлении социальных связей с окружением, содействовать осознанию своего статуса и поддерживать социальные навыки. Среди важных технологий опрошенные выделили консультирование и информирование пациента и его родственников о заболевании и имеющейся зависимости, способах лечения, участие в тренингах, оказание социально-правовой помощи, помощь в разработке индивидуальных медико-социальных программ реабилитации пациентов, участие в организации обучения инвалидов.

На вопрос «Какие методы необходимо применять для более продуктивного лечения людей, страдающих алкогольной зависимостью и сопутствующим психическим заболеванием?» эксперты ответили, что необходимо проводить медикаментозное лечение, психологическое консультирование и сопро-

вождение, мероприятия по социальной реабилитации (в том числе тренинги социальных навыков), психотерапию, ЛФК.

Таким образом, совершенствование помощи алкоголезависимым людям, страдающим сопутствующими психическими расстройствами, востребовано особенно в направлении активизации ресурсов социальной работы, что актуально в условиях отсутствия наркологического отделения.

Результаты исследований указывают на потребность в обеспечении особого подхода к алкоголезависимым пациентам, находящимся на лечении в психиатрическом стационаре. Это объясняется высоким риском их инвалидизации и смертности, который связан с длительными запоями, большим алкогольным стажем, возрастом, отягощенностью тяжелыми психическими заболеваниями и рецидивирующими случаями госпитализации большинства из них.

Тенденция неоднократного попадания в психиатрический стационар одних и тех же пациентов в результате длительных запоев и возникновения на их фоне сопутствующих психических расстройств говорит о недостаточности оказываемой помощи со стороны лечебного учреждения.

Можно предположить, что наркологическая помощь, ограниченная выдачей направления в наркологический диспансер после выписки пациента, не приносит результатов. Кроме того, она не подкреплена достаточной предварительной реабилитационной и социально-психологической работой. Отсутствуют внестационарные формы социально-психологического сопровождения, что в целом негативно сказывается на эффективности лечения пациентов.

Выявленный факт наиболее частого возникновения и обострения психических заболеваний на фоне употребления алкоголя после праздничных и выходных дней указывает на необходимость принятия социально-психологических, психолого-педагогических и медицинских мер, направленных не только на совершенствование психиатрической помощи алкоголезависимым пациентам, но и на смещение акцента в сторону преодоления их зависимости.

Безусловно, работа по оказанию помощи алкоголезависимым людям, имеющим сопутствующие психические расстройства, должна совершенствоваться не только в направлении усиления деятельности специалистов социальной работы. Например, есть трудности, возникающие из-за от-

сутствия возможности предоставлять услуги по преодолению зависимостей от психоактивных веществ. Существуют и проблемы, связанные с организацией межведомственного взаимодействия (в том числе бригадного), что усложняет процесс лечения и реабилитации пациентов. Между тем это эффективная технология. С. Б. Козяков связывает успешность внедрения биопсихосоциальных форм психиатрической помощи с участием полипрофессиональных и межведомственных бригад⁸. Ее внедрение и реализация лежит в сфере компетенций специалиста по социальной работе и при его участии.

Таким образом, без опоры на ресурс социальной работы при всех преобразованиях помощь пациентам будет лишена возможности всестороннего управления этим процессом. Ведь социальная работа призвана обеспечивать комплексное видение потребностей учреждения, выполнять посредническую функцию, координировать взаимодействие имеющихся специалистов различного профиля, налаживать сотрудничество с учреждениями смежных отраслей, регулировать процесс разработки и реализации социально-реабилитационных программ, которые могут приблизить пациентов к преодолению зависимости и в которых нуждается любой психиатрический стационар.

Кроме того, социальная работа будет эффективной и качественной при условии содержательности и выраженности мотивации ее субъектов⁹. Как отмечает И. М. Фадеева, «в ситуации активной трансформации социальных отношений в российском обществе развитие мотивационной структуры нередко отстает от институциональной, порождая противоречия и дополнительную нагрузку на агентов»¹⁰. Иными словами, необходимо создавать для сотрудников такие средовые условия, в которых существует возможность самореализации и развития творческого потенциала¹¹. Таким образом, в условиях психиатрического стационара важна правильная организация социальной работы, которая определит вектор развития эффективной помощи алкоголезависимым людям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Здравоохранение в России. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 46.

² См.: Шитов Е.А., Киселев Д.Н., Шустов Д.И. Краткий обзор проблемы «двойного диагноза» (сочетание психических расстройств и расстройств

зависимости от психоактивных веществ). URL: <http://www.vestnik.rzgm.ru/data/files/2012/12/Шитов-статья.pdf> (дата обращения: 20.10.2015).

³ См.: Булыгина И.Е. Наркологическая служба: вчера, сегодня, завтра: к юбилею Республиканского наркологического диспансера // Четверть века наркологической службе Чувашии: материалы науч.-практ. конф. Чебоксары, 2010. С. 4—15.

⁴ См.: Булыгина И.Е., Федорова С.Д., Андреева А.П. Наркологическая помощь населению Чувашской Республики // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2005. № 1. С. 56—62.

⁵ См.: Алексин Д.С. Егоров А.Ю. Особенности наблюдающихся в настоящее время алкогольных психозов // Журнал неврологии и психиатрии. 2011. № 11. Вып. 2. С. 20—27.

⁶ См.: Гернет М.Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств). М.: ЦСУ, 1922. С. 163.

⁷ См.: Его же. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М.: Мир, 1914. С. 408.

⁸ См.: Козьяков С.Б. Догоспитальные, межведомственные организационные технологии в развитии психосоциальных общинных форм наркологической и психиатрической помощи населению: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Екатеринбург, 2009. С. 23—24.

⁹ См.: Албегова И.Ф. Институционализация социальной работы в модернизирующемся российском социуме как одна из проблем XXI века // Социальные проблемы. XXI век: сб. материалов Междунар. круглого стола 3 июня 2011 г. / под ред. И.Ф. Албеговой. Ярославль, 2011. С. 12.

¹⁰ Фадеева И.М. Мотивация преподавателей университета как фактор повышения качества высшего образования // Вестник Мордовского университета. 2007. № 1. С. 12—15.

¹¹ См.: Полути С.В., Седлецкий А.В. Предпосылки формирования инновационного поведения в современном обществе: региональный аспект // Регионология. 2015. № 2. С. 127—136.

Поступила 11.11.2015.

**Yu. Yu. Belova, M. A. Galibina. Alcohol Addicted
People in a Mental Hospital: Experience of Social Diagnostics**

Nowadays, of high relevance is the problem of providing care to patients of mental hospitals with the combination of alcohol dependence and severe mental disorders. Characteristics of these people are studied through content analysis of medical records and expert opinions of workers of the specialized institution.

The average patient with alcohol dependence is 40—55 years old. Most of them are men, the most common diagnosis being the withdrawal state. The majority of patients with acute exacerbation of mental disorder due to alcohol consumption are admitted to hospital at weekends and on Mondays. Most drinking bouts start in December. The duration of drinking bouts

in the majority of cases (74 %) is from 1 to 5 months. A tendency was revealed: the same patients with addiction were repeatedly taken to mental hospital (up to 4 times).

The results of two surveys indicate the need for a special approach to patients with alcohol dependence undergoing treatment in a mental hospital. This is due to the high risk of disability and mortality. The risk is associated with prolonged drinking bouts, long alcoholic experience, age, severe mental illness and repeated hospitalizations of most of them.

The results of the expert survey confirmed that we need to strengthen social work with these patients. Competent organization of social work will determine the vector of development of effective care for people with alcohol dependence in a mental hospital.

Н. А. ГАЛАКТИОНОВА

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК
РЕГИОНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
(КЕЙС ТЮМЕНИ
И НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНОВ)**

Ключевые слова: топонимика, топонимический дискурс, политический дискурс, историко-культурный дискурс и прагматический дискурс топонимики, манифестация идентичности, этничность

Key words: toponymy, toponymic discourse, political discourse, historical and cultural discourse and pragmatic discourse of toponymy, the manifestation of identity, ethnicity

В статье изучаются названия городских топонимов, политика властей при наименовании городских объектов. Топонимия городского пространства позволяет оценить властные установки, политический дискурс, транслируемый региональной властью. На основе исследования наименования улиц в Тюмени и Набережных Челнах делается вывод о различных основаниях переименования улиц в Тюменской области и Республике Татарстан. Автор считает, что в Тюмени стратегия переименования носит внеэтнический характер.

The paper studies city toponyms, the policy of the authorities in renaming urban objects. Toponymy of the urban space allows to estimate the power settings and the political discourse propagated by regional authorities. Basing on the study of the names of the streets in Tyumen and Naberezhnye Chelny, the conclusion is drawn about different grounds of renaming streets in the Tyumen Region and in the Republic of Tatarstan. The author believes that the strategy of renaming in Tyumen is of non-ethnic character.

Топонимы являются способом публичной манифестации идентичности. Географическая терминология позволяет ре-

ГАЛАКТИОНОВА Нелли Анатольевна, доцент кафедры русского и иностранных языков Тюменского высшего военно-инженерного командного училища (военный институт), кандидат филологических наук.

GALAKTIONOVA Nelly Anatolievna, Candidate of Philological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Languages, Tyumen Higher Military Engineering Command School (Military Institute) (Tyumen, Russian Federation).

© Галактионова Н. А., 2016

конструировать культурные слои и идеологические мифы разного времени. Такая реконструкция становится возможной при использовании различных методик, включающих элементы идеографического комментария, историко-культурологического экскурса, этимологического анализа, социолингвистических аспектов изучения топонимов. Топонимы — свидетельство лексической манифестации этнокультурной ситуации, а также отражение властных установок, политического дискурса власти, в чем ведении находится политика и практика наименования и переименования городских объектов. В связи с этим нас будет интересовать не столько исторически сложившаяся в регионах географическая терминология, несомненно, отразившая множественные этнические контакты в условиях языкового смешения, сколько контекст властных вмешательств в наименование городских объектов, поскольку топонимия отражает характер экстралингвистических факторов различных социокультурных и исторических обстоятельств.

Топонимия изучается в рамках лингвистических и ономастических исследований¹. Помимо них, к теоретическим исследованиям топонимов² следует отнести критические топонимические исследования³. К этому направлению относятся многочисленные работы израильского ученого М. Азарьяху, который изучает практики переименования улиц в Германии и Австрии в до- и послевоенный период⁴. К критическим топонимическим исследованиям следует отнести труды американских социальных географов Д. Алдермана, Р. Роуз-Редвуда, изучающих топонимические контексты Нью-Йорка⁵. Социокультурные исследования топонимических практик в постсоветской России стали предметом рассмотрения в работах М. Ю. Тимофеева⁶, М. Ю. Немцева⁷, Р. Ф. Туровского⁸, Е. А. Терентьева⁹ и др.

При исследовании топонимов оказываются полезными дискурсивные воззрения на их природу. Согласно теории анализа дискурса Р. Водак¹⁰, в процессе изучения топонимического дискурса можно выделить три слоя, различающихся по уровню лингвистической реализации, уровню стратегии аргументации и уровню содержания: политический дискурс¹¹, историко-культурный дискурс¹² и прагматический дискурс¹³. В рамках политического дискурса топонимика понимается как инструмент политической агитации, в котором оцениваются

коммеморативная и репутационная составляющие топонимов. Через призму историко-культурного дискурса топонимия рассматривается как элемент культурного ландшафта, в котором топонимы — это знаки этапов историко-культурной эпохи, оценивающиеся с точки зрения их историко-культурной ценности. В прагматическом дискурсе топонимия есть не что иное, как система лингвистических ярлыков и пространственных ориентиров, позволяющая исследовать лингвистические характеристики названий через привязку к репрезентируемой местности, в этом смысле топонимы обладают ценностью с точки зрения удобства употребления.

Е. А. Терентьев, отталкиваясь от концепции «права на город» французского социолога А. Лефевра, предлагает исследовать стратегию наименований как топонимический активизм¹⁴.

Сам А. Лефевр склонен рассматривать инициативы о переименовании топонимических объектов как борьбу социальных акторов за право присвоения/усвоения городского пространства и права управления им. Он заявляет о таком феномене, как производство пространства. Основной тезис Лефевра заключается в том, что «пространство (социальное) есть продукт (социальный)». Ученый формулирует необходимость формирования новой модели пространственных практик, отражающих интересы реальных жителей¹⁵. Таким образом, А. Лефевр заявляет о необходимости реструктурирования властных отношений, в первую очередь делегирования права на принятие решений, связанных с (вос)производством городского пространства, от владельцев капитала и государства — городским жителям.

Идеи А. Лефевра развивает М. Перселл, постулируя две составные части «права на город»: право на участие и право на присвоение. Принцип принятия решений о производстве городского пространства закрепляется за горожанами, «кто живет в городе, кто составляет тело городского проживаемого опыта и обживаемого пространства»¹⁶. Право на присвоение М. Перселл понимает как «право горожан на физический доступ, владение и пользование городским пространством»¹⁷.

В фокусе интереса исследователей в области топонимики лежит обращение к политической природе стратегий переименования. Исследование роли гражданских инициатив в принятии и обсуждении топонимических вопросов в основном

лежит за пределами интереса исследователей, однако к ним обращались Д. Алдерман и Дж. Инвуд на примере топонимических практик переименования улиц в США в честь Мартина Лютера Кинга, что признается исследователями как реализация права этнических меньшинств на участие в управлении городским пространством (право на участие) и на физическое присутствие в нем (право на присвоение)¹⁸.

Изучение социальных практик общественного участия в со-творении пространства — интересная и актуальная задача, тем более что интерес к этим вопросам со стороны общественности часто проявляется на конфликтном уровне. «Нешуточный скандал разгорелся сегодня на заседании комиссии по топонимике администрации Тюмени. При присуждении названий улицам Тюмени общественники и депутаты обнаружили, что этот вопрос не согласован с жителями города в том порядке, которого требуют законодательные акты»¹⁹. Эта публикация вызвала интернет-дискуссию, к которой подключились жители Тюмени и близлежащих поселков, в результате укрупнения административных единиц оказавшиеся включенными в городскую структуру. Это стало причиной переименований повторяющихся названий. Активистское начало лежит в основе борьбы жителей с. Кобякское под Тобольском. Инициатор названия улицы в честь хана Кучума Л. Шамсутдинова рассказала о том, что в 2004—2007 гг. жителям села пришлось четырежды собирать сход за право назвать улицу в честь Кучума, сельчане подвергались давлению со стороны районных властей. Имя хана Кучума администрация района считала неписываемым в официальную историю освоения Сибири²⁰.

Топонимия позволяет проследить основные этапы истории материальной и духовной культуры народов, живущих в регионе. За каждым ономастическим фактом стоит вымышленная или реальная действительность, которая посредством различных экстралингвистических факторов создает специфический круг разных ассоциаций. Топонимия служит свидетельством идентичности определенной историко-культурной эпохи, позволяет реконструировать идейно-политические и культурные слои.

В качестве объекта исследования выбраны два города: один из региона с преимущественно русским населением — Тюмень, другой из национальной республики — Набережные Челны.

Анализ названий улиц демонстрирует явные отличия Тюменской ситуации от сложившейся в Татарстане. В Набережных Челнах 122 топонима имеют выраженный тюркский облик: Яшьлек (юность), ул. Чыршылы, пер. Юлдашлар (попутчики), ул. Дулкын (волна), Кояшлы (солнечная), ул. Тургай (жаворонок), Шатлык (радость), пер. Нур (сияние), ул. Ялан (голое поле), ул. Аркылы (поперечная), ул. Сандугач (соловей) и т. д. Такой лингвоэтнический облик эти топонимические объекты получили в период «этнического плюрализма»: традиционные названия, известные в русской огласовке, закрепленные в повседневном привычном общении горожан, обрели новые названия на татарском языке, в частности бул. Юность, в настоящее время — Яшьлек. Около 50 улиц Набережных Челнов носят имена знаменитых татар.

В результате анализа выделены основные типы имен, ставших основой для формирования топонимии г. Набережные Челны. Улицы города названы в честь деятелей культуры, известных еще в советское время (Муса Джалиль, Габдулла Тукай, Каюм Насыри); героев Гражданской войны, революционеров-большевиков (Владимир Азин, Хусаин Ямашев); героев Советского Союза, фронтовиков (Нурми Шарипов, Абдулла Курбанов, Ильдар Маннанов, Гатаулла Салихов и т. д.); героев социалистического труда (ул. Иманова, ул. Нагима Аглямова, ул. Шайхутдинова, ул. им. Р. М. Низаметдинова).

Часть улиц переименована в 1990-е гг. и получила названия в честь знаменитых татарских деятелей культуры и искусства, ставших жертвами террора в 1930-е гг. (ул. Шамиля Усманова, бул. им. Карима Тинчурина, ул. Ахметшина). Названия улиц связаны с личностями, значимыми для истории развития татарского языка и культуры (бул. Бердаха, бул. Кол Гали, ул. им. Хади Такташа, ул. Г. Исхаки, ул. Ямаш Игеней). Улицы в Набережных Челнах названы в честь татарских государственных деятелей (пр. Раиса Беляева), поэтов и писателей (Фатиха Амирхана, Хасана Туфана, Сибгата Хакима, Аделя Кутуя, К. Сибгатуллина, Абдуллы Алиша), композиторов (бул. им. Салиха Сайдашева, ул. Назипа Жиганова, ул. З. Яруллина), скульпторов и художников (ул. Б. Урманче). Есть в Набережных Челнах пр. Сююмбике (назван в честь легендарной жены казанского хана).

Существует несколько актуальных тенденций, характерных для топонимической политики: возвращение старых (часто дореволюционных) названий; переименование старых (часто советских) названий в новые; новые названия для новых топонимических или безымянных объектов; новые названия в результате переименования тезоименных или дублированных названий топонимических объектов, образующихся в результате укрупнения административных единиц; перевод названий на другие языки, например на язык титульного населения региона.

В Набережных Челнах реализована стратегия, не характерная для так называемых «русских» регионов, — перевод традиционных и привычных названий на язык титульного этноса. Для русских регионов более востребованными являются другие пути переименований: возвращение старого, дореволюционного названия; переименование старого названия в новое; присвоение нового названия новому топонимическому объекту.

В Тюмени около 1 200 улиц. Не менее 43 подверглись переименованию в 1920-е гг.: Царская стала ул. Республики, Спасская — Ленина, Всехвятская — Свердлова, Большая Монастырская — Коммунистической, Подаруевская — Семакова, Безымянная — ул. 8-го Марта. В 2006 г. отмечены обращения граждан под эгидой наместника Свято-Троицкого монастыря архимандрита Тихона склонить власти к отмене революционных названий, и возвращению улице Коммунистической названия Большая Монастырская²¹. Переименования, однако, не состоялось.

В 90-х гг. XX в. в Тюмени не было волны переименований, улицы носят прежние, привычные с советского периода названия, сохранились улицы С. Халтурина, матроса Хохрякова (герой Гражданской войны, первый председатель исполнительного комитета Тобольского Совета рабочих и солдатских депутатов, виновен в убийстве Тобольского епископа Гермона), улицы 50 лет Октября, 70 лет Октября, 50 лет ВЛКСМ и т. д. На возражения относительно порочности сохранения памятника В. И. Ленину на центральной площади города и названия улицы Ленина в топонимиконе города (в частности, от писателя, автора текста Тотального диктанта — 2015 Е. Г. Водолазкина) можно указать на то обстоятельство, что именно в Тюмени, в здании Тюменского сельскохозяй-

ственного института (в настоящее время Государственный аграрный университет Северного Зауралья), во время войны хранилось тело Ленина, тайно эвакуированное из Мавзолея. Известным это событие стало благодаря исследовательской деятельности тюменского краеведа и писателя А. А. Петрушина.

Вместо переименований в Тюмени наблюдается тактика наименования «пустых» топографических объектов, например Никольская площадь. Были отмечены и инициативные проекты назвать мост через р. Тюменку мостом Робинзона Крузо. Однако филологи не подтвердили этой версии, и мосту было присвоено более традиционное название «Никольский»²².

В 1940-е гг. тюменский горсовет присвоил нескольким улицам имена писателей А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, И. А. Крылова, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Горького, В. В. Маяковского, Д. А. Фурманова, а также Островского (скорее всего, Н. А. Островского — автора романа «Как закалялась сталь»). Для Тюмени нехарактерны: возвращение старых названий, переименование советских названий, перевод названий улиц.

Топонимикон тюменского региона представлен значительно более узким спектром татарских наименований. В Тюмени нет улиц, которые бы имели татарскую огласовку, являлись бы калькой или переводом с русского языка. В областной столице насчитывается 14 улиц, названных в честь татар. Улицы в честь Габдулы Тукая и Мусы Джалиля находятся сразу в двух населенных пунктах — Казарово Центрального округа и Матмассах Ленинского округа г. Тюмени, последняя утверждена распоряжением администрации г. Тюмени № 2000-рк от 8 декабря 2006 г. Есть улица, названная в честь ученого-фольклориста Хамита Ярми; улица, названная в честь революционера Муллы-Нур Вахитова, казненного в 1918 г. белочехами. Есть улицы, названные в честь земляков, героев Советского Союза (ул. Хамита Неатбакова, ул. Тамерлана Ишмухамедова, ул. Якова (Яхиятдина) Точединова). Два года назад тюменскому бульвару от Сквера Победы до ул. Мельникайте присвоили имя героя Великой Отечественной войны, почетного гражданина Ржева и Тюмени Хабибуллы Якина. Кроме того, одна из улиц города

теперь носит имя Раушана Абдуллина — Героя России, погибшего в Южной Осетии.

С предложением назвать новые улицы и объекты Тюмени именами известных татарских личностей в Тюменский городской совет по топонимике обратился Конгресс татар Тюменской области²³. Также по ходатайству Г. Ф. Куцева, депутата, бывшего ректора Тюменского государственного университета, в д. Казарово в Центральном районе Тюмени есть улица, носящая имя известного тюменского поэта и публициста Булата Сулейманова. Кроме того, есть ул. Халилулы Валеева и ул. Хусаинова. Таким образом, улицы, названные в честь татар, занимают менее 10 % от общего объема тюменских топонимов. Лица, в честь которых были названы улицы, достаточно традиционны для общего топонимического кода российских городов: поэты, революционеры, герои войны, знаменитые земляки. Из 1 200 улиц в Тюмени только 14 названы в честь татар, причем они расположены преимущественно в местах компактного расселения татар и не являются частью общегородского топонимического кода. Эти улицы не входят в основные транзитные транспортные потоки, попасть в эти районы (Матмассы, Казарово, Муллаши) можно только специально.

Анализ позволил выявить разные стратегии формирования топонимического облика городов в Татарстане и Тюменской области. Частотность топонимов с татарским обликом свидетельствует о ситуации двуязычия в Татарстане, что предполагает наличие двух языков, дистрибуция которых определяется условиями межкультурной коммуникации.

В процессе сознательного переименования в Татарстане прошел процесс перекодирования привычного русского названия в новый лингвистический код. Тип переименований, основанный на перекодировании русского названия в татарское, отражает двунаправленность этого процесса. С одной стороны, налицо исполнение управленческих, во многом политических решений, с другой — стремление к сохранению естественного «шлейфа памяти», стабилизации, пусть в переведенном варианте, привычных и укоренившихся названий. В случае с топонимами более болезненный результат получает та стратегия переименований, которая затрагивает привычные и устоявшиеся наименования, перекодирование в данном случае имеет более щадящий импульс.

Новые названия, появление которых диктует время, следует вводить на территории новой застройки, не инициируя болезненный процесс «перенаименования», «перезапоминания». Стоит особо сказать о продуманности такой стратегии со стороны администрации Набережных Челнов, так как последний период топонимической политики ориентирован на сохранение привычных и устоявшихся названий²⁴. Вектор топонимической политики в Татарстане сейчас изменился, этнонациональная платформа перестала быть ведущей в практике переименования улиц. Так, Р. Шакиров в 2011 г. при утверждении названий улиц и переулков в 71-м микрорайоне Нового города назвал нейтральные наименования улиц и переулков: Кленовая, Тенистая, Алтынай, Рубиновая, Сиреневая, Южная, Малиновая, Медовая, Алы, Удачный и Алмазный²⁵.

В Тюмени реализуется вариант «русского» города вне этнической определенности, встроенного в общероссийскую культуру. В Набережных Челнах долгое время определяющей была политика этнокультурного закрепления территории. Для Тюмени важно взаимодействие с «материнской», или общенациональной, культурой, для Набережных Челнов — со столицей республики Казанью. Обособление культурно-исторических областей происходит на фоне непрерывного диалога с крупными культурными центрами, являющимися источниками распространения политических, экономических, религиозно-философских, художественно-эстетических идей. Такими локусами выступают столичные города, центры-посредники, «культурные гнезда» — города, являющиеся средоточием культуры в территориально удаленных от столиц областях страны.

Для российских регионов характерна политика «тиражируемости», которая обеспечивает воспроизводимость и однородность культурного, смыслового, символического пространства²⁶. Легитимизированное в центре является априори одобренным, поэтому дублетные названия топонимических объектов можно найти в любом российском городе (например, в России около 7 700 улиц Ленина)²⁷.

Подобная тиражируемость имеет положительное значение, если понимать, что отсутствие одобряемых образцов провоцирует бессистемное и внесистемное заполнение лагун (такое мнение существует в российском политическом дис-

курсе относительно появления улиц имени Джохара Дудаева в Риге, Львове, Ивано-Франковске, Горажде, Хмельницком). На месте лагун неизбежно возникают образцы с чужим культурным кодом. Однако для формирования культурной идентичности в пространстве обширных территорий с полиэтничным, поликонфессиональным составом, анклавов нужно учитывать единый культурный код, базирующийся на общенациональных ценностях, проводить осознанную топонимическую политику. Исследование топонимического облика российских регионов — важная задача, она может способствовать реконструированию ценностных культурных пластов, выявить области линвокультурных контактов, дать оценку властным вмешательствам в топонимические карты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Azaryahu M. The Critical Turn and Beyond: The Case of Commemorative Street Naming // *АСМЕ: An Intern. E-J. for Crit. Geographies*. 2011. Vol. 10. № 1. P. 28—33.

² См.: Еро же. Street Names and Political Identity: The Case of East Berlin // *J. of Contemporary History*. 1986. Vol. 21. № 4. P. 581—604.

³ См.: Еро же. What is to be remembered: the struggle over street names in Berlin, 1921—1930 // *Tel Avier Jb. fuer deutsche Geschichte*. 1988. Bd. 17. P. 241—258.

⁴ См.: Еро же. Renaming the past. Changes in “city text” in Germany and Austria 1945—1947 // *History and Memory*. 1990. Vol. 2. № 2. P. 32—53.

⁵ См.: Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Collective memory and the politics of urban space: an introduction // *GeoJ*. 2008. Vol. 73. Iss. 3. P. 161—164; Их же. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // *Progress in Human Geography*. 2010. Vol. 34. Iss. 4. P. 453—470; Rose-Redwood R.S. “Sixth Avenue is now a memory”: Regimes of spatial inscription and the performative limits of the official city-text // *Polit. Geography*. 2008. Vol. 27. Iss. 8. P. 875—894; Еро же. From number to name: symbolic capital, places of memory and the politics of street renaming in New York City // *Social & Cultural Geography*. 2008. Vol. 9. Iss. 4. P. 431—452.

⁶ См.: Тимофеев М.Ю. Бес/з коммунизма: кризис идеологии в современной России (анализ семиотического дискурса) // *Лабиринт*. 2012. № 1. С. 10.

⁷ См.: Немцев М.Ю. О неизменности топонимики современного Новосибирска // Историческая разметка пространства и времени: материалы семинара, провед. Волгогр. гос. ун-том при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. / Волгогр. гос. ун-т, Фил. зарегистр. союза «Фонд Фридриха Эберта» (Германия) в Рос. Федерации; под ред. И.И. Куриллы; авт. предисл. И.И. Куриллы. Волгоград: ВолГУ, 2014. С. 68—76.

⁸ См.: Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подгот. «Политология». М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2006. 780 с.

⁹ См.: Терентьев Е.А. Топонимический активизм и «право на город»: социологические заметки // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1. С. 194—202.

¹⁰ См.: Wodak R. Disorders in Discourse. N. Y.; L.: Longman, 1996. 200 p.

¹¹ См.: Wodak R., Meyer M. (eds). What CDA is About: A Summary of its History, Important Concepts and its Developments // Methods of Critical Discourse Analysis. L.: Sage, 2001. P. 1—13.

¹² См.: Wodak R. Critical Discourse Analysis // Qualitative Research Practice / C. Seale, G. Gobo, J.F. Gubrium, D. Silverman (eds). L.: Sage, 2004. P. 197—213.

¹³ См.: Wodak R. Discourses of Silence // Discourse and Silencing / L. Thiesmeyer (ed.). Amst.: Benjamins, 2004. P. 179—209.

¹⁴ См.: Терентьев Е.А. Топонимический активизм и «право на город» ...

¹⁵ См.: Лефевр А. Производство пространства // Социол. обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 27—29.

¹⁶ Purcell M. Excavating Lefebvre: the right to the city and its urban politics of the inhabitant // Geo-J. 2002. Vol. 58. № 2—3. P. 102—103.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Alderman D.H., Inwood J. Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King // J. Social & Cultural Geography. 2013. Vol. 14. № 2. P. 211—233.

¹⁹ Рычкова Л. «Уйду я от вас!». Чиновники Тюмени шокировали ветерана своим поведением. Скоро их креатив оценит весь город. URL: <http://ura.ru/news/1052176285> 5.03.2014 (дата обращения: 14.10.2015).

²⁰ См.: Шамсутдинова Л. У нас есть будущее! URL: http://www.info-islam.ru/publ/intervju/l_shamsutdinova_u_nas_est_budushhee/4-1-0-1641 (дата обращения: 12.04.2015).

²¹ См.: Коммунистическая. URL: <http://tyumen-street.livejournal.com/tag/%D0%90> (дата обращения: 12.04.2015).

²² См.: Меньшова Л. Необычное уступило традиционному — моста Робинзона Крузо в Тюмени не будет. URL: <http://www.vsluh.ru/news/news/30960.html> (дата обращения: 29.10.2015).

²³ См.: Бульвар в Тюмени назвали в честь татарина — героя ВОВ. URL: <http://www.tatar-inform.ru/news/2011/03/22/262608> (дата обращения: 12.04.2015).

²⁴ См.: В Набережных Челнах хотят переименовать улицы и остановки. Депутаты против. URL: <http://www.tatar-inform.ru/news/2009/09/18/185166/> (дата обращения: 04.10.2015).

²⁵ См.: Названия улиц, коммунальное хозяйство и не только. URL: http://kam.ru/news__chelny__17202 (дата обращения: 04.09.2014).

²⁶ Галактионова Н.А. Соотношение центра и периферии в провинциальной идентичности // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 94—98.

²⁷ См.: Сколько улиц Ленина в России? URL: <http://journalufa.com/11142-skolko-ulic-lenina-v-rossii.html> (дата обращения: 10.11.2015).

Поступила 30.11.2015.

**N. A. Galaktionova. Socio-Cultural Image
of a Region in Terms of Toponymic Policy
(the Case Study of Tyumen and Naberezhnye Chelny)**

Study of place names gives an opportunity to discuss lexical manifestations of the current ethnic and cultural situation in the regions of Russia. Toponymy of the urban space allows to estimate the power settings and the political discourse propagated by regional authorities.

Toponymy reflects the nature of extra-linguistic interventions due to various social, cultural, and historical circumstances. In Russia, it is possible to distinguish some current trends in naming streets: returning of the old (pre-revolutionary) names; changing old (Soviet) names into new ones; new names for new or unnamed toponymic objects; new names resulting from renaming similar or duplicate names of toponymic objects, resulting from the consolidation of administrative units; translation of names into other languages (often into the language of the titular ethnic group of the region).

The analysis revealed different strategies of formation of the toponymic appearance of cities in the Republic of Tatarstan and Tyumen. The frequency of names with the Tatar appearance is indicative of the situation of bilingualism in Tatarstan, which suggests presence of two languages distribution of which is determined by the conditions of intercultural communication. The type of renaming based on the transcoding of a Russian name into a Tatar one reflects the bidirectionality of the process of renaming. On the one hand, performance of management, largely political decisions is clearly seen; on the other hand, one can see the aspiration to preserve the natural “trail of memory” with familiar and established names. In the case of toponyms, the strategy of renaming that affects the familiar and established names is the most painful one; in this respect, transcoding has a more gentle impulse. Since recently, the toponymic policy in the Republic of Tatarstan has been focused on preservation of the familiar and established names.

For the Russian-speaking regions, the return to the old pre-revolutionary names is in demand, as well as transformation of an old name into a new one and assignment of new toponymic names to new objects. In Toponymy, the ethnic context of naming is poorly traced.

For the formation of cultural identity in the space of vast territories with multi-ethnic and multi-religious composition of the enclaves, of great importance is the single unified cultural code based on national values as well as a conscious toponymic policy. A toponymic study of the image of Russia's regions can contribute to reconstruct valuable cultural layers and to reveal the area of linguistic and cultural contacts, to assess interference of authorities into the toponymic maps.